Ф№ Отарина

№ 8

1912

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Московскаго Совета Профессиональных Союзов

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. АВГУСТЪ. 1912 годъ.

Книга на дом не выдается
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВЕННОГО КЛУБА.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Сто лѣтъ назадъ.** Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. . . 165—171

II. **Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 года.** В. В—на. . . . 172—207

III. **Въ Румыніи передъ войной 1877 г.** Р. И. Бобрикова. . . . . 208—212

IV. **Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1806 г.** Сообщ. Н. А. Вилламовъ. 213—217

V. **Бѣжаницкое народное училище.** И. . . . . 218—231

VI. **Взятіе русскими Ганджи (Елизаветполя).** (По архивнымъ даннымъ). С. Фарфоровскаго. . . . 234—238

VII. **Изъ воспоминаній стараго кадета о Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ.** М. М. Рота. . 239—249

VIII. **Характеристика архіереевъ Саратовской епархіи за шестьдесятъ пять лѣтъ.** (Изъ записокъ стараго помѣщика). В. А. Шомпулева. . . . . 250—257

IX. **1812-й годъ. Бородинское сраженіе 26 августа.** (Съ приложеніемъ плана Бородинскаго сраженія). Б. М. Колюбакина. . . . . 258—281

X. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**
а) **Наказаніе монахини (1690 г.).** Сообщилъ Ив. С—въ. . . . . 232—233

XI. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

XII. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18 августа по 1 сентября 1911 г.** (на оберткѣ).

Въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“ — Записки генерала Ермолова, въ Отечественную войну 1812 года. . . . 46—120

Приложенія: Портретъ Барклая-де-Толли. Рисунки: а) Бой 24 августа 1812 года у Шевардина; б) Бородинское сраженіе 26 августа 1812 года и в) Планъ Бородинскаго сраженія.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1912.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1912 года.

Библіографическій листокъ.

Не имѣя никакой возможности помѣщать отзывы о многочисленныхъ сочиненіяхъ, касающихся отечественной войны, которыя присылаются для отзыва, редакція считаетъ своимъ долгомъ приложить списокъ болѣе или менѣе изъ нихъ выдающихся:

Матеріалы Военно-Ученаго Архива Генеральнаго Штаба. Отечественная война 1812 года, томъ XIV. Боевыя дѣйствія въ 1812 г. (іюль), томъ XV. Боевыя дѣйствія въ 1812 году (іюль—декабрь), томъ XVI. Боевыя дѣйствія въ 1812 году (августъ), томъ XVIII. Боевыя дѣйствія въ 1812 году (октябрь—декабрь).

Нашествіе Наполеона и Отечественная война 1812. Изданіе Прокудинъ-Горскаго и Лаурсона. Томы 4 и 5.

Воспроизведенныя въ этихъ выпускахъ картины отличаются такими же достоинствами, какъ предшествовавшіе выпуски.

Къ столѣтію Отечественной войны 1812. Издательство Бѣлокурова,—портреты Императора Александра I, Наполеона, Кутузова и воспроизведеніе картины Мазуровскаго, Казачья атака лавой, при м. Миръ, 26 іюня 1912 г. Эти портреты и картины выполнены прекрасно.

Акты, издаваемые Виленской комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXXVII. Вильна 1912 г.

Документы и матеріалы, относящіеся къ исторіи Отечественной войны 1812 г.

Полоцко-Витебская Старина. Изданіе Витебской Ученой Архивной Комиссіи, часть I. Въ этой книгѣ напечатаны матеріалы для исторіи Отечественной войны 1812, извлеченные изъ Витебскаго Губернскаго Архива М. А. Мельниковой.

Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ Н. П. Муратова. Изданіе Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи. Тамбовъ 1912 г. Краткое и прекрасное изложеніе событій 1812 г.

Бородино. По новымъ даннымъ. А. Геруа. 1912 г.

Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ мемуарахъ, документахъ и художественныхъ произведеніяхъ, иллюстрированный сборникъ. Москва 1912 г.

1812 г. Первое „Утро“, посвященное Отечественной войнѣ.

Походъ въ Москву. Мемуары участника, французскаго генерала графа де-Сегюра. Москва 1911 г.

Пожаръ Москвы. По воспоминаніямъ и перепискѣ современниковъ. Москва. 1911.

Самыми интересными записками о 1812 годѣ считаются „Записки Алексѣя Петровича Ермолова“—часть I, 1801—1812 г. Изданіе Н. П. Ермолова. Москва 1865 г. Нераспроданныя части I и II этого, исполненнаго историческаго значенія, изданія имѣются въ Петербургѣ въ магазинѣ Главнаго Штаба.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18 августа по 1 сентября 1911 г.

Епифановъ, Ив. Игорь князь Новгородо-Сѣверскій (1905 г.). Половецкій походъ. Историческій разсказъ. М. 1912. Изд. 2-е, М. В. Клюкина (Ваганьковск. пер., 9). Тип. Поплавскаго (Лялинъ пер., соб. д.). 8° (17×22). 32 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Кудринскій, Ѳ. А. Исторія великаго дня (19 февраля 1861 г.). Вильна. 1911. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (16×24). 31 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Малецкій. П. И. Исторія Христіанской церкви. Вып. послѣдній. Отъ раздѣленія церквей (1054 г.) до настоящаго времени. Тула. 1911. Изд. автора (Дух. семинарія). Тип. Е. И. Дружининой (Кіевская. 18). 8° (18×27). VIII+324+4 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 2.400 экз.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
МОСКОВСКАГО СОВѢТА
Профессіональныхъ Союзовъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Барклай де Толли

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКАГО
ДВОРЯНСКАГО [illegible]

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Одепталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

62.

Августа 2-го 1812 г.

Что прикажете сказать вамъ, любезный Александръ Яковлевичъ? Мы здѣсь ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ. Тому и книги въ руки, кто читать гораздъ. Кутузова сдѣлали свѣтлѣйшимъ; да могли ли его сдѣлать лучезарнѣе его дѣяній? Публика лучше бы желала его видѣть съ титуломъ генералиссимуса. Всѣ увѣрены, что когда онъ приметъ главное начальство надъ арміями, такъ всякая позиція очутится для русскаго солдата превосходною. Продлятъ долѣе козни: такъ и Богъ отъ насъ отступится. Мнѣ ужъ представляется, что Бонапарте задалъ всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ нашимъ большой дозисъ опіума. Они спятъ, а вмѣсто нихъ дѣйствуютъ Фули, Вольцогены. Проснутся—и увидятъ, кому они ввѣрили судьбу нашу. Сюда прибылъ еще Штейнъ [2]).

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1912 г.

[2]) Штейнъ, баронъ Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ, род. въ 1756 г. † въ 1831 г. одинъ изъ знаменитѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Европы, врагъ Наполеона, изгнанный имъ изъ Пруссіи. Въ іюнѣ 1812 г., по приглашенію Императора Александра I, Штейнъ пріѣхалъ въ Россію.

Вотъ еще дѣтина! — Что жъ намъ прикажутъ несчастнымъ дѣлать?—Увы!—воздыхать.—Есть уже разные слухи о Фулѣ. Весьма жаль, ежели онъ дѣйствительно ушелъ отъ насъ. Много бы сказалъ вамъ изустно, да и то прерывающимся голосомъ, а рука не можетъ писать того, что теперь узнаешь.—Русскіе воины! не медлите! принимайте разбойниковъ на штыки. Они не могутъ противъ васъ устоять. Узнаемъ, что васъ пустили уже въ бой; такъ наше безпокойство кончится.

63.

С.-Петербургъ. Августа 6-го 1812 г.

Мнѣ нечего къ вамъ писать, любезный Александръ Яковлевичъ, ибо радостнаго ничего не знаю.

Вчерась даны Сенату два указа. 1-ый объ открытіи въ Англіи торговли на нынѣ существующихъ постановленіяхъ впредь до размѣна ратификацій, а 2-ой о рекрутскомъ наборѣ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя изъяты манифестомъ отъ ополченія. Это узнаете вы, можетъ быть, прежде меня. Говорятъ, что Государь изволитъ на сихъ дняхъ ѣхать въ Ревель или Або.

Реляцію и Journal du Nord у сего посылаю. — Когда будетъ вѣрная оказія, такъ ждите отъ меня сообщеній. — Что-то къ вамъ пишетъ теперь кн. Багратіонъ?

64.

Августъ 13. 1812 г.

Свѣтлѣйшаго Кутузова, наконецъ, назначили главнокомандующимъ всѣми арміями, о чемъ вы уже должны быть извѣстны. Третьяго дня поутру около 11 часовъ отправился онъ чрезъ Новгородъ въ Смоленскъ. Онъ взялъ съ собою для письменныхъ дѣлъ историка Суворова—Егор. Бор. Фукса. Государь изволилъ прислать ему дорожную карету и коляску. Въ субботу ввечеру по уполномочію распечаталъ онъ донесеніе къ Императору графа Витгенштейна, который въ третій разъ нанесъ Удинотову корпусу пораженіе. У непріятеля легло на мѣстѣ до 3-хъ тысячъ человѣкъ, въ плѣнъ взято болѣе 2-хъ тысячъ, отбито 8 пушекъ. Увѣряютъ, что самъ Удино тяжело раненъ, и вмѣсто него принялъ начальство генералъ С.-Сиръ. Кажется, что сраженіе происходило подъ Полоцкомъ.

Реляціи печатной до сихъ поръ нѣтъ, поелику Кутузовъ, прочтя донесеніе, немедленно за своею печатью отправилъ его съ тѣмъ же

Библиотека-Читальня
...вскаго Совета

курьеромъ къ Государю въ Финляндію. Говорятъ, будто третьяго дня прискакалъ еще другой курьеръ изъ большой арміи также съ радостнымъ извѣстіемъ. О сей побѣдѣ, одержанной будто бы Раевскимъ, разсказываютъ различно—и такъ сбивчиво, что лучше дождаться подтвержденія.

Наполеонъ долженъ быть въ Витебскѣ, Мюратъ въ Оршѣ, а Гіеронимъ въ Толочинѣ. Бѣглые изъ Витебска, которымъ разбойники по неволѣ забрили лбы, сказывали, что тамъ за фунтъ хлѣба платили по рублю серебромъ. Въ непріятельскихъ войскахъ пропасть больныхъ, наиболѣе же страдаютъ они опухолью въ ногахъ. Бѣлорусскіе жители не могутъ имѣть хлѣба: французы у нихъ отнимаютъ, коль скоро испекутъ его. Несчастные изъ спрятанной въ лѣсахъ муки дѣлаютъ родъ поленты и тѣмъ только и пробавляются.

Изъ Великихъ Лукъ имѣю отъ 6-го августа письма, а изъ Пскова отъ 7-го. Въ обоихъ сихъ городахъ никто уже посѣщенія Чингисхановыхъ ордъ не боится. Между прочимъ пишутъ мнѣ, что во Псковъ привели цѣлый голландскій полкъ, который добровольно сдался графу Витгенштейну.

Вчерась тѣ, которые на листахъ, полицейскими офицерами разносимыхъ, въ домахъ своихъ на пожертвованія подписались, должны были оныя въ съѣзжіе дворы представить, а въ принятіи выдавались имъ росписки. Изъ сего вы можете видѣть, что комитетъ нашъ имѣетъ еще помощниковъ въ полицейской командѣ. Позвольте васъ подразнить; такихъ средствъ вы съ графомъ не умѣли придумать, чтобъ обогатить и сборщиковъ.

Начинаютъ, сударь, и у насъ отличаться. Одинъ министръ взнесъ 10 тысячъ. Прочіе министры и знать приготовили уже большія суммы, ожидаютъ токмо, чтобъ государственный канцлеръ по возвращеніи изъ Финляндіи показалъ имъ примѣръ. Государя ждутъ къ 15-му августа. Тогда будутъ праздновать и миръ съ Англіей.

Новая биржа въ тотъ же самый день торжественно откроется. Графъ Бентингъ живетъ въ трактирѣ. Мнѣ неизвѣстно, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Посломъ сюда будетъ лордъ Каткартъ. Онъ привезетъ съ собою и ратификацію дружественнаго и торговаго трактата. Сей послѣдній имѣетъ основаніемъ тарифъ 1797 года.

Наше временное ополченіе приведется къ концу до Успеньева дня. Оно и въ половину не будетъ противъ московскаго. Не слыхать еще, кого выберутъ главнокомандующимъ надъ онымъ вмѣсто Свѣтлѣйшаго. — Два смертоносные или безпардонные полка, набираемые нѣкими Оливіери и Боде изъ людей свободнаго состоянія,

скоро также укомплектуются. На сихъ дняхъ герои сіи дрались въ казармахъ между собою. Около 20 человѣкъ отнесли по окончаніи битвы въ лазаретъ. Все молодежь, все хваты, одѣты въ красивые мундиры на подобіе казацкихъ. Въ нихъ такъ кипитъ кровь, что, не видя еще французовъ, рады со своими воевать. За ними крѣпкій дѣлается надзоръ.

Поздравляю васъ съ пожалованіемъ братца [1]) въ статскіе совѣтники. Я уже въ субботу читалъ указъ въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ. Будьте, господа, оба скорѣй министрами; вы оба достойны важнѣйшихъ мѣстъ въ государствѣ. Не забудьте моего Митеньку. Я ручаюсь, что будете имъ довольны.

Предметъ финляндскаго вояжа долженъ быть важный. Что-то сдѣлаетъ рѣшительно Бернадоттъ. Говорятъ, что онъ явится въ Або для условій. — Не взыщите, какъ удалось, такъ и навалялъ. Я совсѣмъ разстроенъ, и теперь болѣе духомъ, нежели тѣломъ. Авось Кутузовъ поставитъ меня своими побѣдами въ мою тарелку. Я отъ него многаго ожидаю. Не забывайте меня. Я весь вашъ.

PS. Что за дьявольщина съ Ключ—мъ [2])! Какъ это быть можетъ? Не по злобѣ ли кто губить его хочетъ? Я съ нимъ въ ссорѣ, но буду крайне жалѣть, ежели онъ дѣйствительно по иллюминатству своему дошелъ до послѣдней степени сумасшествія. Не Брокеръ ли тутъ опять доносчикомъ? Остерегайтесь! Въ васъ есть душа.

65.

С.-Петербургъ. Августа 16-го 1812 г.

Храбрость, руководимая разсудкомъ, начатаго счастливо не оставляетъ безъ довершенія. Что въ побѣдѣ, когда она не доводитъ до цѣли. Такъ мыслитъ нашъ герой графъ Витгенштейнъ: согласно тому и поступаетъ. Увѣряютъ, что онъ успѣлъ уже разбить и Сенъ-Сира, который также раненъ и съ остаткомъ Удинотова корпуса спасается въ страшномъ безпорядкѣ бѣгствомъ. По симъ извѣстіямъ опять тысячи враговъ легли на мѣстѣ, тысячи взяты въ плѣнъ, 17 пушекъ и весь обозъ достались въ руки побѣдителямъ. Письма, которыя завтра непремѣнно получу изъ Пскова, должны извѣстить меня, очищенъ ли Полоцкъ отъ непріятеля, какъ

---

[1]) Константина Яковлевича Булгакова.

[2]) Т. е. Ключаревымъ, Ѳедоромъ Петровичимъ, московскимъ почтъ-директоромъ, высланнымъ впослѣдствіи по представленію гр. Ростопчина на жительство въ Вологду за сношенія съ Верещагинымъ.

теперь утвердительно здѣсь то говорятъ. Какъ ни радостны сіи извѣстія, любезный Александръ Яковлевичъ, они однако же растворяются горестными чувствованіями отъ происшествій въ большой арміи. Русскій солдатъ, кромѣ лавровъ, ничего пожинать не умѣетъ. Храбростію и мужествомъ его страшное нанесено пораженіе врагу; но предводители не знали коварныхъ умысловъ его. Злодѣй прорвался къ Смоленску тамъ, гдѣ того не предполагали. Невѣровскаго дивизія слишкомъ была слаба, чтобы не пасть среди отчаяннаго защищенія противъ силы, которая вдесятеро ее превышала. Не я буду описывать вамъ ужасы, которымъ отъ худого распоряженія подвергся Смоленскъ.

Сильно достанется теперь Михайлѣ Ларіоновичу поправлять ошибки!

Какъ можно было дать начальство надъ арміею такому человѣку, котораго нигдѣ кромѣ ручнаго боя нельзя употреблять, да и то много съ 10-ю тысячами! Надѣюсь, что Кутузовъ всѣхъ этихъ храбрецовъ поставитъ на своемъ мѣстѣ. До сихъ поръ мы сами себѣ были враги. Не такъ пойдутъ дѣла, какъ умъ возьметъ поверхность надъ интригами. Ему должны теперь покоряться, ибо отъ него зависитъ избавленіе Россіи.

Къ успокоенію общему подошелъ къ большой арміи изъ Калужской губерніи Милорадовичъ съ сильнымъ корпусомъ. Его тотчасъ можно будетъ употребить для пресѣченія врагу дальнѣйшаго пути во внутренность Россіи.

Сказываютъ, что Чичаговъ съ Каменца-Подольскаго пошелъ влѣво и пробираться будетъ къ Варшавѣ. Богъ вѣдаетъ, гдѣ находится Тормасовъ съ большими своими силами. Императора ожидаютъ обратно завтра или напозднѣе въ воскресенье. На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда Цесаревичъ.

Скоро долженъ прибыть и Барклай-де-Толли. Вмѣсто него команда надъ первою арміею, какъ увѣряютъ, отдана Беннигсену. Кажется, и вторая получитъ новаго начальника.

Армфельдъ, одинъ изъ членовъ Военнаго Совѣта, который болѣе не существуетъ при главнокомандующемъ, проскакалъ здѣсь въ Або къ Государю. Я его почитаю другимъ Бернадоттомъ. Могу теперь съ достовѣрностью сказать вамъ, что здѣшнее ополченіе состоитъ не болѣе 12-ти тыс. съ сотнями. Оно все собрано въ здѣшнихъ казармахъ, одѣто, снабжено провіантомъ, но еще совсѣмъ не вооружено.

Генералъ-адъютантъ кн. Трубецкой женится на сихъ дняхъ на дочери виленскаго полицеймейстера Вейса. Онъ смертельно въ нее влюбленъ. Знающіе невѣсту отзываются объ ней какъ о Клеопатрѣ.

Нечему же дивиться, что онъ среди настоящихъ обстоятельствъ имѣетъ охоту жениться.

Вчерась обѣдалъ я вмѣстѣ съ бойкимъ казанскимъ протопопомъ. Онъ до слезъ тронулъ меня и всѣхъ присутствовавшихъ разсказомъ объ отъѣздѣ Михаила Ларіоновича! Будущій избавитель нашъ въ дорожномъ экипажѣ въ воскресенье предъ самою обѣднею при великомъ стеченіи народа пріѣхалъ служить молебенъ въ Казанскій соборъ. Во все продолженіе онаго стоялъ онъ на колѣняхъ; вся церковь съ нимъ. Онъ заливался слезами, воздѣвая руки къ Распорядителю судебъ; вся церковь рыдала. По окончаніи молитвы всякъ хотѣлъ подхватить русскую надежду подъ руки. Два протопопа собора воспользовались симъ счастьемъ. Народъ тѣснился вокругъ почтеннаго старца, прикасался его платья, умолялъ его: „Отецъ нашъ! остановi лютаго врага, низложи змія“.—Несчастнымъ считаю себя, что не зрѣлъ сего величественнаго и умилительнаго шествія.

Кутузовъ! Ты восторжествовалъ надъ кознями. Съ обѣтомъ народа, съ твоимъ умомъ, съ твоею опытностью, съ любовію къ Отечеству, ты восторжествуешь и надъ страшнымъ врагомъ. Гони вонъ строптивыхъ, мнимыхъ героевъ, сдѣлай въ начальствѣ другой распорядокъ, разставь непобѣдимыхъ такъ, чтобъ коварство вездѣ обрѣтало себѣ оплотъ.

Имѣй на первый случай въ виду закрытіе Москвы и Твери. Москва—русское сердце, а Тверь теперь житница.

Мори съ голоду разбойниковъ, преслѣдуй ихъ по пятамъ. Въ два мѣсяца предѣлы наши будутъ очищены. Дай намъ скорѣе устремиться на помощь разореннымъ.

Весь вашъ, любезный Александръ Яковлевичъ.

66 [1]).

С.-Петербургъ, ликующій неизреченно отъ побѣды въ самый Александровъ день 1812 г.

Кидаюсь на васъ мысленно, несравненный мой Александръ Яковлевичъ, обнимаю васъ, прижимаю васъ и поздравляю васъ съ побѣдою вадъ страшнымъ, ужаснымъ, лютымъ врагомъ. Не имѣю силъ къ изліянію на бумагѣ въ сердце ваше тѣхъ радостныхъ чувствованій, коими волнуется душа моя. Чего не могу по немощамъ моимъ выразить, о томъ судите по собственнымъ вашимъ

[1]) Судя по нумераціи писемъ, сдѣланной Оденталемъ, предъ этимъ письмомъ были еще два, не дошедшихъ до Булгакова, или утраченныхъ.

чувствованіямъ. Торжествуй, Россія! вознеси главу твою превыше всѣхъ царствъ земныхъ! А ты, счастливый Помазанникъ ея, возвеличенный, облеченный руками Кутузова во славу и сіяніе, спѣши съ умиленіемъ къ гробницѣ во святыхъ почивающаго Александра Невскаго пасть на колѣни и принести ему за предстательство у Всемогущаго Владыки смиренное благодареніе. Угодникъ сей хотѣлъ тебя утѣшить въ день тезоименитства Твоего, поелику ты утѣшилъ Россію, давъ ей избавителями Кутузова и Ростопчина. Восчувствуй, колико царство твое можетъ быть твердымъ и могущественнымъ, когда одни токмо достойные мужи будутъ блюсти престолъ Твой. О! кроткій Александръ! не ввѣряй насъ болѣе— увы!—Я не дерзну обречь ихъ настоящимъ наименованіемъ. Врагъ опрокинутъ, сбитъ съ мѣста, преслѣдуемъ нашими героями. Сказываютъ, что до 15 тысячъ повалили его разбойниковъ; плѣнныхъ множество, а между трофеями есть и пушки. Ну! Михайла Архангелъ, докатывай! Трудно было тебѣ токмо сначала разстроить коварнаго злодѣя, а теперь мы на тебя какъ на каменную гору надѣемся, что ты его саранчу до тла истребишь. Надобно людей? такъ Ростопчинъ дастъ еще тебѣ половину дружины своей, чтобы некуда было увильнуть крокодилу.

Я весь трясусь отъ радости. Ночью не могъ отъ нея спать, да также и ничего дѣлать. Спѣшу, не взирая на слабость, идти въ Невскую Лавру, чтобъ узрѣть радужнаго Александра и быть участникомъ ликующаго народа. Сладка будетъ и смерть въ такомъ торжествѣ.

Вашъ 27 я получилъ. Бога ради! не оставляйте меня. Присылайте за недосугами хотя одни бюллетени ваши и картинки. Первыхъ нельзя ли побольше? Одолжи, милый Булгаковъ. Узнаешь меня покороче. Скоро все вскроется. Дай, Боже, только мнѣ дожить до вожделѣннаго сего вскрытія.—Императоръ, какъ слышу, скачетъ къ вамъ, безсмертнымъ, завтра съ разсвѣтомъ вдругъ.—Извини— ей, ей! не способенъ писать.—J'ai bien des choses à vous dire.— Да! Вашъ шаръ и казакъ довольно дали работы угадать загадку. Не знаю, другіе угадали ли, а я, кажется, попалъ на отводъ. Quel homme qu'est le Comte! Non ce n'est pas un simple mortel.—Обнимаю васъ.

Митя всѣхъ гостей встрѣчаетъ рѣзкимъ своимъ голосомъ: „Знаете ли, что Кутузовъ побилъ французовъ?“ — Какъ онъ возится съ двумя присланными картинками. Это его собственность.

Adieu. Пожелайте мнѣ подкрѣпленія въ силахъ. Худъ я.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г.

Мирный договоръ или вѣрнѣе дружественный союзъ Россіи съ Франціею, заключенный 25 іюня (7 іюля) 1807 года въ Тильзитѣ, оказался столь непрочнымъ, что уже годъ спустя понадобилось возобновить его въ Эрфуртѣ. Со стороны Наполеона искренности нельзя было и ожидать; если онъ приглашалъ Александра къ новому свиданію и увѣрялъ, что день пріѣзда русскаго монарха въ Парижъ былъ бы „лучшимъ его жизни“ [1]), то имѣлъ на это свои причины: дѣла въ Испаніи, гдѣ онъ вознамѣрился низвергнуть Бурбоновъ въ пользу своего брата Іосифа, стали принимать серьезный оборотъ; чтобы покончить съ ними, необходимо было обезпечить себя со стороны волновавшейся Австріи, а для этого онъ нуждался въ содѣйствіи Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мечталъ о походѣ въ Индію съ участіемъ 20—25.000 русскихъ войскъ [2]). Но и Александръ, воевавшій тогда съ Турціею и Швеціею, соглашался на новое свиданіе только потому, что считалъ союзъ съ Наполеономъ необходимымъ; личныя же къ нему восторженныя чувства, вынесенныя изъ Тильзитскаго сближенія, продолжались недолго; это удостовѣряется словами, сказанными имъ вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ французскому посланнику Савари: „говорятъ, что Императоръ даетъ мнѣ обѣщанія, которыя не намѣренъ исполнить, и что отношенія его измѣнятся, какъ только онъ достигнетъ отъ меня чего желаетъ“ [3]). На сколько вѣрно, русскій монархъ уже

---

[1]) Инструкція Наполеона своему посланнику въ Петербургѣ, въ февралѣ 1808 г.

[2]) Тіеръ. Часть VIII, стр. 172.

[3]) Тіеръ. Часть VIII, стр. 172.

тогда понималъ своего друга, усматривается также изъ его отвѣта князю Волконскому, передавшему ему, по возвращеніи изъ Франціи, слова Наполеона: „Скажите Вашему Государю, что я его другъ, если мы останемся въ союзѣ, міръ будетъ принадлежать намъ; мы можемъ его раздѣлить на двѣ части, какъ это яблоко, которое я держу въ рукахъ, и каждый изъ насъ получитъ половину". На это Александръ замѣтилъ: „Сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую".

Въ сентябрѣ 1808 г. оба монарха съѣхались въ Эрфуртѣ. Тамъ они скрѣпили мнимый союзъ свой снова и напередъ обязались признать: съ одной стороны возможное пріобрѣтеніе Дунайскихъ княжествъ Россіею, съ другой—проблематическое воцареніе Наполеоновской династіи въ Испаніи. При этомъ Александру удалось однако облегчить судьбу Пруссіи. Еще передъ тѣмъ онъ столь рѣшительно отклонилъ предложеніе предоставить Франціи Силезію, взамѣнъ уступки Дунайскихъ княжествъ Россіи [1]), что Наполеонъ поспѣшилъ успокоить его увѣреніемъ, что онъ отказывается отъ этой мысли [2]). Теперь онъ выговорилъ уменьшеніе контрибуціи на 20 милліоновъ франковъ, разсрочку ея уплаты и выводъ французскихъ войскъ изъ прусскихъ предѣловъ. Что же касается Австріи, то попытки возстановить противъ нея Императора Александра повели только къ весьма неопредѣленному обѣщанію оказать содѣйствіе въ случаѣ объявленія ею войны Наполеону. Такимъ образомъ, главная цѣль „Эрфуртской комедіи" въ сущности не была достигнута. Обманутымъ остался самъ Наполеонъ. „Императоръ Александръ расположенъ все сдѣлать, что я захочу" [3]), сказалъ онъ Талейрану въ 1-й день свиданія. Передъ отъѣздомъ онъ заговорилъ другое: „я ни въ чемъ не успѣлъ у Императора Александра; впрочемъ, одинъ ужъ фактъ нашего свиданія испугаетъ Австрію: она подумаетъ, что есть тайныя статьи, и не я ее разувѣрю" [4]). Послѣ 17-ти дневнаго пребыванія въ Эрфуртѣ монархи разстались, чтобы никогда болѣе не видѣться.

Послѣдовавшія затѣмъ событія, съ одной стороны: война Россіи съ Швеціею и возобновленныя ею послѣ продолжительнаго застоя боевыя дѣйствія на Балканахъ, а съ другой: неожиданное сопротивленіе, встрѣченное Франціею въ Испаніи, и возгорѣвшаяся въ 1809 г. война ея съ Австріею, — настолько поглотили вниманіе

---

[1]) Mémoires du prince de Talleyrand. T. I, стр. 395.
[2]) Письмо отъ 2 февраля 1808 г. Correspondence de Napoléon I. T.
[3]) Mémoires du prince de Talleyrand. T. I, стр. 423.
[4]) Тамъ же стр. 439.

обоихъ императоровъ, что личныя ихъ отношенія стали постепенно охлаждаться, а потомъ и обостряться. Наполеонъ дорожилъ союзомъ съ Россіею до окончательнаго подавленія центральной Европы,— когда же цѣль эта была достигнута, союзникъ сталъ соперникомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и противникомъ. „Черезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ", сказалъ Наполеонъ послѣ Шенбруннскаго мира; „остается только Россія, но я подавлю ее"... [1]) Въ этихъ словахъ заключается объясненіе всей послѣдующей его политики. Къ тому же въ политикѣ чисто персональной, какова была политика Наполеона, личныя чувства имѣютъ первостепенное значеніе; это подтвердилось и относительно Россіи, когда явилось обстоятельство, возбудившее въ самолюбивомъ корсиканцѣ ненависть и жажду мщенія. Уже въ Эрфуртѣ французскій императоръ, не имѣвшій наслѣдника и рѣшавшійся расторгнуть свой первый бракъ, выразилъ желаніе породниться съ россійскимъ императорскимъ домомъ; но во время переговоровъ великая княжна Екатерина Павловна была поспѣшно обручена съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ. Наполеонъ не хотѣлъ понять этого отказа, и около года спустя предметомъ его желаній сдѣлалась другая сестра Александра, Анна Павловна; онъ возобновилъ свое предложеніе, но и на этотъ разъ встрѣтилось препятствіе: слишкомъ большая молодость великой княжны. Тогда озлобленный императоръ, не дождавшись даже окончательнаго отвѣта, обратился къ австрійскому двору, со стороны котораго успѣхъ былъ обезпеченъ.

Первымъ наружнымъ поводомъ къ несогласіямъ между Россіею и Франціею послужило усиленіе герцогства Варшавскаго западною Галиціею, съ населеніемъ слишкомъ въ полтора милліона. Открытые вслѣдствіе того переговоры о томъ, что Польское королевство не будетъ возстановлено, были сначала приняты весьма благосклонно Тюльерійскимъ кабинетомъ, который отвѣчалъ, что императоръ Наполеонъ готовъ даже содѣйствовать, чтобы имя Польши и поляковъ изчезло изъ государственныхъ актовъ и исторіи" [2]). Когда же заключенная конвенція была послана въ Парижъ, Наполеонъ отказалъ въ ея ратификаціи; это было первое мщеніе оскорбленнаго самолюбія. Теперь послѣдовалъ длинный рядъ упрековъ и обвиненій: Россія принимала слишкомъ слабое участіе въ войнѣ 1809 года; континентальная система не соблюдается ею довольно строго; Фридрихсгамскимъ трактатомъ обѣщано содѣйствіе къ из-

---

[1]) Dans cinq ans je serai le maître du monde; il ne reste que la Russie, mais je l'écraserai. Garden. Histoire des traités de paix.

[2]) Депеша французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 14 октября 1809 года.

мѣненію нѣкоторыхъ постановленій этой системы въ пользу Швеціи и т. д. Но у Наполеона обвиненія имѣли всегда двойную цѣль: для будущаго онѣ подготовляли давно уже задуманную войну, а для настоящаго служили оправданіемъ совершаемыхъ насилій. Такъ и въ этомъ случаѣ; упрекая Александра въ неправильностяхъ, онъ самъ позволилъ себѣ дѣйствія, которыя, по произволу, едва-ли не превосходили всѣ прежнія. Въ іюлѣ 1810 года Голландія была присоединена къ французской имперіи; но въ ноябрѣ та же участь постигла Валезкую республику; въ началѣ декабря Ганзейскіе города и все прибрежье Сѣвернаго моря до Эльбы были объявлены принадлежащими Франціи, а въ концѣ того же мѣсяца герцогъ Ольденбургскій былъ лишенъ своихъ владѣній. Эта послѣдняя мѣра была отчасти направлена противъ русскаго монарха, такъ какъ Ольденбургское герцогство, доставшееся младшей линіи Гольштейнъ-Готторнскаго дома, должно было, въ случаѣ пресѣченія этой линіи, поступить въ обладаніе Императорской россійской династіи. Тѣмъ не менѣе на представленія нашего посла послѣдовали лишь уклончивые отвѣты: „Императоръ Наполеонъ сдѣлаетъ всевозможное, чтобы вознаградить герцога, небольшія государства не могутъ сохранить своей самобытности, коль скоро она несогласна съ выгодами великихъ державъ“ и тому подобныя фразы. Тогда Императоръ Александръ объявилъ протестъ въ формальной декларації, которая была разослана всѣмъ европейскимъ дворамъ. Замѣчательно, что при общемъ раболѣпствѣ къ Наполеону, русскимъ посланникамъ стоило даже труда, чтобы вручить протестъ дворамъ, при которыхъ они были акредитованы. Эта декларація, какъ актъ политики самостоятельной, не могла не раздражить Наполеона. Но въ большей еще степени его неудовольствіе было возбуждено подобнымъ же актомъ внутренняго управленія, появившимся почти одновременно съ предъидущимъ; это былъ тарифъ 19-го (21-го) декабря 1810 года. Континентальная система лишала Россію возможности сбывать моремъ свои сырыя произведенія и вынуждала покупать мануфактурные и колоніальные товары дорогою цѣною. Для Наполеона же эта система служила не только мѣрою противъ Англіи, но и давала ему поводъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла государствъ и обращаться къ нимъ съ постоянными требованіями. Понятно, поэтому, съ какимъ негодованіемъ онъ встрѣтилъ новый русскій тарифъ, по которому пошлина на колоніальные товары была уменьшена, тогда какъ предметы роскоши, производимые преимущественно во Франціи, были либо высоко обложены, либо запрещены вовсе. Всѣ эти обстоятельства внесли въ отношенія обоихъ монарховъ взаимное недовѣріе; люди, про-

нительные давно уже видѣли, что Наполеонъ ищетъ разрыва, и что война рано или поздно должна разразиться, а Императоръ Александръ, хотя и не совсѣмъ еще раздѣлялъ убѣжденія пессимистовъ, признавалъ однакожъ необходимымъ готовиться къ возможной борьбѣ. Для исполненія этой-то задачи былъ призванъ Барклай.

Барклай-де-Толли пользовался уже тогда репутаціею выдающагося генерала; въ арміи и въ обществѣ имя его произносилось съ уваженіемъ и даже будущіе враги: Беннигсенъ, Багратіонъ, Аракчеевъ были въ числѣ особенныхъ его почитателей. Участіе въ войнѣ 1806—1807 г. вывело его изъ неизвѣстности: авангардный бой у Колозомба, гдѣ со слабымъ отрядомъ онъ задержалъ напоръ двухъ французскихъ корпусовъ; сраженіе подъ Пултускомъ, въ которомъ онъ такъ много содѣйствовалъ побѣдѣ; искусныя дѣйствія арріергарда, которымъ онъ прикрывалъ продолжительное отступленіе арміи; наконецъ и геройская защита 27 января (8 февраля) Пр.-Эйлау, гдѣ непріятельская пуля раздробила ему кость правой руки,—это были подвиги, выходившіе изъ ряда обыкновенныхъ. Наполеонъ пожелалъ узнать имя генерала, столь смѣло и искусно преграждавшаго ему путь отъ Алленштейна до Эйлау; а Императоръ Александръ, пріѣхавшій въ концѣ марта на театръ войны и посѣтившій королевско-прусскую чету въ Мемелѣ, гдѣ Барклай лѣчился отъ тяжелой раны, не ограничился оффиціальными заявленіями своего благоволенія [1]), но удостоилъ его личными посѣщеніями и продолжительными бесѣдами. Это личное сближеніе монарха съ Барклаемъ, вызвавшее съ одной стороны полное довѣріе, а съ другой безпредѣльную преданность, имѣло большія послѣдствія: Александръ узналъ того, которому нѣсколько лѣтъ спустя ввѣрилъ судьбу отечества.

Къ этому времени относится также знаменательное изреченіе Барклая, произнесенное имъ въ разговорѣ съ историкомъ Нибуромъ о лучшемъ образѣ дѣйствій противъ Наполеона. „Въ случаѣ вторженія его въ Россію“, сказалъ онъ, бесѣдуя съ названнымъ ученымъ въ Мемелѣ, „слѣдуетъ искуснымъ отступленіемъ заставить непріятеля удалиться отъ операціоннаго базиса, утомить его мелкими предпріятіями и завлечь во внутрь страны, а затѣмъ съ сохраненными войсками и помощью климата подготовить ему, хотя-бы за

---

[1]) Ему были пожалованы орд. Св. Георгія 3-й ст. и Св. Владиміра 2 ст., производство въ генералъ-лейтенанты и назначеніе начальникомъ 6 дивизіи.

Москвою, новую Полтаву“ [1]). Слова эти врѣзались Нибуру въ память, и когда въ 1812 г. назначеніе Барклая главнокомандующимъ сдѣлалось извѣстнымъ, онъ сообщилъ ихъ генералу Дюмо, а послѣднія—маршалу Бертье [2]).

Возгорѣвшаяся въ 1808 г. война съ Швеціею призвала Барклая, едва излѣчившагося отъ раны, къ новымъ подвигамъ, изъ которыхъ особенно прославилъ его въ началѣ 1809 г. знаменитый переходъ русскаго отряда по льду Ботническаго залива изъ Финляндіи въ шведскій гор. Умео. Движеніе это, около 110 в., было совершено чрезъ проливъ Кваркенъ по цѣльному снѣгу зимней пустыни, не представлявшей никакихъ предметовъ для оріентированія, но пересѣченной мѣстами разбросанными бурями, ледяными глыбами, при 15 гр. мороза и при вѣтрѣ, стѣснявшемъ дыханіе, отчасти даже въ густомъ туманѣ какъ въ ледяномъ облакѣ. Бивачные огни послѣдней стоянки и первые выстрѣлы нашихъ казаковъ произвели на жителей потрясающее впечатлѣніе; никто не хотѣлъ вѣрить въ возможность появленія русскихъ войскъ изъ лежащей за моремъ Финляндіи, и самъ гр. Кронстедтъ, распустившій передъ тѣмъ часть своихъ войскъ по домамъ, призналъ это появленіе „совершившимся чудомъ“. Неудивительно поэтому, что онъ поспѣшилъ выслать парламентера и затѣмъ пріѣхалъ самъ для переговоровъ, на которые Барклай согласился съ условіемъ, чтобы непріятель немедленно сдалъ ему г. Умео со всѣми боевыми и продовольственными запасами и очистилъ Вестерботнію до Гернесанда, въ 220 в. къ югу отъ Умео. Въ тотъ же день, 10 марта изнемогавшія войска наши вступили въ городъ и нашли въ немъ, кромѣ военной добычи, всякаго рода запасы. На другой день прибылъ туда послѣдній полкъ перешедшаго отряда, и Барклай, въ ожиданіи изъ Финляндіи остальныхъ трехъ полковъ экспедиціоннаго корпуса, сталъ готовиться къ новымъ операціямъ. Но уже 12 марта все измѣнилось: гонецъ привезъ отъ главнокомандующаго извѣстіе о внезапномъ заключеніи перемирія и предписаніе безотлагательно возвратиться въ Финляндію. О перемиріи извѣстилъ его вслѣдъ затѣмъ и шведскій генералъ Кронстедтъ. Однако Барклай не счелъ нужнымъ торопиться обратнымъ движеніемъ, такъ что головной эшелонъ выступилъ лишь 15, а арріергардъ 17 марта; при этомъ онъ возвратилъ шведамъ военную добычу и убѣждалъ свои войска особымъ приказомъ „не запятнать пріобрѣтенной славы и оставить въ чужомъ краѣ память,

---

[1]) M. Dumos, Souvenirs. Ч. III, стр. 416—417.

[2]) Дюмо полагаетъ, что эти слова не могли не быть переданы Наполеону.

которую бы чтило потомство". И они послушались своего начальника, эти герои Кваркена; это удостовѣряется самимъ Барклаемъ, въ дневникѣ котораго читаемъ: „При выступленіи изъ Умео явился ко мнѣ губернаторъ, въ сопровожденіи магистрата и депутацій, и благодарилъ за сохраненный войсками порядокъ и соблюденную ими дисциплину; въ произнесенной имъ рѣчи онъ сказалъ, что ихъ поведеніе оставитъ у него и его согражданъ неизгладимую память. Признаюсь, въ эту минуту я чувствовалъ себя счастливымъ".

Такъ кончилась безпримѣрная въ военной исторіи экспедиція черезъ Кваркенъ, прославившая русское оружіе и его вождя. Достигнутые ею результаты оказались гораздо важнѣе, нежели можно было ожидать; не говоря уже о нравственномъ впечатлѣніи, побудившемъ шведское правительство поспѣшить заключеніемъ мира, она повліяла и непосредственно на ходъ военныхъ дѣйствій: генералъ Гриппенбергъ, атакованный графомъ Шуваловымъ изъ Торнео, получивъ 13 (25) марта извѣстіе о занятіи русскими въ тылу его г. Умео, нашелся вынужденнымъ положить оружіе.

Императоръ Александръ выразилъ свою признательность Барклаю производствомъ его въ генералы-отъ-инфантеріи, хотя онъ былъ изъ младшихъ генералъ-лейтенантовъ. Но этимъ благорасположеніе къ нему монарха не ограничилось; вслѣдъ затѣмъ онъ назначилъ его главнокомандующимъ финляндской арміи, а недѣли двѣ спустя и генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Для человѣка скромнаго, какъ Барклай, производство показалось преждевременнымъ и незаслуженнымъ, такъ что гр. Шуваловъ писалъ ему: „могу Васъ увѣрить, что Вамъ воздано по заслугамъ, что Вашъ переходъ вызываетъ удивленіе". Новыя же назначенія даже испугали Барклая; онъ зналъ людей и понималъ, что успѣхъ возбуждаетъ зависть и вызываетъ вражду; онъ также зналъ искусство Аракчеева предубѣждать монарха противъ людей самостоятельныхъ, которыхъ онъ самъ, при своемъ близорукомъ высокомѣріи, переносить не могъ. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ Барклай написалъ письмо Императору Александру, въ которомъ просилъ о сохраненіи къ нему довѣрія и въ случаѣ недоброжелательныхъ толкованій его дѣйствій со стороны завистниковъ [1]). На это письмо послѣдовалъ самый снисходительный отвѣтъ: „Призвавъ васъ къ командованію Финляндскою арміею, я руководствовался лишь чувствомъ справедливости и уваженія къ вашимъ военнымъ дарованіямъ и личнымъ качествамъ. Имѣя столь прочное основаніе, мое мнѣніе о васъ не можетъ никогда измѣниться; оно одно достаточно, чтобы отразить зависть,

[1]) Письмо Барклая-де-Толли отъ 12 мая 1809 г.

если бы таковая посмѣла когда-либо подняться противъ васъ [1]). Къ этому же времени относится и рескриптъ о назначеніи Барклая генералъ-губернаторомъ Финляндіи, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „зная усердіе ваше къ добру и ваши либеральныя правила, я убѣжденъ, что это назначеніе будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на общую пользу страны и преуспѣяніе ея жителей". Слова: „либеральныя правила" могли бы показаться не соотвѣтствующими стоическому характеру Барклая; но если видѣть въ нихъ безразличное уваженіе человѣческаго достоинства и права каждаго, отвращеніе къ употребленію права сильнаго и тотъ благотворный духъ реформъ, который стремится къ совершенству, то онъ дѣйствительно былъ человѣкъ либеральный и доказалъ это не только въ своихъ сношеніяхъ съ людьми, но и во всѣхъ дѣйствіяхъ своей административной дѣятельности.

Миръ съ Швеціею былъ подписанъ 5 (14) сентября въ Фридрихсгамѣ. Россія пріобрѣла всю Финляндію съ Аландскими островами; граница Имперіи на западѣ, проведенная по Аландсгафу, Ботническому заливу съ р. Торнео и Умео, была отодвинута до крайнихъ естественныхъ предѣловъ, и этимъ прекращены дальнѣйшіе поводы къ возобновленію вѣковыхъ войнъ, отъ которыхъ Финляндія наиболѣе страдала.

Дѣятельность Барклая въ Финляндіи, какъ составной части имперіи, вступившей въ новую политическую эру мирнаго развитія, была непродолжительна. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и 20 января 1810 г. вступилъ въ управленіе столь важнаго въ то время военнаго министерства.

Барклаю-де-Толли было тогда 48 лѣтъ, но по лицу онъ казался старѣе, что было послѣдствіемъ страданій во время продолжительнаго лѣченія раны. Страданія эти никогда, впрочемъ, не покидали его совершенно; раненою рукою владѣть свободно онъ болѣе не могъ и даже, по снятіи повязки, долженъ былъ искать для нея подпоры или поддерживать лѣвою рукою; садиться на лошадь онъ также безъ посторонней помощи не могъ. Блѣдное, продолговатое лицо его имѣло серьезное и нѣсколько задумчивое, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно доброе выраженіе; раннія морщины лежали посреди открытаго, высокаго лба, обнаруживавшаго силу воли и глубину

[1]) Отвѣтъ отъ 23 мая 1809 г.: „En vous appelant au commandement de mon armée en Finlande, je n'ai suivi que le mouvement de la justice et de l'estime, que j'ai conçu pour vos talents militaires et votre caractère personel. Fondée sur ces motifs, mon opinion sur votre compte ne saurait jamais varier; seule elle suffira pour repousser l'envie si jamais elle osait s'elever contre vous".

мысли. Барклай былъ высокаго роста и держался прямо; во всей наружности его проявлялась нѣкоторая величавость, которая становилась поразительною въ бою, когда, среди опасности и общаго волненія, онъ неподвижно сидѣлъ на конѣ, спокойно слѣдилъ за ходомъ дѣла и хладнокровно отдавалъ приказанія; въ такія минуты онъ внушалъ окружающимъ невольное удивленіе, и, какъ выражался одинъ изъ его адъютантовъ [1]), имъ казалось, что неподвижная его фигура растетъ на ихъ глазахъ. Въ обращеніи своемъ Барклай былъ простъ, вѣжливъ со всѣми и ласковъ съ подчиненными [2]); но вообще онъ держался нѣсколько вдали отъ людей и рѣдко съ кѣмъ сближался. Несообщительность, лежавшая въ его характерѣ, сдѣлалась еще замѣтнѣе послѣ событій 1812 года, и справедливо выразился одинъ изъ его современниковъ, сказавъ, что Барклай, „ненавидимый тогда всею Россіею, оскорбленный и осмѣянный, никогда, ни однимъ словомъ неудовольствія или оправданія не выразилъ того, что у него было на душѣ, и когда его невинность и высокія заслуги были признаны, онъ никогда о нихъ не говорилъ [3])“. Дѣйствительно, если бы письма его къ женѣ не сохранились, то осталось бы навсегда скрытою та внутренняя борьба, которую онъ испыталъ въ тяжкій годъ отечественной войны. Съ приближенными Барклай не былъ фамиліаренъ, но принималъ въ нихъ самое теплое участіе. „Во время сраженія“, разсказываетъ Левенштернъ [4]), когда глаза его зорко слѣдили за ходомъ боя, онъ не замѣчалъ пуль, наносившихъ тяжелыя и смертельныя раны окружавшимъ его и близкимъ ему лицамъ; но вслѣдъ за тѣмъ онъ снова обращался въ заботливаго начальника, принимавшаго къ сердцу страданія своихъ подчиненныхъ“. Солдатъ онъ любилъ, имѣлъ о нихъ самое тщательное попеченіе и никогда не употреблялъ противъ нихъ бранныхъ словъ [5]); неумолимъ онъ былъ только въ случаяхъ нарушенія дисциплины и нанесенія обиды жителямъ. Заботливость его распространялась и на офицеровъ, положеніе которыхъ, весьма мало обезпеченное, возбуждало его сочувствіе. Въ одной изъ записокъ, поданныхъ имъ Государю, было сказано: „необходимо улучшить судьбу нашихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ,

---

[1]) Левенштернъ. Denkwürdigkeiten eines Livländers. Ч. I, стр. 227.

[2]) Въ первыхъ числахъ мая 1808 года И. П. Липранди, явившійся къ нему по случаю назначенія колонновожатымъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: „Не видавъ до сего времени боевыхъ генераловъ, я былъ пораженъ простотою и вѣжливостью, внушавшими какое-то особенное уваженіе“.

[3]) Автобіографическія записки Егора Ѳедоровича Ф.-Брадке.

[4]) Denkwürdigkeiten eines Livländers. Ч. I, стр. 231.

[5]) Воспоминанія Булгарина.

имѣющихъ худшее положеніе, нежели солдаты, ибо для послѣднихъ требуется лишь лучшее обращеніе, т. е. чтобы ихъ считали людьми, одаренными чувствами и патріотизмомъ [1])". Барклай былъ строгъ по службѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно справедливъ; къ молодежи онъ еще относился снисходительно, но отъ начальниковъ требовалъ серьезнаго исполненія обязанностей. Онъ не любилъ многословія, а въ особенности хвастовства; фанфаронство презиралъ, лихую удаль не цѣнилъ, а запальчивой храбрости всегда предпочиталъ спокойное мужество. Образомъ жизни и привычками онъ отличался отъ своихъ современниковъ не менѣе, нежели свойствами характера. Не имѣя состоянія, Барклай долженъ былъ жить весьма скромно, но онъ не находилъ въ этомъ лишенія, не дозволяя себѣ роскоши и не чувствуя въ ней потребности, онъ однакожъ былъ радушнымъ хозяиномъ; въ домѣ его не встрѣчалось, конечно, того широкаго раздолья, которое составляло тогда въ глазахъ многихъ какъ бы необходимую принадлежность высокаго званія, но онъ находилъ удовольствіе видѣть за своимъ столомъ сослуживцевъ и подчиненныхъ и прислушиваться за обѣдомъ къ сужденіямъ молодежи; въ разговорахъ этихъ онъ самъ большого участія не принималъ, но слѣдилъ за ними и выражалъ свое сочувствіе одобрительными улыбками [2]). Вообще онъ любилъ простоту, считалъ книги и занятія лучшимъ развлеченіемъ и находилъ въ семейной жизни и въ исполненіи долга полное довольство. Чтеніе въ особенности составляло для него потребность, и въ книгахъ онъ дѣлалъ обыкновенно свои помѣтки; до какой степени онъ къ нимъ былъ привязанъ, усматривается между прочимъ изъ его письма къ женѣ, отправленнаго въ 1812 году изъ Тулы, когда, страдая тѣломъ и душею, онъ удалился отъ арміи и ждалъ отставки: „я ни на что болѣе не разсчитываю", писалъ онъ ей 1-го октября, „даже ни на то, чтобы 30-лѣтняя, честная моя служба была принята во вниманіе; готовься къ уединенному и скудному образу жизни, продай все, что ты сочтешь излишнимъ, но сохрани только мою библіотеку, собраніе картъ и рукописи въ моемъ бюро. Человѣку немного нужно, и даже съ ничтожными средствами онъ можетъ быть счастливъ, лишь бы у него сердце билось спокойно и достало духу возвыситься надъ дрязгами ежедневной жизни". Воззрѣнія Барклая мало со-

[1]) Записка, представленная Барклаемъ Императору Александру 22 января 1812 года: Il faut améliorer le sort de nos officiers et bas-officiers, qui sont vraiment plus mal à leur aise que nos soldats, car pour ces derniers il ne leur faut qu'un meilleur traitement.

[2]) Изъ разсказовъ И. П. Липранди.

Журнальный зал Московской обл. библиотеки

отвѣтствовали понятіямъ тогдашняго времени, когда блестящія поверхностно и пышныя фразы имѣли большее значеніе и открывали дорогу. Неудивительно поэтому, что даже остроумный Ермоловъ составилъ далеко не вѣрную его характеристику. „Барклай-де-Толли", говоритъ онъ, „неловкій у двора, не расположилъ къ себѣ людей близкихъ къ Государю; холодностью обращенія не снискалъ пріязни равныхъ, ни приверженности подчиненныхъ. До возвышенія въ чины имѣлъ состояніе весьма ограниченное, долженъ былъ смирять желанія, стѣснять потребности. Такое состояніе, конечно, не препятствуетъ стремленію души благородной, не погашаетъ ума высокія дарованія; но бѣдность однако жъ даетъ способы явить ихъ въ приличнѣйшемъ видѣ, не допуская сдѣлать обширныя связи, требующія нерѣдко взаимныхъ послугъ, иногда даже пожертвованій. Семейная жизнь не наполняла всего времени уединенія: жена не молода, не обладаетъ прелестями, которыя могутъ долго удерживать въ нѣкоторомъ очарованіи, всѣ другія чувства покоряя. Свободное время онъ употребилъ на полезныя занятія, обогатилъ себя познаніями. Ума образованнаго, положительнаго, терпѣливъ въ трудахъ, заботливъ о ввѣренномъ ему дѣлѣ, твердъ въ намѣреніяхъ, недоступенъ страху, нечуждый снисходительности, внимателенъ къ трудамъ другихъ и т. д., словомъ Барклай-де-Толли имѣетъ недостатки, съ большею частью людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающія весьма немногихъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ генераловъ". Изъ враговъ Барклая Ермоловъ едва-ли не болѣе всѣхъ повредилъ ему въ 1812 году; но въ то время, когда онъ писалъ свои впечатлѣнія, чувства его къ прежнему начальнику давно уже измѣнились, и онъ, быть можетъ, охотно загладилъ бы прежнюю вину. Если и затѣмъ написанная имъ картина лишена сходства, то это доказываетъ только, что съ такими взглядами на жизнь и назначеніе человѣка, какіе имѣлъ Ермоловъ, нельзя было понять Барклая. Разгадать его могли лишь тѣ, которые не въ наслажденіяхъ искали задачу жизни, которые чувствовали, хотя бы безсознательно, что самоотверженіе есть высшая добродѣтель,—а къ числу ихъ принадлежали не только нѣкоторые изъ окружавшихъ его и приближенныхъ къ нему лицъ, но и безчисленные простые воины, видѣвшіе въ немъ осуществленіе этой истины. Дѣйствительно, 3-й егерскій полкъ, по выраженію Булгарина, обожалъ своего шефа [1]), а армія 1812 года, не взирая на интриги и клевету, и несмотря на прибытіе новаго главнокомандующаго, продолжала въ великій день Бородина признавать въ Барклаѣ своего

[1]) Воспоминанія. Ч. IV, стр. 175. Командиръ назывался тогда шефомъ.

главнаго вождя и привѣтствовала его на полѣ битвы громкими криками: ура! [1]).

Главное военное управленіе того времени не имѣло еще надлежащаго устройства. Министерство военно-сухопутныхъ силъ замѣнило прежнюю военную коллегію въ 1802 году; въ томъ же году была образована при немъ инженерная экспедиція для завѣдыванія крѣпостями и зданіями, а въ 1805 году было прибавлено особое военно-медицинское управленіе. Дальнѣйшія преобразованія послѣдовали въ 1808 году съ назначеніемъ Аракчеева военнымъ министромъ, который сдѣлался и докладчикомъ по военной части. Тогда же и военно-походная Его Величества Канцелярія поступила въ вѣдѣніе министерства. Затѣмъ были учреждены рекрутскія депо, которыя послужили впослѣдствіи къ образованію резервовъ. Дальнѣйшія преобразованія Аракчеева относились къ артиллеріи. Такимъ образомъ, перемѣны, совершившіяся при немъ по самому министерству, клонились преимущественно къ централизаціи всѣхъ отраслей военнаго вѣдомства и къ увеличенію значенія министра; внутреннее же устройство оставалось въ томъ же положеніи, въ которомъ находилось въ 1802 году, и недостатки его, съ присоединеніемъ новыхъ управленій, сдѣлались еще болѣе ощутительными. Къ улучшенію войсковыхъ управленій также ничего не было сдѣлано; при отсутствіи надлежащей регламентаціи, кругъ дѣйствій и взаимныя отношенія различныхъ органовъ этихъ управленій, въ особенности хозяйственныхъ, а также права, обязанности и отвѣтственность начальниковъ оставались совершенно неопредѣленными, что̀ нерѣдко имѣло пагубное вліяніе на состояніе войскъ и на самый ходъ военныхъ дѣйствій. Собственно, боевая организація арміи находилась въ болѣе удовлетворительномъ состояніи съ тѣхъ поръ, какъ прежнія инспекціи были замѣнены дивизіями. Однакожъ дивизіи измѣнялись въ своемъ составѣ, а управленіе ими было предоставлено личному усмотрѣнію и произволу начальниковъ: корпусовъ не существовало, за исключеніемъ развѣ военнаго времени, когда они составлялись какъ бы случайно. Наконецъ, военныя силы имперіи, хотя и были увеличены вновь сформированными въ 1806 и послѣдующіе годы войсками, далеко еще не были достаточны для поддержанія самостоятельной ея политики, а тѣмъ болѣе для гигантской борьбы, ей угрожавшей.

Въ такомъ положеніи находилось военное вѣдомство, когда, 20 января 1810 года, состоялось назначеніе Барклая военнымъ

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій, Описаніе отечественной войны 1812 года. Ч. II, стр. 273.

министромъ. Ближайшія обстоятельства этого назначенія до насъ не дошли; извѣстно только, что онъ выказалъ свою самостоятельность тѣмъ, что не счелъ возможнымъ подчиниться Аракчееву, назначенному предсѣдателемъ военнаго департамента въ новомъ государственномъ совѣтѣ, и пріобрѣлъ то же положеніе, которымъ пользовался его предмѣстникъ [1]). Задача, предстоявшая ему, была тройкая; она заключалась въ организаціи самого министерства, въ установленіи учрежденій для управленія арміи и ея составныхъ частей, и, наконецъ, въ увеличеніи и преобразованіи военныхъ силъ государства. Эту задачу постановилъ себѣ самъ Барклай и уже вскорѣ по принятіи новой должности онъ представилъ императору, вмѣстѣ съ проектами объ учрежденіи военнаго министерства, особый докладъ о „распорядкѣ арміи“, въ которомъ были изложены его мысли, какъ объ установленіи учрежденій, опредѣляющихъ „обязанности, предѣлы власти, отвѣтственность каждаго званія и порядокъ служенія въ военное и мирное время“, такъ и объ увеличеніи военныхъ силъ и введеніи преобразованій, вызываемыхъ „усиленіемъ арміи и перемѣнами въ самыхъ началахъ военнаго искусства“ [2]).

На основаніи этой главной программы, Барклай немедленно началъ усиленныя работы, которыя продолжались до конца 1811 года и поступили тогда на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, послѣ чего, 27 января 1812 года, „учрежденіе военнаго министерства и учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“ были Высочайше утверждены.

Учрежденіе военнаго министерства заключало въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: совѣтъ военнаго министерства; двѣ канцеляріи, общая и особенная; два дежурства, по арміи и по рекрутской части, каждое въ вѣдѣніи дежурнаго генерала; семь департаментовъ: артилерійскій, инженерный, инспекторскій, аудиторскій, комиссаріатскій, провіантскій и медицинскій; военно-ученый комитетъ, военно-топографическое депо и типографія. Каждое изъ этихъ управленій было подраздѣлено на отдѣленія, а каждое отдѣленіе на столы: кругъ дѣйствія департаментовъ, обязанности отдѣленій и занятія столовъ были опредѣлены и разграничены съ точностью, не допускавшей недоразумѣній. Квартирмейстерская часть, какъ видно, не была причислена къ министерству, хотя она и считалась соединенною съ собственнымъ Его Величества депо картъ, вошедшимъ въ со-

---

[1]) Исторія царствованія Императора Александра I, Т. II, стр. 490.

[2]) Докладъ № 612 подъ заглавіемъ: „общее положеніе о составѣ и распорядкѣ армій“.

ставъ его. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что генеральный штабъ, незадолго до организаціи министерства, въ 1810 году, уже получилъ новое управленіе, подъ названіемъ „канцеляріи управляющаго квартирмейстерскою частью“, и что Барклай считалъ нужнымъ сохранить этому управленію самостоятельность, подобно тому, какъ таковая была сохранена главнымъ управленіямъ артиллеріи и инженеровъ, одна лишь хозяйственная часть которыхъ вошла въ вѣдѣніе артиллерійскаго и инженернаго департаментовъ. Барклай смотрѣлъ на вновь учрежденное министерство какъ на высшее хозяйственное, административное и инспекторское управленіе военнаго вѣдомства, которому армію, а вмѣстѣ съ нею и спеціальные роды оружія, подчинять не слѣдуетъ близко; знакомый съ войскомъ, онъ, какъ это ясно видно изъ объявленнаго вслѣдъ затѣмъ „учрежденія для управленія дѣйствующей арміи“, признавалъ необходимымъ дать главнымъ военно-начальникамъ высокое и вполнѣ самостоятельное положеніе, согласно чему и вся служба при войскахъ должна была пріобрѣсть такое значеніе, чтобы званіе командира полка, дивизіи, корпуса цѣнилось выше всякихъ военно-административныхъ должностей. При такой обстановкѣ ограждались и матеріальные интересы войскъ, которые, какъ потребители всѣхъ предметовъ, снабжаемыхъ попеченіемъ министерства, пріобрѣли независимость, столь необходимую во взаимныхъ отношеніяхъ пріемщиковъ и поставщиковъ. Впрочемъ, для генеральнаго штаба, получившаго въ лицѣ князя Волконскаго просвѣщеннаго и дѣятельнаго начальника, это можетъ считаться временемъ его возрожденія. Изъ дневника Барклая 1805 года видно, что онъ придавалъ квартирмейстерской части большое значеніе и признавалъ необходимымъ дать ей надлежащее устройство; теперь онъ могъ осуществить свои взгляды, открывъ генеральному штабу, какъ сейчасъ увидимъ, обширное служебное поприще и доставивъ вновь учрежденному военно-топографическому депо значительныя средства для распространенія своей дѣятельности.

Одновременно съ учрежденіемъ военнаго министерства появилось въ свѣтъ и другое твореніе Барклая: „учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“, которое, по словамъ одного изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ генераловъ, достаточно, чтобы увѣковѣчить его имя въ Россіи [1]). Исполненіе этой второй задачи представляло еще болѣе затрудненій, но это не остановило Барклая; испытавъ въ предшествовавшихъ войнахъ, въ особенности въ кампаніи 1807 года, до какой степени недостатки организаціи вредно

[1]) Ф. Ф. Шубертъ, въ своихъ запискахъ.

отзываются на войскахъ и военныхъ дѣйствіяхъ, онъ незадумавшись взялся за дѣло и неуклонно довелъ его до конца. Сотрудниками его въ этой важной работѣ были генералы Опперманъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій, князь Волконскій, Гогель, графъ Сенъ-При и полковникъ Перскій, составившіе подъ его предсѣдательствомъ особую комиссію [1]); личными же секретарями Барклая по этой части были Воейковъ, его прежній бригадъ-маіоръ, и Канкринъ, извѣстный впослѣдствіи министръ финансовъ. Матеріалами для составленія новаго кодекса послужили всѣ постановленія по военной части, существовавшія въ Россіи и изданныя во Франціи съ 1791 года. Вновь выработаннымъ уложеніемъ высшее управленіе дѣйствующей арміи сосредоточено въ четырехъ отдѣлахъ: Главномъ штабѣ и главныхъ управленіяхъ: Инженерномъ, Артиллерійскомъ и Интендантскомъ. Къ Главному штабу отнесены: Начальникъ штаба, генералъ-квартирмейстеръ съ офицерами генеральнаго штаба, дежурный генералъ съ старшими адъютантами, генералъ-аудиторъ, генералъ-гевальдигеръ, комендантъ главной квартиры, генералъ-вагенмейстеръ, директоръ военныхъ сообщеній, генералъ-штабъ-докторъ, полевой почтдиректоръ, капитанъ надъ вожатыми, полевой оберъ-священникъ и конвой главной квартиры. Главному интенданту подчинены: генералъ-провіантмейстеръ съ провіантскими комиссіями и комиссіонерствами, генералъ-кригсъ-комиссаръ съ комиссаріатскми комиссіями и земскіе правители или комиссары для управленія занятыхъ областей. Затѣмъ при главнокомандующемъ учреждена особая канцелярія, съ дипломатическимъ отдѣленіемъ. Подобно главному управленію арміи были также организованы управленія корпусовъ и дивизій, названныя корпусными и дивизіонными штабами; штабы эти составлены: корпусные—изъ начальника штаба, оберъ-квартирмейстера, дежурнаго штабъ-офицера, оберъ-провіантмейстера, оберъ-кригсъ-комиссара, оберъ-гевальдигера, оберъ-вагенмейстера, оберъ-аудитора, корпуснаго штабъ-доктора и канцеляріи корпуснаго командира; дивизіонные—изъ дивизіоннаго квартирмейстера, старшаго адъютанта, провіантмейстера, гевальдигера, вагенмейстера, аудитора, дивизіоннаго доктора и канцеляріи начальника дивизіи. Въ случаѣ отдѣленія корпуса или дивизіи прибавлялось: къ корпусному штабу—начальники инженеровъ и артиллеріи, священникъ, почтмейстеръ, земскій комиссаръ и конвой, а къ дивизіонному—начальники: штаба, инженеровъ и артиллеріи, кригсъ-комиссаръ, земскій комиссаръ и конвой. Всматриваясь ближе въ „учрежденіе о большой дѣйствующей арміи“, нельзя не

[1]) Исторія царствованія Императора Александра I. Т. III, стр. 10—11.

подивиться, съ какою тщательностью выработаны всѣ его различныя части, въ особенности интендантская и госпитальная, находившіяся прежде въ совершенномъ запущеніи. Замѣчательна также точность, съ которою обозначена дѣятельность каждаго управленія, и полнота, съ которою опредѣлены права и отвѣтственность каждаго начальника. Затѣмъ проявляются въ немъ еще двѣ отличительныя черты: самостоятельное положеніе высшихъ начальниковъ и боевой характеръ войсковыхъ управленій. Глубоко убѣжденный, что всякое стѣсненіе главнокомандующаго можетъ имѣть только вредныя послѣдствія, Барклай счелъ нужнымъ предоставить ему въ военное время, по всѣмъ отраслямъ военнаго, хозяйственнаго и гражданскаго управленій, права, ограниченныя только Высочайшею властью. Точно также и начальники главныхъ управленій пріобрѣли, каждый по своей части, въ весьма значительной степени свободу дѣйствій. Что касается войсковыхъ управленій, то они получили, какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени, одинаковое устройство и почти одинаковый составъ; это дало возможность скрѣпить узы, связывающія войска съ начальниками, и внести въ ихъ взаимныя отношенія необходимое довѣріе. Наконецъ, „учрежденіе о большой дѣйствующей арміи“ имѣло также огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе квартирмейстерской части; установленіемъ должностей начальниковъ штабовъ и квартирмейстеровъ въ арміи, корпусахъ и дивизіяхъ, и постановленіемъ, чтобы дежурные штабъ-офицеры въ корпусныхъ штабахъ были избираемы изъ свитскихъ офицеровъ, оно открыло генеральному штабу обширную карьеру; съ другой стороны, возложеніемъ на него новыхъ и важныхъ обязанностей по „приготовительнымъ соображеніямъ къ военнымъ операціямъ и приведенію ихъ въ дѣйствіе“, оно возвысило его значеніе и доставило ему при войскахъ положеніе, соотвѣтствовавшее его достоинству.

„Учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“, также какъ и „учрежденіе военнаго министерства“, сохранило свою силу въ продолженіе болѣе полустолѣтія; составляя трудъ людей, пріобрѣвшихъ извѣстность не только своими познаніями, но и боевою опытностью, и имѣвшихъ въ своей главѣ генерала, командовавшаго и въ мирное и въ военное время отдѣльными частями и отдѣльными отрядами, оба уложенія, обнимавшія всю организацію военныхъ силъ имперіи въ мирное и военное время, доказали свою полную состоятельность въ многочисленныхъ и большихъ войнахъ минувшаго столѣтія, начиная съ Отечественной. Обратимся теперь къ третьей задачѣ Барклая—развитію и преобразованію военно-сухопутныхъ силъ.

При вступленіи Барклая въ должность военнаго министра наша армія состояла изъ 145 полковъ и 3 батал. пѣхоты, 64 пол. кавалеріи и 136 ротъ артиллеріи; составъ полковъ былъ весьма различный, общее же число баталіоновъ доходило до 370, а эскадроновъ до 380; артиллерія находилась еще въ формированіи. Всѣ эти войска были распредѣлены по 26 дивизіямъ, составъ которыхъ измѣнялся. Численность полевыхъ войскъ была вообще слабая; изъ тогдашнихъ вѣдомостей усматривается, что даже списочное состояніе не превышало 350—400 чел. въ батальонѣ; кромѣ того имѣлись еще гарнизонныя и инвалидныя войска и иррегулярныя, казачьи, число которыхъ измѣнялось сообразно имѣвшейся въ нихъ надобности.

Послѣдовавшія теперь преобразованія и усиленія арміи, вызванныя отчасти ожиданіемъ возможнаго разрыва съ Наполеономъ, продолжались до весны 1812 года; а потому описаніе ихъ заключаетъ въ себѣ и самое описаніе нашихъ приготовленій къ отечественной войнѣ.

Съ наступленіемъ 1811 года начался рядъ формированій новыхъ полковъ и отдѣльныхъ частей. Гвардія увеличена гвардейскимъ экипажемъ, сформированнымъ еще въ концѣ 1810 года, л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, преобразованнымъ изъ баталіона того же названія (приказъ отъ 19 октября 1811 года) и л.-гв. Литовскимъ полкомъ (приказъ отъ 7 ноября 1811 г.), образованнымъ изъ одного изъ баталіоновъ Преображенскаго полка, оставшагося затѣмъ въ трехъ-баталіонномъ составѣ. Къ гвардейской кавалеріи прибавлена л.-гв. Черноморская сотня (18 мая 1811 г.). Армейская пѣхота усилена сперва тринадцатью (Высочайшій указъ 7 января 1811 года, полки: Воронежскій, Брянскій, Литовскій, Подольскій, Эстляндскій, Орловскій, Галицкій, Великолуцкій, Пензенскій, Саратовскій, Софійскій пѣхотные, 47 и 48 егерскіе), а потомъ еще шестью (Высочайшій указъ 6 ноября 1811 года, полки: Одесскій, Тарнопольскій, Виленскій и Симбирскій пѣхотные, 49 и 50 егерскіе) новыми полками, сформированными изъ лучшихъ гарнизонныхъ войскъ, и кромѣ того четырьмя полками, составленными изъ флотскихъ экипажей и названными поэтому морскими. Тогда же сформированъ 3-й учебный гренадерскій баталіонъ (16 іюля 1811 года). Армейская кавалерія увеличена двумя новыми кирасирскими полками (12 октября 1811 года, Астраханскимъ и Новгородскимъ), а полевая артиллерія—нѣсколькими ротами, изъ которыхъ сформирована новая бригада (15 октября 1811 года, 27-я бригада). Наконецъ піонерные полки, находившіеся въ составѣ двухъ баталіоновъ, получили третьи баталіоны. Въ то же время мушкетерскіе полки были переименованы: 1 въ гренадерскій, 14 въ егерскіе, всѣ остальные въ пѣхотные. Изъ новыхъ 23-хъ полковъ было 19-ть пѣхотныхъ и 4 егерскихъ. Въ концѣ 1810 года всѣ пѣхотные полки получили трехъ-баталіонный и всѣ баталіоны—четырехъ-ротный составъ; недоставшіе въ полкахъ баталіоны были тогда же сформированы. Въ кавалеріи гвардейскіе, кирасирскіе и драгунскіе полки получили по пяти эскадроновъ, а уланскіе и гусарскіе по десяти. Составъ артиллерійскихъ бригадъ опредѣленъ въ

три роты, одну батарейную и двѣ легкія; составъ этотъ распространенъ на всѣ полевыя бригады.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и гарнизонныя, а также мѣстныя войска были пополнены, усилены и переформированы въ составѣ 12 полковъ, 19 баталіоновъ и 46 губернскихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ. Артиллерійскихъ ротъ и командъ, которыми были также снабжены взятыя отъ Турціи крѣпости, увеличено всего до 77. Наконецъ и инвалидныя части были преобразованы въ подвижныя роты и уѣздныя команды; первыхъ, въ составѣ 170 челов., было сформировано, соотвѣтственно числу губернскихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ, 46, а послѣднихъ, въ составѣ 68 чел.—419 (27-го марта 1811 г.).

По сформированіи всѣхъ вышеозначенныхъ войскъ, составъ арміи сдѣлался слѣдующимъ:

Пѣхота: 6 гвардейскихъ полковъ 18 бат., гвардейскій экипажъ 1 бат., 14 гренадерскихъ полковъ 42 бат., 100 пѣхотныхъ (въ томъ числѣ 4 морскихъ) 300, 50 егерскихъ 150 бат., 3 учебныхъ гренадерскихъ баталіона 3 бат. всего 514 бат.

Кавалерія: 6 гвардейскихъ полковъ 28 эск. (л.-гв. казачій въ составѣ 3-хъ эск.), 2 гвардейскія сотни 2 эск., 8 кирасирскихъ полковъ 40 эск., 36 драгунскихъ 180 эск., 11 гусарскихъ 110 эск., 5 уланскхъ 50 эск., всего 410 эск.

Артиллерія (въ свѣдѣніяхъ о состояніи артиллеріи, части, едва только формировавшіяся, нерѣдко показывались наличными и самыя исчисленія производились иногда по роду артиллеріи, иногда по бригадамъ, при чемъ итоги не одинаковы; а потому въ показанія объ артиллеріи могли вкрасться неточности): Гвардейская артиллерія 6 ротъ, полевая 81 рота, резервная 40 ротъ, всего 159 ротъ (изъ нихъ нѣкоторыя еще формировались).

Инженерныя войска: 2 піонерныхъ полка 6 бат.

Опредѣленными тогда штатами положено было имѣть строевыхъ чиновъ: въ гвардіи по 764 въ баталіонѣ и по 160 къ эскадронѣ, а въ арміи по 738 въ баталіонѣ и по 150 въ эскадронѣ; въ артиллеріи полагалось, смотря по роду ея, отъ 250 до 300 ч. въ ротѣ, а въ піонерахъ по 2.270 ч. въ полку. Такимъ образомъ комплектное число полевыхъ войскъ должно было быть: пѣхоты около 380.000 (379.826) чел., кавалеріи 62.000 (61.800) чел., артиллеріи 43.500 (43.776) чел., піонеровъ 4.500 (4.540) чел., всего около 490.000 чел.

Число полевыхъ орудій простиралось всего до 1.600.

Для доведенія войскъ до комплектнаго числа, были сдѣланы наборы: въ 1810 году по 3, а въ 1811 году по 4 человѣка на 500 душъ населенія (указъ отъ 16 сентября).

Общее число войскъ гарнизонныхъ и внутренней стражи было въ то же время слѣдующее: 12 гарнизонныхъ полковъ и 19 баталіоновъ—около 39.000 (39.326 чел.); 77 артиллерійскихъ и лабораторныхъ гарнизонныхъ ротъ и командъ—16.000 (16.016); 46 губернскихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ—22.000 (22.008); 419 уѣздныхъ инвалидныхъ командъ—20.000 (20.112); 46 подвижныхъ ротъ—8.000 (7.820). Всего около 105.000 чел.

Войска эти не могли конечно увеличить нашу боевую силу непосредственно, но, исполняя гарнизонную службу въ городахъ и отчасти въ крѣпостяхъ, они доставляли возможность употребить всѣ полевыя войска въ дѣло.

Одновременно съ увеличеніемъ военныхъ силъ было приступлено къ правильному и равномѣрному соединенію отдѣльныхъ частей въ дивизіи. Изъ 6 полковъ гвардейской пѣхоты образована гвардейская пѣхотная дивизія; изъ 12 гренадерскихъ полковъ 1 и 2 гренадерскія; а изъ 96 пѣхотныхъ и 48 егерскихъ полковъ—пѣхотныя дивизіи №№ 3 до 26; изъ 6 послѣднихъ вновь сформированныхъ полковъ составлена 27 дивизія (Высочайшій указъ отъ 6 ноября 1811 года).

Пѣхотнымъ дивизіямъ данъ одинаковый составъ въ 3 бригады, каждая бригада въ 2 полка; въ гренадерскихъ дивизіяхъ всѣ полки были гренадерскіе, а въ другихъ по 4 пѣхотныхъ и по 2 егерскихъ. Въ Оренбургскомъ краѣ и западной Сибири приступлено къ сформированію 28 и 29 дивизій. Кавалерія, полки которой оставались до того времени одиночными и сводились только для боя по особому на то приказанію и съ подчиненіемъ особо назначеннымъ генераламъ, получила теперь также постоянную организацію; изъ ней были составлены отдѣльныя дивизіи: гвардейская (гвардейскіе кирасирскіе полки: кавалергардскій и л.-гв. конный поступили въ составъ 1-й кирасирской дивизіи), 2 кирасирскія и 8 кавалерійскихъ; въ кирасирскія дивизіи назначено по пяти полковъ, въ томъ числѣ кавалергардскій и конногвардейскій, а въ кавалерійскія по 4 драгунскихъ и по 2 гусарскихъ или уланскихъ. Въ устройствѣ артиллеріи произошли также перемѣны: гвардейскій артиллерійскій баталіонъ переименованъ въ л.-гв. артиллерійскую бригаду (въ октябрѣ 1811 г.), а гвардейская конная артиллерія раздѣлена на двѣ батареи (2 сентября 1811 года); вся артиллерія раздѣлена: на одну гвардейскую, 27 полевыхъ, 10 резервныхъ и 4 запасныхъ бригадъ (24 февраля и 15 октября 1811 года). Каждый піонерный баталіонъ приведенъ въ составъ 2 понтонныхъ, 1 саперной и 1 минерной ротъ. Гарнизонные полки и баталіоны были распредѣлены по крѣпостямъ и нѣкоторымъ губернскимъ городамъ. Губернскіе же баталіоны и полубаталіоны, вмѣстѣ съ инвалидными ротами и командами, составили внутреннюю стражу, которая была раздѣлена на 8 округовъ каждый въ составѣ 3 бригадъ.

Одновременно съ внутреннимъ устройствомъ войскъ, были приняты мѣры и къ составленію изъ ихъ среды боевыхъ резервовъ и запасныхъ частей; для образованія первыхъ были назначены гренадерскія роты каждаго баталіона, а послѣднихъ—вторые баталіоны и послѣдніе эскадроны каждаго полка. Для дальнѣйшаго формированія резервовъ служили рекрутскія депо, число которыхъ увеличено вновь образованными въ 9-ти мѣстахъ новыми рекрутскими депо 2-й линіи (10 сентября 1811 года: въ Петрозаводскѣ, Новгородѣ, Твери, Москвѣ, Орлѣ, Калугѣ, Курскѣ, Харьковѣ и Екатеринославѣ). Рекрутскія депо 1-й линіи образовали два резервныхъ корпуса, каждый изъ двухъ резервныхъ дивизій, и одной резервной артиллерійской бригады.

Въ концѣ 1811 года всѣ исчисленныя выше полевыя войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ Молдавской арміи, подъ начальствомъ Кутузова, дивизіи: 8-я, большая часть 9-й, 10-я, 15-я, 16-я и 22-я пѣхотныя, 6 и 7-я кавалерійскія; въ Новороссійскомъ краѣ подъ начальствомъ герцога Ришелье: 13-я пѣхотная, другая часть 9-й и 8-я кавалерійская; на Кавказѣ и въ Грузіи, подъ начальствомъ Ртищева и маркиза Паулуччи: 19-я и 20-я пѣхотныя и три полка драгунъ; въ Финляндіи подъ начальствомъ Штейнгеля: 6-я, 21-я и 25-я пѣхотныя и два полка драгунъ;

27-я дивизія, Невѣровскаго, еще формировалась въ Москвѣ; 28-я, князя Волконскаго, и 29-я, Глазенапа, формировались на дальнемъ востокѣ. Затѣмъ въ окрестностяхъ Петербурга, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи и на Волыни находились дивизіи: гвардейская, 1-я и 2-я гренадерскія, 3-я, 4-я, 5-я, 7-я, 11-я, 14-я, 17-я, 18-я, 23-я, 24-я и 26-я пѣхотныя и 1-я и 2-я кирасирскія, гвардейская, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я кавалерійскія.

Въ началѣ 1812 года были получены извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ Наполеона, предвѣщавшихъ неминуемую войну; тогда послѣдовало распоряженіе о движеніи войскъ изъ Петербурга и Прибалтійскаго края къ западной границѣ, о привлеченіи туда же 9 и 15 дивизій изъ Молдавіи, трехъ кавалерійскихъ полковъ съ юга и другихъ еще казачьихъ полковъ съ Дона, а также о составленіи войсковыхъ и общихъ резервовъ. Къ началу войны таковыхъ было сформировано: 1 и 2 сводныя гренадерскія дивизіи и сводная гренадерская бригада, а также 32, 33, 34, 35 и 36 пѣхотныя и 9, 10 и 11 кавалерійскія дивизіи. Оставшіяся затѣмъ запасныя и резервныя части поступили на укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ: По объявленіи весною 1812 года дополнительнаго набора по 2 человѣка съ 500 [1]), приступлено къ образованію 12 новыхъ пѣхотныхъ полковъ [2]), а вскорѣ затѣмъ и 4 украинскихъ конныхъ №№ 1—4; пѣхотные полки, удержанные на мѣстѣ формированія, съ августа мѣсяца начали выдѣлять маршевыя части на укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ, а конные уже въ концѣ іюня поступили въ составъ арміи Тормасова.

Въ мартѣ и апрѣлѣ 1812 года послѣдовало образованіе корпусовъ и армій въ войскахъ, собиравшихся у западной границы имперіи. Тамъ, какъ извѣстно, сосредоточивалось, вмѣстѣ съ гвардіею, 15 пѣхотныхъ и 8 кавалерійскихъ дивизій, къ которымъ прибавились 9-ая и 15-ая, слѣдовавшія изъ Молдавіи, три сводныя гренадерскія (изъ нихъ одна въ составѣ бригады) дивизіи и три кавалерійскихъ полка, такъ что общее число пѣхотныхъ дивизій возросло до 20-ти, а полковъ регулярной кавалеріи до 49-ти. Эти-то войска вмѣстѣ со своею артилеріею были раздѣлены на 10 пѣхотныхъ и 5 кавалерійскихъ корпусовъ. Пѣхотные корпуса были составлены изъ двухъ дивизій съ своими артиллерійскими бригадами. Распредѣленіе въ нихъ кавалеріи было неодинаковое; цѣлыми дивизіями она была придана лишь 5-му и 8-му корпусамъ, въ составъ которыхъ вошли 1-ая и 2-ая кирасирскія дивизіи; въ 1-ый корпусъ

---

[1]) Указъ отъ 29 марта 1812 г.

[2]) Въ Ярославлѣ, Костромѣ, Владимірѣ, Рязани, Тамбовѣ и Воронежѣ.

поступили три полка, а въ прочіе по одному восьми-эскадронному полку. Изъ остальной затѣмъ кавалеріи были образованы сначала четыре корпуса, а потомъ еще пятый (Ламберта); первые въ составѣ 5-ти, а послѣдній—8 полковъ. Конныя артиллерійскія роты, числомъ 16, были распредѣлены по кавалерійскимъ частямъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ корпусовъ.

Изъ вновь сформированныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ корпусовъ были сначала образованы двѣ арміи: первая и вторая западныя [1]). Въ составъ первой было назначено 6 пѣхотныхъ и 3 кавалерійскихъ корпуса, а въ составъ второй—4 пѣхотныхъ и 1 кавалерійскій. Третью армію, обсерваціонную, и двѣ резервныя предполагалось организовать изъ запасныхъ и резервныхъ войскъ. Но такъ какъ передъ началомъ войны оказались сформированными изъ запасныхъ и резервныхъ баталіоновъ и эскадроновъ только пять пѣхотныхъ и три кавалерійскихъ дивизіи, пришлось ограничиться образованіемъ изъ нихъ одного дѣйствующаго корпуса (Сакена) и двухъ резервныхъ (Меллера-Закомельскаго и Эртеля). Вскорѣ однако жъ явилась необходимость увеличить наши силы у границъ герцогства Варшавскаго, куда, казалось, устремлялись войска со всѣхъ странъ Европы; а потому 9-й и 10-й корпуса, привлеченные изъ войскъ Молдавской арміи и находившіеся у Днѣстра, были выдѣлены состава 2-й арміи [2]), а остальныя войска сей послѣдней притянуты къ сѣверу и усилены 27-ою пѣхотною дивизіею, получившей приказаніе слѣдовать изъ Москвы къ западной границѣ. Для образованія же на югѣ обсерваціонной арміи поступили, сверхъ 9-го и 10-го корпусовъ, еще корпусъ Сакена и вышеозначенный 5-й кавалерійскій корпусъ (Ламберта). Затѣмъ всѣмъ тремъ арміямъ были еще приданы казачьи полки: первой—18, второй—9 и обсерваціонной—9, а также и нѣсколько понтонныхъ и піонерныхъ ротъ.

Такимъ образомъ наши дѣйствующія арміи на западѣ получили слѣдующій составъ: первая западная—6 пѣхотныхъ корпусовъ и 3 кавалерійскихъ, всего 150 баталіоновъ, 132 эскадрона, 49 артиллерійскихъ ротъ съ 552 орудіями, 2 піонерныя и 2 понтонныя роты и 18 казачьихъ полковъ; вторая западная—2 пѣхотныхъ корпуса, къ которымъ прибавилась 27 дивизія, и 1 кавалерійскій, всего 46, а съ 27 дивизіею 58 баталіоновъ, 42 эскадрона, 18 артиллерійскихъ ротъ съ 216 орудіями, 1 понтонная и 1 піонерная

---

[1]) Высочайшее повелѣніе отъ 19 марта.

[2]) Высочайшее повелѣніе отъ 8 мая.

роты и 9 казачьихъ полковъ; третья, обсерваціонная—2 пѣхотныхъ корпуса, 1 кавалерійскій и корпусъ Сакена, всего 54 баталіона, 76 эскадроновъ, 14 артиллерійскихъ ротъ съ 64 орудіями, 1 понтонная и 1 піонерная роты и 9 казачьихъ полковъ. Затѣмъ къ началу войны оказались еще сформированными два резервныхъ корпуса, первый изъ 32-й и 33-й пѣхотныхъ и 9-й кавалерійской, а второй изъ 34-й и 35-й пѣхотныхъ и 10-й кавалерійской дивизій. Подробный составъ дѣйствующихъ армій усматривается изъ показаннаго ниже общаго расписанія войскъ.

Обращаясь къ численному составу войскъ, собранныхъ у западной границы и предназначенныхъ противостать подходившимъ силамъ Наполеона, нужно, для полученія точныхъ данныхъ, сдѣлать нижеслѣдующія исчисленія [1]). Комплектное число всѣхъ дѣйствующихъ войскъ въ Россіи, какъ выше показано, простиралось до 489.000 чел. Принимая число недоставшихъ до комплекта въ одну шестую общаго числа, что̀ по свидѣтельству Толя, принца Евгенія Виртенбергскаго и др. близко подходитъ къ истинѣ, оказывается, что въ дѣйствительности имѣлось всего 407.500 чел. Изъ этого числа находилось: въ Молдавской (Дунайской) арміи 57.000 чел.; въ Новороссійскомъ краѣ 19.500; въ Грузіи и на Кавказской линіи 34.000; въ Финляндіи 30.000; въ запасныхъ войскахъ, за вычетомъ сформированнаго изъ нихъ корпуса Сакена, вмѣстѣ со всѣми командами въ рекрутскихъ депо и резервныхъ частяхъ до 72.000 человѣкъ. Наконецъ были также войска, вовсе не входившія въ составъ дивизіи и корпусовъ: учебные баталіоны, часть піонеръ и артиллеріи; въ нихъ считалось 12.000 чел. Затѣмъ на западной границѣ, включая и 27-ю дивизію, которая присоединилась къ войскамъ 2-й арміи до встрѣчи ихъ съ противникомъ, оставалось около 183.000 чел., къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить 18.000 казаковъ. Такимъ образомъ общее число войскъ въ трехъ западныхъ арміяхъ доходило до 201.000 чел., а именно: въ первой 110.000; во второй, вмѣстѣ съ 27 дивизіею, 45.000; въ 3-й обсерваціонной 46.000. За ними, во второй линіи, находились ихъ запасныя и резервныя войска, а также пѣхотные и кавалерійскіе полки, сформированіе которыхъ было окончено во время войны. Изъ 34.000 запасныхъ войскъ, большая половина приняла непосредственное участіе въ войнѣ. Резервные баталіоны и эскадроны, хотя и послужили къ образованію двухъ резервныхъ корпусовъ, поступили также большею частью прямо на укомплектованіе дѣйствующихъ полковъ:

---

[1]) Нижепоказанныя числа извлечены изъ всѣхъ имѣющихся источниковъ, которые отдѣльно не показаны.

около 46.000 въ пѣхоту и болѣе 9.000 въ кавалерію. На формированіе двѣнадцати пѣхотныхъ полковъ было назначено 23.888 рекрутъ, а въ четырехъ украинскихъ полкахъ имѣлось 3.600 чел. Изъ этого видно, что общее число войскъ 2 линіи, подкрѣпившихъ дѣйствующія арміи по мѣрѣ ихъ отступленія во внутрь Россіи, простиралось до 100.000 чел.

Дѣятельность Барклая во время двухлѣтняго его управленія министерствомъ не ограничилась организаціею и усиленіемъ арміи. Она распространилась и на другія отрасли подчиненнаго ему вѣдомства и выразилась рядомъ весьма важныхъ мѣръ, изъ которыхъ по тогдашнему времени особеннаго вниманія заслуживаютъ: установленіе постояннаго наблюденія за военными учрежденіями и боевыми силами иностранныхъ государствъ; обозрѣніе и изученіе западнаго пограничнаго пространства, какъ важнѣйшаго театра войны въ предѣлахъ Россіи; усиленіе оборонительныхъ линій на этомъ театрѣ войны искусственными укрѣпленіями; учрежденіе въ виду ожидавшейся войны продовольственныхъ магазиновъ и артиллерійскихъ парковъ.

Для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о военныхъ учрежденіяхъ и боевыхъ силахъ иностранныхъ государствъ, Барклай считалъ лучшимъ средствомъ имѣть при посольствахъ особыхъ агентовъ военнаго званія. До того времени командировались для этого за границу, когда было нужно, офицеры. Такъ князь Волконскій былъ командированъ вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира и изучалъ военныя постановленія европейскихъ государствъ болѣе двухъ лѣтъ; привезенныя имъ свѣдѣнія послужили драгоцѣннымъ матеріаломъ при послѣдовавшемъ тогда образованіи нашихъ новыхъ военныхъ учрежденій. Барклай считалъ однакожъ необходимымъ имѣть нѣсколько постоянныхъ военныхъ агентовъ, которые бы слѣдили за всѣми измѣненіями и распоряженіями по военной части и своевременно бы сообщали о томъ министерству. Въ одномъ изъ докладовъ Барклая въ концѣ 1810 года говорится о „свѣдущихъ и достойныхъ военныхъ чиновникахъ“, назначенныхъ въ Вѣну и Берлинъ, и испрашивается соизволеніе на назначеніе такового же въ герцогство Варшавское. Въ Парижѣ особаго военнаго агента не было, такъ какъ обязанности его исполнялъ какъ нельзя лучше флигель-адъютантъ Чернышевъ, находившійся почти постоянно при Наполеонѣ въ качествѣ довѣреннаго лица Императора Александра.

Для ближайшаго ознакомленія съ мѣстностью, которая могла послужить театромъ военныхъ дѣйствій, уже съ весны 1810 года было предпринято обозрѣніе западной пограничной полосы; эта работа,

возложенная на офицеровъ квартирмейстерской части, подъ руководствомъ полковника Довре [1]), была произведена въ обширныхъ размѣрахъ. Въ 1811 году она была повторена, при чемъ уже прямо было указано, на какіе предметы обратить особенное вниманіе. Результатами этихъ работъ были: военная карта западнаго пограничнаго пространства, множество плановъ позицій и подробныя рекогносцировки, общая сводка которыхъ была возложена на завѣдывавшаго военно-топографическимъ депо генерала Оппермана и состоявшаго при немъ флигель-адъютанта, инженеръ-полковника Барклая-де-Толли [2]). Независимо сего, обозрѣніе западнаго театра войны было также возложено на извѣстнаго военнаго писателя и ученаго, флигель-адъютанта Вольцогена, при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ полученное имъ лѣтомъ 1811 г. отъ Барклая указаніе относительно выбора пункта между Динабургомъ и Бобруйскомъ, для укрѣпленія его съ цѣлью прикрытія пути на Оршу и Смоленскъ.

Въ открытой и плоской мѣстности западнаго пограничнаго пространства только нѣкоторыя рѣки теченіемъ своимъ образуютъ линіи, которыя въ извѣстной степени могутъ быть названы оборонительными. Одну изъ нихъ, у самой тогдашней границы, составляютъ Нѣманъ, Боберъ, Наревъ и Бугъ; другую, въ разстояніи до 350 верстъ отъ предъидущей, образуютъ Западная Двина, Березина и Днѣпръ; эта послѣдняя служитъ также чертою между кореннымъ русскимъ населеніемъ и инородными, что̀ давало ей въ то время особенное значеніе. На всемъ этомъ пространствѣ было только два укрѣпленныхъ пункта, Рига и Кіевъ, отдаленные при томъ отъ центра дѣйствій и находившіеся въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Вскорѣ по вступленіи Барклая въ должность военнаго министра было принято рѣшеніе исправить и усилить укрѣпленія Риги и Кіева и заложить двѣ новыя крѣпости, у Динабурга и Бобруйска. Работы эти, начатыя весною 1810 года, были поведены съ большою энергіею, такъ что около года спустя, лѣтомъ 1811 г., Вольцогенъ уже доносилъ о значительныхъ результатахъ, достигнутыхъ по возведенію новыхъ крѣпостей. Когда же враждебность Наполеона болѣе обнаружилась, Барклай, озабочиваясь прикрытіемъ дороги во внутрь Россіи, призналъ необходимымъ укрѣпить соотвѣтственный пунктъ на пути къ Смоленску и съ этою цѣлью предпи-

[1]) Одного изъ способнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, пріобрѣвшаго въ 1812—1814 г. извѣстность въ званіи начальника штаба отдѣльнаго корпуса, а затѣмъ и арміи Витгенштейна.

[2]) Братъ министра. „Исторія русскаго генеральнаго штаба“. Н. Глиноцкаго.

салъ Вольцогену осмотрѣть Борисовъ и Зембинъ [1]). Вольцогенъ высказался въ пользу Борисова [2]), укрѣпленіе котораго и было вслѣдъ затѣмъ начато; наконецъ, съ наступленіемъ весны 1812 года, съ цѣлью обезпечить сообщенія между отдѣльными частями армій и согласно выработанному ученымъ генераломъ Перуль и утвержденному Императоромъ операціонному плану, были предприняты работы по укрѣпленію переправъ у мѣстечекъ Мосты и Сельцы на Нѣманѣ и Ясольдѣ и по устройству укрѣпленныхъ лагерей у Дриссы и Кіева. Къ началу возгорѣвшейся вскорѣ войны, предпринятыя работы оказались въ слѣдующемъ положеніи: Рига, Бобруйскъ и Кіевъ были приведены въ состояніе выдержать осаду; въ Динабургѣ успѣли окончить одно лишь мостовое укрѣпленіе; Борисовъ былъ приведенъ въ оборонительное положеніе; на переправахъ были сооружены тетъ-де-поны; изъ укрѣпленныхъ лагерей Дрисскій былъ почти совсѣмъ оконченъ.

Устройство артиллерійскихъ парковъ и провіантскихъ магазиновъ было весьма обширное; достаточно сказать, что во время всей войны войска ни въ чемъ не нуждались.

Ознакомившись въ главныхъ чертахъ съ военно-административною дѣятельностью Барклая, нельзя не подивиться громадности результатовъ, достигнутыхъ имъ въ короткое время управленія министерствомъ. Въ два года были созданы всѣ органы военнаго управленія для мирнаго и военнаго времени, были преобразованы и удвоены военныя силы государства, были, наконецъ, организованы новыя средства и заготовлены всякаго рода запасы на случай войны. Между тѣмъ, объ этой именно дѣятельности Барклая въ нашихъ военныхъ сочиненіяхъ почти не упоминается; въ нихъ говорится только о мѣрахъ, принятыхъ въ виду угрожавшей борьбы съ Наполеономъ, и указывается на ихъ недостаточность. Боевыя силы Россіи, сказано въ нихъ, увеличенныя всего на 50.000 чел. [3]), были на западной границѣ совершенно недостаточны [4]); крѣпости, какъ исправленныя, такъ и вновь заложенныя, не принесли пользы, тогда какъ дорога въ Москву была оставлена открытою [5]); магазины были расположены слишкомъ близко къ границѣ и подвергались опасности быть захваченными непріятелемъ [6]); все это указываетъ на отсутствіе преднамѣреннаго плана дѣйствій, и знаменитое от-

---

[1]) Предписаніе Барклая отъ 9 августа 1811 года.
[2]) Записка отъ 15 сентября.
[3]) Smitt. Aufklärung über den Krieg von 1812, стр. 261.
[4]) Bernhardi. Tolls Denkwürdigkeiten I, стр. 231—235.
[5]) Smitt. Aufklärung über den Krieg von 1812, стр. 251.
[6]) Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. I, стр. 64—65.

ступленіе совершилось только случайно, въ силу обстоятельствъ [1]). Эти сужденія однакожъ совершенно неосновательны въ отношеніи и войскъ, и крѣпостей, и магазиновъ.

Какъ изъ предшествовавшаго видно, число вновь сформированныхъ частей, не говоря уже о резервахъ, не ограничилось 76-ю баталіонами, поступившими въ 1811 г. въ составъ преобразованной арміи, и 36-ю баталіонами, сформированными въ 1812 г. изъ рекрутъ послѣдняго набора [2]); къ нимъ нужно еще прибавить многочисленные третьи баталіоны, наибольшая часть которыхъ существовала передъ тѣмъ только на бумагѣ или вовсе не существовала. Но и не въ этомъ одномъ состояло умноженіе нашихъ силъ; оно заключалось также въ огромномъ увеличеніи численнаго состава арміи, который въ 1810 г. былъ столь слабъ, что не доставалъ и на половинное число тогдашнихъ боевыхъ еденицъ. Такъ въ корпусѣ Каменскаго, въ которомъ, при возобновленіи въ августѣ 1808 г. военныхъ дѣйствій, состояло 13 пѣхотныхъ полковъ, считалось, вмѣстѣ съ кавалеріею и артиллеріею, 10.500 чел., т. е. около 750 чел. на полкъ; въ другихъ корпусахъ Финляндской арміи, а также и въ арміи Молдавской численный составъ былъ не выше. Вообще при назначеніи въ 1810 г. Барклая министромъ, дѣйствительное число всѣхъ полевыхъ войскъ имперіи не превышало 200.000 чел. Въ 1812 году, хотя война на Дунаѣ и на Кавказѣ продолжалась и занятіе Финляндіи и Новороссійскаго края попрежнему поглощало цѣлую армію, на одномъ западномъ театрѣ войны было собрано 200.000 чел. въ первой линіи и 100.000 во второй. При тогдашнихъ обстоятельствахъ эти силы были громадны; онѣ уступали конечно силамъ Наполеона, но не слѣдуетъ забывать, что въ 450.000 арміи, первоначально вступившей въ Россію, считалось не болѣе 200.000 французовъ,—остальные были италіанцы, испанцы, голландцы, вестфальцы, пруссаки, австрійцы, поляки, баварцы, саксонцы и т. д. Къ тому же въ то время, какъ удостовѣряютъ Клаузевицъ, Вольцогенъ, Евгеній Виртембергскій и др., никому и въ мысль не приходило, чтобы армія Наполеона могла достигнуть такихъ размѣровъ; такъ Вольцогенъ еще незадолго до войны высказалъ предположеніе, что число союзныхъ войскъ достигаетъ 160.000 чел. [3]), а наслѣдный принцъ Шведскій, недавній

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе отечественной войны I, стр. 148—149.

[2]) Въ 12 новыхъ полкахъ.

[3]) Записка отъ 30 января 1812 г., приложенная къ мемуарамъ Вольцогена.

маршалъ Франціи, знавшій средства своего бывшаго повелителя утверждалъ въ началѣ 1812 года, что „войска Наполеона будутъ состоять изъ 250.000 чел., изъ которыхъ только 150.000 чел. пойдутъ въ дѣло, а остальныя по необходимости останутся въ тылу“ [1]). Что касается крѣпостей, то возведеніе ихъ требуетъ времени; понятно поэтому, что прежде всего слѣдовало озаботиться исправленіемъ и усиленіемъ тѣхъ, которыя уже имѣлись; изъ нихъ Рига, прикрывавшая ближайшую дорогу въ столицу, могла получить большое значеніе и, какъ извѣстно, не осталась безъ вліянія на ходъ дѣйствій. Динабургъ, вновь заложенный, не могъ быть оконченъ и оказать существеннаго вліянія на войну 1812 года; Бобруйскъ же принесъ большую пользу второй арміи, обезпечивъ ей переправу черезъ Березину, на которой она легко могла быть предупреждена маршаломъ Даву. Остается московская дорога. Нѣтъ сомнѣнія, что сильная крѣпость по этому пути поставила бы непріятеля въ немалое затрудненіе, но крѣпости, какъ уже сказано, не создаются. Барклай и самъ созналъ важность этого направленія въ то время, когда никто о немъ не помышлялъ, что̀ ясно усматривается изъ его предписанія — Вольцогену относительно укрѣпленія Борисова; предпринятыя же вслѣдствіе сего работы по недостатку времени не могли достигнуть значительныхъ размѣровъ. Впрочемъ, въ то время о возможности отступленія въ глубь Россіи, кромѣ Барклая, никто и не думалъ. Напротивъ, дипломатическіе переговоры повели весною 1812 г. къ заключенію съ берлинскимъ кабинетомъ военной конвенціи, на основаніи которой наши войска должны были двинуться черезъ границу и соединиться съ пруссаками. Конвенція была уже условлена между прусскимъ военнымъ министромъ и Барклаемъ, который началъ приготовленія къ возможному выдвиженію русскихъ армій къ Вислѣ. Все это достаточно выясняетъ распоряженія военнаго министерства относительно магазиновъ, которые по необходимости должны были быть учреждены ближе къ границѣ, гдѣ они, вслѣдствіе продолжительнаго расположенія тамъ западныхъ армій, были большею частью израсходованы до начала войны. Но что сказать о выведенномъ отсюда заключеніи, будто отступленіе къ Москвѣ было дѣломъ случайнымъ. Конечно, отступленіе, а тѣмъ болѣе отступленіе во внутрь своего отечества не можетъ составлять такого рода желательную цѣль, которую главнокомандующій хотѣлъ бы достигнуть во что бы то ни стало; и нѣтъ сомнѣнія, что Барклай, заключая прусскую кон-

[1]) Депеша барона Николаи отъ 10 февраля 1812 г. Сношенія Россіи съ европейскими державами, А. Н. Попова.

венцію, не имѣлъ намѣренія отступить къ Москвѣ. Но намѣреніе это явилось, какъ только обстоятельства выяснились, какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что эта самая Пруссія заключила союзъ съ Франціею, когда обнаружилось, съ какими силами предстоитъ борьба. Тогда стало ему ясно, что нанесеніе противнику смертельнаго удара возможно только въ сердцѣ Россіи, и это убѣжденіе руководило всѣми его дѣйствіями съ той минуты, какъ управленіе арміи перешло въ его руки. Нѣтъ сомнѣнія, что памятникъ, который по выраженію Шуберта поставилъ себѣ Барклай „учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи“, можетъ въ одинаковой степени свидѣтельствовать о заслугахъ его по всѣмъ отраслямъ военнаго управленія.

Успѣху всѣхъ тогдашнихъ преобразованій не мало способствовало и близкое участіе, принятое въ нихъ самимъ монархомъ. Императоръ Александръ, въ высшей степени интересовавшійся всѣми новыми проектами, обсуждалъ ихъ со своимъ министромъ еще прежде, нежели они были разрабатываемы, и изъ докладовъ того времени видно, что многіе важные вопросы, по которымъ испрашивалось Высочайшее утвержденіе, уже были ему извѣстны. Вообще отношенія между этими двумя благородными личностями имѣли особый характеръ. Барклай никогда не принадлежалъ къ числу любимцевъ Государя и близкихъ ему людей; недоступный низкопоклонству, лести и интригамъ, онъ царедворцемъ и быть не могъ. Онъ стоялъ хотя и дальше другихъ отъ своего монарха, но несравненно выше: онъ пользовался въ рѣдкой степени его уваженіемъ. Это уваженіе составляло отличительную черту всѣхъ сношеній Императора Александра съ Барклаемъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ; замѣчательно, что въ многочисленныхъ императорскихъ рескриптахъ на его имя нельзя найти ни малѣйшаго намека на какое-либо вознагражденіе за оказанныя или ожидаемыя услуги, тогда какъ въ подобныхъ документахъ того времени встрѣчаются весьма часто не только намеки такого рода, но и прямыя обѣщанія; достаточно вспомнить рескриптъ Кутузову, отъ 5-го апрѣля 1812 года, въ которомъ между прочимъ сказано: „нахожу приличнымъ, чтобы вы прибыли въ Петербургъ, гдѣ ожидаютъ васъ награжденія“. Въ частныхъ и личныхъ своихъ сношеніяхъ монархъ, обладавшій вообще обворожительною любезностью, высказывалъ Барклаю вниманіе, которое также выходило изъ обыкновеннаго. Это всего лучше усматривается изъ простыхъ разсказовъ самого Барклая въ его письмахъ къ женѣ. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: „Маневръ, на которомъ я сегодня присутствовалъ, продолжался отъ 7-ми часовъ утра до 12-ти, и я много терпѣлъ отъ жары. Госу-

дарь, отправляясь на маневръ, оказалъ мнѣ милость заѣхать за мною въ своей коляскѣ, а при возвращеніи подвезти меня домой. По дорогѣ мы встрѣтились съ вдовствующей императрицею; Государь приказалъ остановиться и поднялся съ своего мѣста, чтобы отдать честь своей матери, стоя. Я стоялъ вправо отъ него, опершись раненною рукою къ краю коляски; Его Величество, замѣтивъ это, охватилъ меня своею правою рукою и сказалъ: „я поддержу тебя, побереги свою руку [1])". Подобными знаками своей особенной ко мнѣ милости Государь такъ щедръ, что я не нашелъ тутъ ничего необыкновеннаго; но постороннихъ оно поразило, и извѣстіе объ этомъ распространилось по городу, какъ бѣглый огонь [2])". Со своей стороны Барклай питалъ къ императору Александру безпредѣльную преданность, въ которой не было и тѣни эгоизма. Слава монарха была ему всегда дороже собственной славы, и для пользы его онъ готовъ былъ принести всякую жертву. Это чувство никогда его не покидало; даже въ ту эпоху 1812 года, когда, не признанный и оскорбленный, онъ покинулъ армію, Барклай не позволялъ себѣ говорить объ Императорѣ иначе, какъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, и это не только въ присутствіи постороннихъ, но и въ интимныхъ письмахъ къ женѣ, въ которыхъ были излиты всѣ горькія чувства, наполнявшія тогда его душу. Таковая же почтительность встрѣчается также въ дневникѣ Барклая и доказываетъ, до какой степени этотъ человѣкъ, презиравшій низкопоклонство и лесть, въ то же время былъ проникнутъ благоговѣніемъ къ лицу монарха.

Отношенія Барклая къ обѣимъ Императрицамъ, Маріи Ѳеодоровнѣ и Елизаветѣ Алексѣевнѣ, имѣли подобный же характеръ; сохранившіяся собственноручныя ихъ письма служатъ тому свидѣтельствомъ. Для примѣра приводимъ два изъ нихъ, полученныя Барклаемъ въ концѣ описываемой эпохи, когда онъ уже находился въ Вильнѣ въ званіи главнокомандующаго. Письмо вдовствующей Императрицы отъ 10 іюня 1812 г. изъ Павловска заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „Съ удовольствіемъ прочла я Ваше письмо отъ 5 сего мѣсяца и чрезвычайно обрадовалась, что Вамъ пріятно было получить вещи, отправленныя мною въ войска. Будьте увѣрены, что я нахожу особенное утѣшеніе въ томъ, чтобы содѣйствовать, на сколько отъ меня зависитъ, къ облегченію участи нашихъ храбрыхъ воиновъ и высказать имъ мою признательность за ихъ любовь и вѣрность Государю, моему любезнѣйшему сыну. Если бы

[1]) Въ то время честь отдавалось лѣвою рукою.

[2]) Письмо Барклая къ женѣ отъ 17-го іюня 1811 года.

понадобились какіе-либо другіе предметы или другого рода помощь, то прошу Васъ, располагайте мною; я Вамъ буду искренно обязана, если Вы мнѣ доставите случай быть полезною. Твердо уповая, что усердіе и храбрость войскъ, способности и достоинства начальниковъ и правота нашего дѣла не будутъ оставлены Провидѣніемъ безъ поддержки, я ежедневно молюсь объ успѣхѣ Вашихъ усилій и о ниспосланіи небеснаго благословенія на предпріятія Императора, клонящіяся ко благу человѣчества. Примите также мои искреннія пожеланія къ сохраненію Вашего здоровья, въ которомъ я принимаю живѣйшее участіе, и вѣрьте чувствамъ уваженія и расположенія, съ которыми остаюсь благоволящая къ Вамъ Марія". Письмо императрицы Елизаветы, отъ 15 іюня изъ Каменнаго острова, имѣетъ подобное же содержаніе: „Съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣла я изъ Вашего письма отъ 5 іюня, что вещи, предназначенныя мною въ госпитали арміи, уже доставлены; благодарю Васъ за это извѣщеніе. Сожалѣю, что я должна ограничиться столь слабымъ доказательствомъ моей любви и моего участія къ арміи, храбрѣйшей и лучшей во всемъ свѣтѣ; я почла бы себя счастливою, если бы могла оказать ей болѣе дѣйствительную помощь. Ваши попеченія о ней и та доля ея славы, которая принадлежитъ Вамъ, доставляютъ мнѣ двойное удовольствіе выразить Вамъ эти чувства. Возсылаю къ небу самыя теплыя молитвы о благоденствіи и успѣхѣ какъ арміи, такъ и Вашемъ въ особенности. Вполнѣ къ Вамъ расположенная Елизавета".

Между тѣмъ грозовыя тучи, собиравшіяся на политическомъ горизонтѣ Европы, какъ Наполеонъ и ни старался скрывать ихъ различными оптическими обманами, стали видимо приближаться къ нашимъ границамъ.

По мѣрѣ того, какъ отношенія Александра къ Наполеону стали охлаждаться, С.-Петербургскій кабинетъ долженъ былъ естественно озаботиться пріисканіемъ союзниковъ. Но въ этомъ отношеніи обстоятельства намъ мало благопріятствовали. На югѣ все еще продолжалась война съ Турціею; на сѣверѣ миръ едва только былъ заключенъ и надѣяться на расположеніе Швеціи, послѣ отнятія у у нея Финляндіи, было невозможно. Австрія, послѣ Эрфутскаго конгресса, выказывала намъ мало дружелюбія; Пруссія находилась въ такой зависимости отъ Франціи, что не могла дѣйствовать по собственному влеченію. Такимъ образомъ, на оконечностяхъ нашей европейской границы, такъ сказать на флангахъ нашего боевого расположенія, можно было ожидать отъ сосѣдей только враждебныхъ дѣйствій; а въ центрѣ, предъ нашимъ западнымъ фронтомъ, хотя перспектива представлялась болѣе успокоительною, но и съ

этой стороны нельзя было разсчитывать на содѣйствіе пограничныхъ монархій. Вскорѣ однакожъ всѣ эти предположенія оказались невѣрными: государства, отъ которыхъ, въ случаѣ разрыва съ Франціею, намъ угрожала, повидимому, опасность, заключили миръ и союзъ, а державы, расположеніе которыхъ казалось болѣе обезпеченнымъ, выставили противъ насъ свои войска.

Война съ Турціею тянулась уже съ 1806 года. Она велась безъ энергіи и одновременно съ мирными переговорами. Вмѣшательство другихъ государствъ только портило дѣло; какъ Франція, взявшаяся за примиреніе обѣихъ сторонъ, такъ и Австрія, посредничество которой было отвергнуто, только возбудили Порту противъ Россіи и подбивали ее не дѣлать уступокъ. Съ другой стороны, признанное Наполеономъ и громко возвѣщенное имъ присоединеніе Дунайскихъ княжествъ къ Россіи какъ бы вынуждало Императора Александра настаивать на пріобрѣтеніи этихъ давно уже занятыхъ провинцій [1]). Между тѣмъ возраставшія несогласія съ Франціею требовали сосредоточенія большихъ силъ на западѣ и прекращенія войны. „Въ виду тѣхъ замысловъ, которые питаетъ противъ насъ Императоръ Наполеонъ“, писалъ въ началѣ 1811 года князь Куракинъ, „миръ съ Турціею и союзъ съ Австріею и Пруссіею не былъ бы ли гораздо полезнѣе для насъ, нежели пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи“ [2]). Въ такомъ же смыслѣ доносилъ и Чернышевъ изъ Парижа, а также другіе представители Россіи при европейскихъ дворахъ. Но всѣхъ болѣе былъ заинтересованъ Барклай, который, по званію военнаго министра, а впослѣдствіи и главнокомандующаго, ежедневно испытывалъ, до какой степени безконечная война на югѣ затрудняла и тормозила всѣ административныя и военныя распоряженія на западѣ. Въ замѣткахъ его встрѣчаются весьма рѣзкія порицанія политики, стремящейся, вопреки видимой опасности отечества, къ безполезнымъ пріобрѣтеніямъ. Неудовольствіе его было также въ сильной степени возбуждено безпорядками и злоупотребленіями въ управленіи Дунайской арміи и жалобами туземцевъ на притѣсненія со стороны нашихъ войскъ, что онъ приписывалъ старости и слабости тогдашняго главнокомандующаго Кутузова, нравственныя правила котораго ему также не внушали довѣрія. Барклай не скрывалъ этого отъ императора, и въ одномъ изъ его донесеній мы читаемъ: „Уже нѣсколько разъ я съ сожа-

---

[1]) Присоединеніе Дунайскихъ княжествъ къ Россіи было признано Наполеономъ въ Эрфуртѣ и возвѣщено имъ законодательному собранію въ послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ тронной рѣчи.

[2]) Сношенія Россіи съ европейскими державами. А. Н. Попова.

лѣніемъ доводилъ до свѣдѣнія Вашего Величества о томъ, какими способами производится содержаніе войскъ и снабженіе ихъ продовольствіемъ въ Молдавіи, и вообще о происходящихъ тамъ недостойныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ“ [1]). Но въ большей еще степени тревожило Барклая невыгодное вліяніе этой войны въ стратегическомъ отношеніи. „При сомнительномъ положеніи Австріи“, писалъ онъ изъ Вильны, „вторая армія не можетъ выдвинуться далеко впередъ, потому что австрійцы оставались бы со своими двусмысленными дѣйствіями на флангѣ и даже въ тылу ея. Если бы мы не имѣли на рукахъ войны съ Турціею, то нашъ лѣвый флангъ былъ бы обезпеченъ частью Дунайской арміи. Вглядываясь въ положеніе этого фланга, я каждый разъ сокрушаюсь при видѣ затрудненій, проистекающихъ отъ продолженія войны съ турками“ [2]). Императоръ Александръ самъ желалъ мира и сознавалъ его необходимость, но только требованія его дотого расходились съ условіями, предложенными Портою, что трудно было достигнутъ соглашенія [3]).

Къ тому же эти требованія не соотвѣтствовали положенію дѣлъ на театрѣ войны. Бессарабія, Молдавія и Валахія находились, правда, въ нашихъ рукахъ уже съ 1806 года, но послѣдовавшія затѣмъ дѣйствія фельдмаршала Прозоровскаго, кн. Багратіона и гр. Каменскаго не были настолько успѣшны, чтобы вынудить Порту къ принятію нашихъ условій. Между тѣмъ оказалось нужнымъ отозвать съ театра войны пять дивизій для усиленія войскъ на западѣ; понятно, что задача новаго главнокомандующаго стала теперь несравненно труднѣе. Новый главнокомандующій этотъ былъ Кутузовъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ лучшій выборъ едва-ли возможно было сдѣлать. Съ уменьшеніемъ числа войскъ почти на половину о наступательныхъ дѣйствіяхъ нельзя было помышлять; нужно было ограничиться сохраненіемъ прежнихъ пріобрѣтеній, пользоваться ошибками непріятеля и стараться искуснымъ веденіемъ переговоровъ убѣдить его въ безполезности войны. А потому отъ новаго вождя требовалось не столько даровaній полководца, сколько талантовъ тонкаго политика и ловкаго дипломата. Этими-то качествами Кутузовъ обладалъ въ рѣд-

---

[1]) Письмо Барклая отъ 31 марта 1812 года.

[2]) Письмо отъ 9 апрѣля 1812 года.

[3]) Императоръ Александръ требовалъ Бессарабію и Дунайскія княжества, Анапу, признанія Христіанскихъ закавказскихъ провинцій — принадлежащими Россіи и т. д., а Порта соглашалась на миръ на основаніи status quo ante bellum.

кой степени, и благодаря имъ былъ заключенъ 16 (28 мая), хотя не на такихъ условіяхъ, какъ думали, столь необходимый для Россіи миръ.

Швеція, обезсиленная войною и внутренними смутами, мало тревожила нашъ кабинетъ. Но смерть герцога Зюдерманландскаго и неожиданное избраніе маршала Бернадота наслѣдникомъ шведскаго престола измѣнили положеніе дѣлъ. Избраніе это имѣло тѣмъ болѣе значенія, что, при старости и болѣзненности Карла XIII, управленіе государствомъ должно было перейти въ руки наслѣднаго принца, извѣстнаго не только своими военными дарованіями, но и самостоятельностью характера; съ другой стороны выборъ французскаго маршала нельзя было не приписать вліянію Наполеона. Вскорѣ однакожъ обнаружилось противное; выборъ Бернадота далъ французскому императору поводъ относиться къ нему какъ къ подчиненному; при географическомъ же положеніи Швеціи, его угрозы были безопасны и могли только возбудить Бернадота противъ него. Такъ и случилось. Понимая, что единственное государство, отъ котораго шведской территоріи могла угрожать опасность, была соприкосновенная ей Россія, Бернадотъ старался, вопреки вѣковой политикѣ Швеціи, снискать расположеніе Императора Александра, союзъ съ которымъ могъ имѣть послѣдствіемъ пріобрѣтеніе Норвегіи; кромѣ того и континентальная система, непремѣнное условіе французскаго союза, разоряла Швецію и вынуждала ее измѣнить свою политику. При такихъ условіяхъ, сближеніе между Стокгольмскимъ и С.-Петербургскимъ кабинетами повело вскорѣ къ союзному договору, которымъ Швеція обязалась, взамѣнъ обѣщанной ей Норвегіи, выставить противъ Франціи и ея союзниковъ отъ 25 до 30 тысячъ войскъ. Договоръ былъ подписанъ въ Петербургѣ 24 марта (5 апрѣля) 1812 года, при чемъ было постановлено пригласить къ союзу и Англію. Тогда же былъ отправленъ въ Стокгольмъ генералъ Сухтеленъ, съ порученіемъ вступить въ переговоры съ прибывшимъ туда дипломатическимъ агентомъ Англіи и условиться съ наслѣднымъ принцемъ о будущихъ совокупныхъ дѣйствіяхъ шведско-русскаго корпуса въ сѣверной Германіи.

Политика Австріи имѣла для насъ первостепенное значеніе, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторой зависимости отъ нея находились и рѣшенія сосѣдней ей Пруссіи. Склонить эту политику въ нашу пользу, когда управленіе ею перешло въ руки Меттерниха, сдѣлалось невозможнымъ. Глава вѣнскаго кабинета считалъ напротивъ сближеніе Франца I съ Наполеономъ и разрывъ послѣдняго съ Александромъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для возвращенія Австріи того положенія въ Европѣ, которое она занимала прежде. Чтобы востор-

жествовать надъ предубѣжденіями своего монарха, достаточно было напомнить ему Эрфуртъ и указать на Дунайскія княжества, пріобрѣтеніе которыхъ Россіею сдѣлаетъ, по словамъ Наполеона, „Австрію постояннымъ врагомъ ея“ [1]). Меттернихъ, незамѣтно возбуждая Наполеона противъ Императора Александра, намекалъ на возможность союза съ Австріею и предлагалъ даже свое содѣйствіе привлечь къ этому союзу Порту и Швецію. Наконецъ, 2 (14 марта) 1812 года австрійскимъ посломъ въ Парижѣ Шварценбергомъ былъ заключенъ союзный договоръ, обязавшій Австрію выставить противъ Россіи вспомогательный корпусъ изъ 24.000 чел. пѣхоты, 6.000 кавалеріи и 60 орудій, съ такимъ разсчетомъ, чтобы съ 1-го мая въ 15 дней онъ могъ быть собранъ въ Львовѣ [2]). Извѣстіе объ этомъ пришло въ Петербургъ не изъ Парижа и не изъ Вѣны, а изъ Стокгольма, гдѣ австрійскій посланникъ, согласно полученнымъ прямо отъ Шварценберга инструкціямъ, долженъ былъ пригласить къ союзу Швецію и обѣщать ей возвращеніе Финляндіи; однакожъ Бернадотъ не только отказался отъ всякаго участія въ этомъ, какъ онъ выразился—„скверномъ союзѣ“ [3]), но и поспѣшилъ сообщить о всемъ генералу Сухтелену. Эта неожиданность не смутила Меттерниха; онъ нашелъ даже возможнымъ успокоить нашего посланника въ Вѣнѣ увѣреніемъ, что „жертва“, принесенная Австріею, вынуждена крайнею необходимостью, что между обоими правительствами можетъ быть сохранено доброе согласіе и что, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, 200.000 войскъ, остающіяся въ распоряженіи Императора Франца, могутъ „послужить съ пользою для Россіи, какъ угроза для Франціи при будущихъ мирныхъ переговорахъ“ [4]). Такимъ образомъ, дальновидный дипломатъ, съумѣвшій вывести Австрію изъ враждебнаго къ Франціи положенія въ положеніе державы дружественной, а затѣмъ и союзной, уже тогда предвидѣлъ возможность той обратной политики, которой онъ послѣдовалъ годъ спустя, когда онъ столь же искусно возвратился изъ отношеній союзныхъ въ отношенія нейтральныя, а, наконецъ, и враждебныя.

Пруссія находилась въ другомъ положеніи; поставленная между

---

[1]) Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войною 1812 г. А. Н. Попова.

[2]) Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войною 1812 г. А. Н. Попова.

[3]) Тамъ же.

[4]) Сношенія Россіи съ европейскими державами. А. Н. Попова.

двумя огнями, она по необходимости должна была присоединиться къ той или другой сторонѣ. Стремленія народа были въ пользу Россіи, которая одна могла освободить его отъ тяжелаго, постыднаго ига; но чувство самосохраненія, особенно сильное у короля и его приближенныхъ, естественно влекло къ Франціи, союзъ съ которою вѣрнѣе обезпечивалъ цѣлость сохранившихся владѣній. Въ столь затруднительномъ положеніи Фридрихъ-Вильгельмъ III незамѣтно возвратился къ двойственной политикѣ 1805 года. Въ одно и то же время были поведены тайные переговоры съ Россіею и Франціею, дошедшіе до того, что въ концѣ 1811 года [1]) была заключена военная конвенція въ Петербургѣ, а въ началѣ 1812 года [2]) состоялся союзный договоръ въ Парижѣ.

Такимъ образомъ геніальному корсиканцу удалось ополчить всѣ націи континентальной Европы противъ единственнаго народа, сохранившаго свою самостоятельность: въ то время какъ италіанцы и тирольцы спускались съ Апеннинскихъ, а испанцы и португальцы съ Пиренейскихъ Альпъ, какъ голландцы и вестфальцы, франки и швабы, баварцы и саксонцы снаряжали свои контингенты, какъ французы легіонами валили въ Германію, а поляки толпами вооружались въ пользу своего мнимаго освободителя,—и послѣднія двѣ, недавно еще столь могущественныя державы, имѣвшія нѣкоторую независимость, нашлись также вынужденными обнажать свой мечъ противъ прежняго союзника и друга.

Между тѣмъ Наполеонъ не переставалъ успокоительными увѣреніями отклонять Россію отъ приготовленій къ войнѣ. Любезности его къ флигель-адъютанту Чернышеву не знали границъ; онъ бралъ его даже за ухо—высшее выраженіе Наполеоновскаго благоволенія—увѣряя честнымъ словомъ (въ 1811 году), что не сдѣлаетъ на насъ нападенія въ продолженіе 4 лѣтъ, и отправилъ его на другой день по заключеніи съ Пруссіею союза въ Петербургъ со словами: „я положительно Васъ увѣряю, что не начну съ Вами войны въ этомъ году“. Но всѣ эти увѣренія не обманули прозорливаго Чернышева, зорко слѣдившаго за всѣми распоряженіями французскаго императора и доносившаго о нихъ въ Петербургъ. Такой же системы обмана и лжи держалась также внѣшняя политика Наполеона. „Передовые отряды италіанской арміи уже находятся въ Мюнхенѣ“, писалъ герцогъ Бассано посланнику въ Петербургъ, „и повсюду производится общее движеніе войскъ. Ста-

---

[1]) 5 (17) октября.

[2]) 12 (24) февраля.

райтесь при всякомъ случаѣ заявлять, что если будетъ война, то въ этомъ виновата сама Россія“ [1]).

Не таковы были дѣйствія Императора Александра. Искренно желая предотвратить бѣдствія войны, онъ былъ готовъ на уступки, незатрогивавшія чести и достоинства государства. Для сохраненія мира онъ пожертвовалъ конвенціею о польскомъ вопросѣ, предоставилъ разрѣшеніе Ольденбургскаго дѣла самому Наполеону и изъявилъ даже готовность измѣнить статьи тарифа, казавшіяся невыгодными и оскорбительными для Франціи. Затѣмъ онъ имѣлъ право писать Наполеону: „Если начнется война, то только потому что Вы ея желали; употребивъ всѣ усилія, чтобы предотвратить ее, я съумѣю сражаться и дорого продамъ свое существованіе“ [2]). Безукоризненность политики Императора Александра была признана и новымъ посломъ Наполеона, который, подобно своему предшественнику, не могъ найти въ ней того, чего желалъ ихъ повелитель. „Я могу видѣть только то, что дѣйствительно вижу, и описывать то, что вижу“, доносилъ въ началѣ 1812 года Лористанъ своему правительству. Положеніе дѣлъ таково, какъ я его описывалъ, и если не хотите удовлетвориться единственно возможными уступками, то будетъ война и будетъ потому, что Вы сами ее хотите. Но эта война будетъ ужасная, судя по всему тому, что я вижу и что замѣтилъ на моемъ пути“.

Такъ началась воинственная эпопея, кончившаяся общимъ замиреніемъ лишь въ октябрѣ 1815 г., когда виновникъ ея былъ отвезенъ плѣнникомъ на островъ Св. Елены.

В. В—нъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Депеша отъ 25 февраля 1812 г. Сношенія Россіи съ европейскими державами. А. Н. Попова.

[2]) Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войною 1812 г. А. Н. Попова.

Въ Румыніи передъ войной 1877 г.

II [1]).

Посѣщая страны Балканскаго полуострова, преимущественно славянскія, я такъ съ ними освоился, что вездѣ былъ какъ дома, въ обстановкѣ, мнѣ близко знакомой. Немудрено поэтому, что дѣло въ моихъ рукахъ спорилось, и я быстро и точно выполнялъ возлагаемыя на меня порученія. Это была система милютино-обручевскаго направленія дѣятельности офицеровъ генеральнаго штаба. Не имѣй я возможности со всѣмъ близко познакомиться заблаговременно, я дѣйствовалъ бы какъ въ потемкахъ, нерѣшительно и вяло, теряя массу времени для предварительнаго ознакомленія съ людьми и обстановкой, въ условіяхъ которыхъ приходится работать. Какъ человѣка, привыкшаго къ спертому воздуху, свѣжій просторъ опьяняетъ, такъ и офицеръ генеральнаго штаба, воспитанный среди шкафовъ и столовъ и мирновоенной лагерной службы, совершенно растеряется, когда вдругъ будетъ поставленъ дѣйствовать въ жизненной обстановкѣ.

То, что мною выяснено, справедливо въ примѣненіи не къ однимъ только отдѣльнымъ личностямъ, но и къ цѣлымъ штабамъ. Примѣромъ можетъ служить полевой штабъ дѣйствующей арміи, заслужившій названіе секретнаго. Взятому изъ тропическаго прозябанія, ему все казалось неожиданнымъ, неблагоразумнымъ, опаснымъ. Въ результатѣ полное отсутствіе способности чѣмъ-либо своевременно распорядиться. Выходило много курьезовъ, справедливо питавшихъ общественный юморъ.

[1]) См. „Русская Старина“, май 1912 г.

Стратегическимъ центромъ Румыніи является Бухарестъ. Между тѣмъ какъ же такъ вышло, что мы по конвенціи обязались не только не имѣть тамъ никакого военнаго управленія и не только лишили себя права расквартированія своихъ войскъ, но и прохожденія по городскимъ улицамъ. Подходившія наши колонны приходилось направлять въ обходы. Ни о продовольственныхъ пунктахъ, ни о госпиталяхъ и лазаретахъ не было сдѣлано никакихъ распоряженій. Какъ будто съ заключеніемъ контракта съ еврейскимъ тріумвиратомъ всѣ заботы о войскахъ переходили на ихъ обязанность. Но тріумвиры думали только о своей личной выгодѣ и для увеличенія удобствъ войсковыхъ частей и удовлетворенія ихъ крайнихъ нуждъ не считали себя обязанными ударять палецъ о палецъ. Въ то время какъ Малая Валахія была покрыта стогами урожайнаго сѣна, продававшагося за ничто, компанія требовала возвышенія цѣнъ на сѣно, которое предполагала выписывать изъ Россіи.

Курьезный случай вышелъ съ продовольствіемъ и фуражемъ, заготовленнымъ контрагентами на дорогѣ къ югу отъ Бухареста для колонны генерала барона фонъ-Дризена. Войска пришли на ночлежный пунктъ и ничего нигдѣ не нашли. Пользуясь близостью къ Бухаресту, баронъ Дризенъ пріѣзжаетъ ко мнѣ. Я требую къ себѣ Когана съ тѣми распоряженіями полевого штаба, на основаніи которыхъ онъ дѣлалъ заготовки. Оказывается въ его рукахъ самое подробное маршрутное и дислокаціонное росписаніе, собственноручно писанное генералъ-квартирмейстеромъ, составлявшее для войскъ непроницаемую тайну. Въ росписаніи стоитъ Адунаци, но этихъ Адунацъ три: Копачени, Дежосъ и Дазусъ. Товарищество устроило складъ при первомъ изъ нихъ, какъ для себя удобнѣйшемъ. Между тѣмъ сосѣдняя рѣченка разлилась и отдѣлила склады отъ расположенія войскъ. Чтобы какъ-нибудь выйти изъ затруднительнаго положенія, условились; сейчасъ войска возьмутъ провіантъ и фуражъ собственными средствами, а Коганъ сдѣлаетъ распоряженіе о немедленной перевозкѣ всего склада въ расположеніе войска.

По улицамъ Бухареста все чаще и чаще стали бродить команды слабыхъ, которыхъ отбрасывали отъ себя проходившія колонны, направляя ихъ въ госпиталь, въ полной увѣренности, что таковыя гдѣ-нибудь да устроены въ большомъ городѣ. Пришлось выпрашивать помѣщеніе нашихъ больныхъ въ румынскомъ госпиталѣ Фиварста, гдѣ устраивать и свои отдѣленія; приткнуться въ казармахъ Кузы для проходящихъ командъ. Въ то же время наспѣхъ образовывались помѣщенія въ Контрочекахъ и для Краснаго Креста.

Бывали случаи серьезнаго недоразумѣнія, которые, къ счастью оканчивались благополучно. Одинъ разъ мнѣ сообщаютъ, что арестованъ турецкій шпіонъ подъ вымышленнымъ именемъ негоціанта Любы, а это оказался нашъ капитанъ 2 ранга Новосельскій. Въ другой разъ приходитъ ко мнѣ почтенное лицо, въ полномъ отчаяніи. Имѣетъ, говоритъ, порученіе государственной важности и не можетъ его выполнить, между тѣмъ ему строго запрещено кому бы то ни было о порученіи говорить. Оказалось, что рѣчь идетъ о заблаговременномъ устройствѣ проѣзда Императорской главной квартиры къ Зимницѣ. И его дѣло пришлось взять въ свои руки. Былъ у меня и гвардейской конной артиллеріи штабъ-ротмистръ Квитницкій, въ роли офицера генеральнаго штаба, получившій приказаніе о доставкѣ къ Дунаю осадной артиллеріи. Попутно былъ сдѣланъ и заемъ каменнаго угля для дунайской флотиліи. Былъ и инженеръ-капитанъ Ивановъ, съ величайшимъ секретомъ направленный въ Карпаты для заготовленія на верховьяхъ Ольту понтоновъ и лѣса для плотовъ. Были и военные врачи, собиравшіе санитарныя данныя, тоже съ величайшими секретами. Было очень много, и всѣ прошли мои руки. Всѣ получали въ полевомъ штабѣ арміи напутствіе приблизительно такого содержанія: извольте отправиться туда-то и немедленно приступить къ выполненію возложеннаго на Васъ порученія, но предваряю, съ соблюденіемъ величайшей тайны!

Призрачныя опасенія какихъ-то нескромностей, шпіонства, предательства, къ сожалѣнію, весьма часто сильно вредили дѣлу, до крайности изолировали нашу дѣятельность, нерѣдко лишая важныхъ преимуществъ. Мнѣ чрезвычайно было жаль потери сотрудничества инженера Юліуса, извѣстнаго въ Турціи картографа-сотрудника Каница, которому отказали все изъ-за тѣхъ же опасеній. Юліусъ не только предлагалъ богатый матеріалъ, имъ собранный для составленія карты Европейской Турціи, но и былъ готовъ исполнить эту работу, если бы для этого даже потребовалось собираніе дополнительныхъ свѣдѣній на мѣстѣ. Онъ имѣлъ большую семью, изъ-за которой принялъ турецкую службу дорожнаго инженера, но, какъ христіанинъ, былъ только-что отставленъ отъ службы и терпѣлъ большія лишенія. Всѣ его условія сводились къ обезпеченію семьи въ Россіи, а себѣ просилъ вознагражденія по заслугамъ.

Чтобы оцѣнить, какую непоправимую ошибку мы сдѣлали, отказавшись отъ улучшенія картъ страны, достаточно сказать, что, несмотря на всевозможныя усилія, мы имѣли ихъ весьма мало удовлетворительными. Составлены онѣ были по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, поверхностнымъ рекогносцировкамъ прежняго времени и

даннымъ австрійскаго источника. Чтобы воспользоваться скудными свѣдѣніями, мною былъ составленъ и отпечатанъ сборникъ маршрутовъ и переваловъ Балканской зоны. Генеральнаго штаба капитанъ Протопоповъ мнѣ говорилъ, что безъ указаній сборника его рекогносцировка не удалась бы, и колонна генерала Дандевиля не перешла бы Балканы.

Не мало хлопотъ было съ устройствомъ артиллерійскаго депо со складомъ пороха и огнестрѣльныхъ снарядовъ. Послѣ тщательныхъ поисковъ въ окрестностяхъ Бухареста наши офицеры остановились на мѣстности къ западу отъ города. Но оказалось, что по сосѣдству находился дѣтскій сиротскій пріютъ, состоявшій подъ непосредственнымъ покровительствомъ княгини. Въ тотъ же день явился ко мнѣ вице-предсѣдатель мѣстнаго человѣколюбиваго общества и Краснаго Креста, главный медикъ румынской арміи. Они описали состояніе ужаса княгини за жизнь питомцевъ до того яркими красками, что пришлось тотчасъ отмѣнить уже сдѣланныя распоряженія и самому выѣхать на мѣсто въ сопровожденіи румынскаго представителя. На слѣдующій же день все было улажено, выбрана мѣстность и послѣдовало соглашеніе съ мѣстною властью. Я имѣлъ возможность послать въ Плоэшти на имя князя Масальскаго, начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Бараки для артиллерійскаго склада будутъ устроены румынскимъ правительствомъ, которое дѣлаетъ все безъ всякихъ предварительныхъ условій, полагаясь на мою оцѣнку. Думаю, что бараки обойдутся не свыше десяти тысячъ франковъ. Если вѣтвь желѣзной дороги къ складу обойдется тоже не свыше десяти тысячъ франковъ, то полагаю ее устроить, ибо наемъ подводъ едва-ли будетъ стоить дешевле. Прошу прислать сапера для устройства громоотводовъ“.

Удостовѣряю полную готовность румынскаго правительства во всемъ намъ служить. Не было случая, чтобы оно не только въ чемъ-либо намъ отказывало, но напротивъ все старалось идти навстрѣчу нашимъ желаніямъ. При этомъ выказывало большую любезность. Даже такая вещь, какъ устройство конскаго депо, вызвало предложеніе воспользоваться ихъ учрежденіемъ, нѣчто въ родѣ государственнаго завода. По этому поводу я телеграфировалъ въ Плоэшти генералу Непокойчицкому: „Для устройства конскаго депо я предложилъ Квитницкому или Дерфельдену осмотрѣть мѣста къ югу отъ Слатины; которыя предлагаются намъ занять съ этою цѣлью румынскимъ правительствомъ“.

Весь періодъ наступленія къ Дунаю съ занятіемъ Румыніи и устройствомъ временной базы далеко не отличался стройнымъ вы-

полненіемъ забраговременно разработаннаго плана войны. Полевой штабъ дѣйствующей арміи помнилъ только о среднемъ Дунаѣ, указанномъ ему еще въ Петербургѣ для избранія пункта переправы, чтобы выйти на зону шоссе и появиться въ ближайшемъ разстояніи отъ центральнаго Балкана, гдѣ группа удобнѣйшихъ переваловъ обѣщала болѣе легкій доступъ въ южную Болгарію. Это была главная цѣль, все остальное ей подчинялось. Но и эта главнѣйшая задача вовсе не была надлежащимъ образомъ разработана. Напрасно группа офицеровъ генеральнаго штаба по собственной иниціативѣ обсуждала обстановку надвигавшейся войны и предстоявшія операціи на театрѣ военныхъ дѣйствій, напрасно обращалась къ генералъ-квартирмейстеру за инструкціями, тщетно домогалась своей спеціальной работы.

Безпристрастно вникая въ сущность дѣла, справедливость требуетъ отклоненія большинства горячихъ нареканій на бездѣятельность и неспособность стоявшихъ у дѣла. Да, они не проявили особыхъ воинскихъ дарованій, даже не представили въ своихъ распоряженіяхъ равновѣсія ума, познаній и характера; но дѣйствительную вину все-таки слѣдуетъ отнести не къ личностямъ, а къ системѣ и организаціи военнаго дѣла. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, становится очевидною необходимость еще въ мирное время быть въ совершенной готовности на всѣхъ театрахъ войнъ, въ такомъ обиліи и разнообразіи прилегающихъ къ государственнымъ границамъ. Военные таланты всегда были, есть и будутъ, но воплощеніе ихъ до безконечности разнообразно. Для того, чтобы дарованія свободно развивались и были бы способны проявиться съ особою силою, необходимо, чтобы сама форма, организація, къ тому благопріятствовала. Между тѣмъ, хотя для военнаго дѣла было сдѣлано чрезвычайно много, но нравственной стороны не уберегло. Воинскій духъ во многомъ былъ угашенъ.

Г. И. Бобриковъ.

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1806 г.[1]).

27 ноября. Вторникъ. Всталъ поздно около 9 часовъ и поѣхалъ во дворецъ. Императрица также встала поздно, и я попалъ во-время. Сегодняшняя газета приводила извѣстіе изъ Кенигсберга, что перемиріе заключено между Пруссіею и Франціей.

Послѣ обѣда возвратился во дворецъ, и мы занимались духовнымъ завѣщаніемъ. Возвратившись домой около 9 часовъ, я сталъ переписывать его набѣло. Сегодня Императрица сообщила (и то же повторилъ Роджерсонъ и Крейтонъ) извѣстіе, что французскій посолъ въ Вѣнѣ объявилъ: что въ Богеміи число войскъ должно быть уменьшено, а всякое увеличеніе будетъ принято за объявленіе войны, равно какъ и выѣздъ эрцъ-герцога Карла изъ Вѣны. Крейтонъ выводилъ изъ этого весьма правдоподобное заключеніе, что Бонапартъ намѣренъ до нападенія на насъ обрушиться всѣми силами на Австрію и раздавить ее, и ищетъ для того предлогъ, а потомъ обратится на насъ черезъ Галицію, чтобы двинуться между нашими двумя арміями. Послѣдняя часть его заключенія, и я высказывалъ это еще ранѣе, что Бонапартъ вмѣсто атаки съ фронта можетъ обойти черезъ Силезію и Галицію и разъединить наши арміи, войдя въ страну, гдѣ его не ожидаютъ. Я сидя дома писалъ духовное завѣщаніе и былъ прерванъ извѣстіемъ о пожарѣ.—Горѣли въ концѣ Невскаго хлѣбные магазины.

28 среда. Сегодня у Императрицы были приглашенные къ обѣду,

[1]) См. „Русская Старина“ май 1912 г.

въ томъ числѣ и я, а послѣ обѣда она пригласила къ себѣ въ кабинетъ камергера Сергія Михайловича Голицына. За обѣдомъ было много разговоровъ о должностяхъ при дворѣ Великой Княжны и о лицахъ, которыя должны были ихъ занять. Я полагалъ, что Императрица, позвавъ въ кабинетъ Голицына, желала ему предложить какую-либо должность, но не могъ угадать кому, наконецъ я вспомнилъ о Великой Княгинѣ Аннѣ Павловнѣ и думаю, что его хотятъ назначить гофмейстеромъ ея. Утромъ я получилъ отъ графа Кочубея постановленія послѣднихъ уѣздовъ Тверской губерніи относительно согласія дворянства устроить при Екатерининскомъ институтѣ въ Москвѣ—Тверское отдѣленіе вмѣсто новаго института, который дворянство хотѣло основать въ Твери. Приговоры другихъ уѣздовъ уже были получены ранѣе. Дворянство ассигновало для этой цѣли капиталъ въ 127 т. руб., положенный на проценты и который возросъ теперь до 136 т., и этотъ капиталъ даетъ въ годъ 6.800 руб. (считая по 5% на сто), и конечно этотъ доходъ не достаточенъ для содержанія института, но хватитъ для отдѣленія. Сегодня вечеромъ я окончательно перечиталъ духовное завѣщаніе Императрицы, что меня заняло до 2-хъ часовъ ночи.

29-го. Четвергъ. Императрица сказала мнѣ, что въ газетахъ есть извѣстіе о присоединеніи къ Франціи—Гамбурга, что Любекъ разграбленъ, и французы устроили за городомъ вродѣ рынка, продавая награбленное; что Мекленбургъ раззоренъ ими, и что они говорили: вотъ выгода русскаго протекторіата; что они объявили блокаду Британскихъ острововъ, воспрещая входъ туда всѣмъ судамъ; что они объявили прокламацію въ Польшѣ, и что многіе знатные поляки присоединились къ нимъ въ Познани; что Бонапартъ двинулся изъ Берлина въ Кюстринъ. Говоря о нашемъ положеніи, я замѣтилъ, довольно ли сильна наша армія на границѣ. Она отвѣтила, что мы имѣемъ 170.000 человѣкъ, хотя мы считаемъ на бумагѣ 600.000. Я на это замѣтилъ: ничто намъ не препятствуетъ имѣть 300.000 въ Польшѣ, а вовсе не нужно содержать 400.000 внутри Россіи. Императрица сказала на это: что наше военное министерство очень виновно въ этомъ отношеніи. Дѣйствительно непонятно, какимъ образомъ, имѣя такую сильную армію, какъ наша, довольствоваться выставленіемъ 170.000 человѣкъ противъ побѣдоноснаго непріятеля, который располагаетъ къ тому же 300.000 человѣкъ. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы собрать въ Польшѣ столько корпусовъ въ 50.000, 60.000 и 70.000, сколько возможно, которые слѣдовали бы постоянно эшелонами, мнѣ кажется еще, что 2—3 корпуса, двинутыхъ къ корпусамъ Беннигсена и Буксгевдена, дали бы намъ численный перевѣсъ, а этотъ перевѣсъ въ такую критическую минуту стоитъ тѣхъ

жертвъ, которыя онъ потребуетъ и къ которымъ народъ относится съ усердіемъ, если объявятъ о грозящей опасности. Рекрутъ, податей, ничего не слѣдуетъ жалѣть въ такую рѣшительную минуту, когда дѣло идетъ о нашемъ политическомъ существованіи.

Императрица сказала мнѣ, что въ Лондонѣ составляются пари о томъ, что 1-го іюня Бонапартъ будетъ въ Петербургѣ. Ранѣе она говорила, что онъ хвастался быть у насъ 1-го января.

30-го. Пятница. Такъ какъ было назначено сегодня празднество во дворцѣ, то я одѣлся сообразно объявленія, но, пріѣхавъ туда, узналъ, что оно отмѣнено, къ общему и весьма основательному неудовольствію. Случаи безъ того рѣдки, когда видятъ сближеніе Императорской фамиліи съ публикой, что не слѣдовало бы еще сокращать подобные праздники, напоминающіе о прежней торжественности, съ которой они справлялись, и тѣмъ увеличить ихъ неудовольствіе, показывая, такъ сказать, преднамѣренное желаніе удалять публику отъ семейства своего Государя.—Сегодня прибылъ курьеръ отъ Великой Княгини, которая все еще въ Шлезвигѣ; въ письмѣ она говоритъ, что отложила свой отъѣздъ въ Копенгагенъ. Послѣ обѣда въ 7 часовъ Императрица прислала за мной. Она показала мнѣ извлеченіе изъ письма мисъ-Диллонъ (англичанка при Вел. Кн. Маріи Павловнѣ) къ мистеру Друсъ (англичанину при Вел. Кн. Екатеринѣ Павловнѣ), гдѣ она говоритъ, что брилліанты Великой Княгини были отправлены графомъ Вартембеномъ съ Левандовскимъ и Богъ знаетъ за чѣмъ [1]), прибавила она. Еще сказала она, что Великая Княгиня получила паспортъ для проѣзда въ Веймаръ, и сколько мнѣ помнится, что въ этомъ извлеченіи изъ письма была рѣчь о поѣздкѣ туда, но Диллонъ разсудила очень вѣрно; что это только приманка, и какъ только Вел. Княгиня пріѣдетъ туда, что оттуда ее не выпустятъ. Императрица приказала мнѣ отправиться съ этимъ извлеченіемъ къ Будбергу, чтобы сообщить о поѣздкѣ Левандовскаго, который отправился неизвѣстно куда, такъ какъ о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій, и просить его написать въ Кенигсбергъ, въ Швецію, Данію, чтобы розыскать, гдѣ онъ. Выйдя изъ кабинета, я засталъ камердинера Штехмеца въ уборной, возвратившагося отъ Будберга, куда онъ былъ посланъ съ тѣмъ же самымъ порученіемъ, онъ принесъ извѣстіе, что курьеръ оставилъ Левандовскаго въ Або. Я былъ позванъ обратно, и приказаніе отмѣнено. Такъ какъ курьеръ сказалъ, что онъ оставилъ кромѣ Левандовскаго еще двухъ курьеровъ, я долженъ былъ спросить Будберга, какіе это курьеры, т. е. ѣхали ли они къ Вел.

[1]) Dieu sait pourquoi.

Княгинѣ или отъ нея. Выходя изъ кабинета, я узналъ отъ Штехмеца, который дожидался меня, что онъ получилъ то же самое порученіе. Такъ какъ было смѣшно идти къ Будбергу, чтобы исполнить то же порученіе, которое дано камердинеру, я оставилъ его исполнить одного, прося доложить Императрицѣ, что, встрѣтивъ его для той же цѣли, я не пошелъ къ Будбергу.

Декабрь 1. Суббота. Совѣтъ опекуновъ былъ собранъ къ 2-мъ часамъ, и они приглашены къ обѣду. Около 3-хъ часовъ Императрица позвала меня къ себѣ и просила передать этимъ господамъ ея извиненіе, что, занятая необходимыми письмами, она увидится съ ними послѣ обѣда. Она сказала, что Государь прислалъ ей бумаги, и просила меня отмѣтить на картѣ расположеніе нашей арміи. Эта бумага было донесеніе Беннигсена, который заставилъ прусаковъ отступить на Торнъ, Плоцкъ и Вышгородъ на Ново-Място и Пултускъ, а его корпусъ стоялъ у Остроленки, имѣя передовые посты на Вислѣ. Буксгевденъ со своей арміей стоялъ между Домброво и Соколкой. Бенкендорфъ доносилъ, что фельдмаршала ждали въ Бѣлостокѣ. Послѣ обѣда господа члены Совѣта имѣли аудіенцію, а князь Волконскій и я получили порученіе ѣхать завтра въ Павловскъ на открытіе тамъ училища глухонѣмыхъ.—Г-жа Адлербергъ имѣла также аудіенцію. Она привезла бумаги относительно дѣла Бирона и г.г. Вартенбергъ. Братья двухъ этихъ воспитанницъ Смольнаго монастыря предложили имъ недавно 100 или 120 тысячъ талеровъ, чтобы окончить дѣло полюбовно; такъ какъ право на личное владѣніе Вартенберговъ не было утверждено, то согласились на эту сдѣлку, и Совѣтъ Смольнаго выдалъ по этому дѣлу актъ. Теперь князья, увѣряютъ, что нашли подтвержденіе своего права короля Фридриха II-го, заключающееся въ письмѣ короля принцу Эрнесту Бирону, и требуютъ, чтобы Совѣтъ отказался добровольно отъ своихъ требованій отъ имени княженъ; и если хотятъ довести дѣло до процесса, то княжны проиграютъ его, между тѣмъ въ случаѣ полюбовной сдѣлки они обязуются обезпечить имъ или пенсію или приданое. Императрица приказала мнѣ сообщить эти бумаги графу Завадовскому и спросить его мнѣніе.

2. Воскресенье. Князь Волконскій пріѣхалъ ко мнѣ въ 9 часовъ, и мы отправились въ Павловскъ въ 10-мъ; мы были при освѣщеніи зданія глухонѣмыхъ; учениковъ было 4, и мы присутствовали при ихъ обѣдѣ. Спальни, классы хорошо устроены, но пища, состоящая изъ щей и каши съ конопляннымъ масломъ, была невзрачная. Мы обѣдали у Крузе и уѣхали въ 4 часа.

3. Понедѣльникъ. Я узналъ, что Левандовскій, которому Великая Княгиня поручила доставить брилліанты, пріѣхалъ; Императрица

мнѣ передала письмо Великой Княгини, заключавшее просьбу объ исполненіи денежныхъ порученій, а именно: получить изъ банка проценты, взять изъ ломбарда свидѣтельство на 2.000 талеровъ. Обѣдалъ дома, а послѣ обѣда возвратился во дворецъ. Дѣло окончилось только въ 2 часа ночи.

Между прочимъ Великая Княгиня прислала копіи съ паспортовъ, данныхъ Бонапартомъ для возвращенія въ Веймаръ, но Императрица ей положительно воспретила ѣхать туда, потому что она сдѣлается тамъ въ родѣ заложницы въ рукахъ французовъ. Она совѣтовала ей ѣхать въ Копенгагенъ и другое безопасное мѣсто, пока состояніе погоды дозволитъ ей пріѣхать въ Россію. Великая Княгиня писала, что она рѣшилась непремѣнно ѣхать въ Россію даже безъ мужа, но что не можетъ предпринять путешествіе иначе, какъ по полученіи согласія изъ Веймара. Сегодня объявленъ манифестъ о созывѣ ополченія въ 612.000 человѣкъ. Губерніи, изъятыя согласно стиха, приложеннаго къ манифесту, должны содѣйствовать провіантомъ, деньгами, оружіемъ. Въ числѣ губерній изъятыхъ значатся Польскія послѣдняго раздѣла. Эта оговорка весьма хороша, какъ случай отбрать у изъятыхъ губерній оружіе, которое у нихъ должно быть. Я бы желалъ видѣть въ числѣ губерній исключенными также Лифляндію и Эстляндію, потому что нахожу неудобнымъ вооружать тамъ мужика.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣжаницкое народное училище.

Малое знакомство съ народною школою интеллигентнаго класса, въ большинствѣ получающаго образованіе, минуя народную школу, позволяетъ мнѣ думать, что предлагаемыя вниманію читателей записки о народной школѣ, ученикомъ которой я пробылъ въ теченіе двухъ лѣтъ, представляютъ нѣкоторый интересъ.

Школа, о которой идетъ рѣчь, называется „Бѣжаницкое народное училище“. Находится она въ селѣ Бѣжаницахъ, Новоржевскаго уѣзда, Псковской губерніи. Попалъ я въ это училище случайно, такъ какъ принадлежу къ тому классу общества, который минуетъ народную школу, и мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ я попалъ въ училище, съ цѣлью обратить вниманіе на воспитательную силу школы.

Въ раннемъ дѣтствѣ я отличался необыкновенной дикостью характера и самоволіемъ. Несмотря на всѣ принимаемыя моими родителями мѣры воспитанія и наказанія, включительно до розогъ, невозможно было добиться отъ меня послушанія. Я проводилъ на улицахъ и въ окрестностяхъ Новоржева цѣлые дни, въ обществѣ моихъ товарищей, маленькихъ бродягъ, предаваясь всевозможнымъ по преимуществу злымъ, забавамъ. Безъ спросу я уходилъ изъ дома, возвращался, когда заблагоразсудится, на замѣчанія отвѣчалъ дерзостями. Объ ученіи я и не думалъ. Пробовали меня посылать учиться къ одной барышнѣ, потомъ въ городское училище, но попытки были неудачны. Въ классъ я всегда опаздывалъ, уходилъ изъ училища до окончанія занятій, во время уроковъ занимался разговорами и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на учителей. Въ то время я былъ настолько далекъ отъ сознательнаго мышле-

нія, что на шкому смотрѣлъ, какъ на мѣсто новыхъ забавъ, безъ всякаго соотношенія съ чѣмъ-либо серьезнымъ. Впрочемъ, я пробылъ въ городскомъ училищѣ очень недолго, всего нѣсколько недѣль: родители, отчаявшись, взяли меня изъ школы той-же осенью, чтобы помѣстить въ Бѣжаницкое народное училище, на попеченіе старшаго учителя, Петра Ильича Привалова, нашего знакомаго и хорошаго педагога. Я жилъ у него, но время занятій и свободные часы проводилъ съ моими новыми товарищами,—дѣтьми крестьянъ. Рѣшеніе моихъ родителей вызвало много разговоровъ въ нашемъ, полномъ предразсудковъ, кружкѣ помѣщиковъ и чиновниковъ. Объ этомъ говорили какъ о непозволительномъ униженіи достоинства нашего класса и жестокости по отношенію къ ребенку. Можно ли сажать своего сына „рядомъ съ мужикомъ“. Какъ мало мы знали крестьянъ. Два года провелъ я въ ихъ средѣ, и эти два года—лучшее воспоминаніе моей жизни.

Однимъ хорошимъ, осеннимъ утромъ 1878 года, когда съ безоблачнаго неба солнце свѣтило и грѣло, какъ лѣтомъ, у воротъ нашего дома остановился почтовый тарантасъ. Солидный мужикъ,—ямщикъ Степанъ, слѣзъ съ козелъ, чтобы отворить ворота. Увидавъ это, я бросился къ тарантасу, влѣзъ на козла, схватилъ въ руки возжи и кнутъ и, какъ только ворота отворились, сталъ хлестать лошадей, чтобы лихо прокатиться по двору. Но едва лишь лошади тронулись съ мѣста, какъ я, потерявъ равновѣсіе, упалъ подъ колеса. Сами ли лошади остановились или во-время замѣтилъ Степанъ, только экипажъ не успѣлъ проѣхать по мнѣ, колесо лишь слегка придавило животъ: чтобъ извлечь меня изъ-подъ экипажа, Степанъ долженъ былъ осадить лошадей. Оправившись, я выслушалъ брань Степана и кухарки, а затѣмъ, когда лошади были привязаны, то вновь уже вертѣлся около нихъ, вновь лазилъ въ экипажъ и на козлы, старался натягать изъ лошадиныхъ хвостовъ волосъ на лесы и на силки для голубей и развлекался такъ до тѣхъ поръ, пока не представилась новая забава въ укладкѣ моихъ вещей. Прекрасно помню, что я не отдавалъ себѣ отчета, зачѣмъ грузится экипажъ моими вещами. Когда я, наконецъ, сѣлъ въ тарантасъ рядомъ со Степаномъ и мы выѣхали со двора, то, поглощенный весь удовольствіемъ минуты, я былъ очень далекъ отъ мысли о Бѣжаницахъ, училищѣ и Приваловѣ.

Случайно или умышленно отецъ и мать отсутствовали. Если мнѣ раньше и говорили что-нибудь о Бѣженицахъ, я объ этомъ теперь не вспомнилъ и только дорогою узналъ отъ Степана объ ожидающей меня судьбѣ.

Былъ храмовой праздникъ, когда мы въѣхали въ село. Един-

ственная улица была наполнена народомъ въ праздничныхъ костюмахъ. Проѣхавъ мимо церкви, площадь передъ которой была заставлена телѣгами и балаганами, мы остановились передъ крыльцомъ двухъ-этажнаго дома, подъ вывѣской „Бѣжаницкое народное училище“. Петръ Ильичъ Приваловъ встрѣтилъ меня, распорядился о размѣщеніи моихъ вещей, велѣлъ мнѣ раздѣться и оставаться въ назначенномъ для меня помѣщеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ за мною. Утомленный дорогою (Бѣжаницы расположены въ 36 верстахъ отъ Новоржева), полный новыхъ впечатлѣній и инстинктивнаго сознанія большого значенія для меня настоящаго дня, я застылъ въ безучастной позѣ передъ окномъ, смотря на полную народомъ улицу, и машинально обрывая мелкіе листочки стоявшаго на окнѣ какого-то растеньица. Вѣроятно, много больше часа прошло прежде, чѣмъ ко мнѣ вернулась способность дѣйствовать. Я взялъ шапку, чтобы идти на улицу, но въ дверяхъ столкнулся съ Петромъ Ильичемъ.

—„Ты куда?“ спросилъ онъ.

—„На улицу“.

—„Мнѣ сейчасъ некогда съ тобою идти, а потому положи шапку на мѣсто. Когда я освобожусь, то пойдемъ вмѣстѣ“. И замѣтивъ порчу мною цвѣтка,—сказалъ: „а вотъ это, Леша, очень не хорошо и на будущее время подобнаго не дѣлай; да и вообще не касайся вещей, тебѣ не принадлежащихъ“.

Первый разъ въ моей жизни я безпрекословно исполнилъ приказаніе, безмолвно выслушалъ замѣчаніе и принялъ его къ свѣдѣнію.—Этотъ маленькій эпизодъ навсегда установилъ наши отношенія, сразу отнявъ у меня рѣшимость своеволія. Въ теченіе всего проведеннаго въ училищѣ времени, я ни одного разу не только не пошелъ въ разрѣзъ съ его волею, но даже такого желанія во мнѣ не появлялось. Съ перваго же дня Приваловъ пріобрѣлъ мое полное довѣріе, сдѣлавшись для меня образцомъ подражанія. Я былъ перевоспитанъ очень быстро. Помогло ему въ этомъ, разумѣется, то обстоятельство, что я былъ совершенно одинокъ и изолированъ отъ привычной обстановки, но, главнымъ образомъ, здѣсь играли роль выдающіяся педагогическія способности Привалова. Онъ съумѣлъ добиться у меня сознанія въ необходимости исправленія и, такимъ образомъ, меня самого сдѣлалъ своимъ союзникомъ въ моемъ же воспитаніи. Скоро я сталъ его спрашивать: „исправлюсь ли я“? Его замѣчанія никогда не носили обидной формы, но въ то же время выражались категорически. Дѣлались замѣчанія лишь въ такихъ случаяхъ и въ такихъ выраженіяхъ, что выслушивающій замѣчаніе самъ сознавалъ свою вину. Незачѣмъ, я думаю, говорить, что

Петръ Ильичъ никогда не возвышалъ голоса. За два года пребыванія въ училищѣ я ни разу не подмѣтилъ нотки раздраженія. Зато нерѣдко онъ заливался откровеннымъ, заразительнымъ смѣхомъ.

Новоржевскій уроженецъ, 17-ти лѣтъ онъ окончилъ земскую учительскую семинарію въ Псковѣ, и уже 10 лѣтъ учительствовалъ въ Бѣжаницахъ. Скромное званіе, ничтожное жалованье (20 рублей въ мѣсяцъ) не помѣшали ему войти въ кругъ городской интеллигенціи, а его воспитанность, развитіе и музыкальность (онъ игралъ на скрипкѣ) открыли предъ нимъ двери аристократическаго семейства Ф...., имѣніе котораго, „Богдановское", находилось въ 2 верстахъ отъ Бѣжаницъ, и тамъ онъ былъ принятъ, какъ близкій знакомый. Создалъ онъ себѣ положеніе самъ и даже выучился играть на скрипкѣ почти самоучкой. Шатенъ, средняго роста, съ большими задумчивыми глазами, всегда корректный, съ гордо откинутою головою, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка серьезнаго, обладающаго чувствомъ собственнаго достоинства. Мать часто приводила намъ его въ примѣръ различныхъ добродѣтелей, но въ особенности—аккуратности, умѣнью сохранять долгое время въ хорошемъ видѣ костюмы и умѣнью жить на 20 рублей. Кромѣ жалованья Петръ Ильичъ имѣлъ еще квартиру. Помѣщалась она въ самомъ зданіи училища и состояла изъ одной комнаты, отдѣлявшейся перегородками отъ прихожей, въ которой помѣщался я, и отъ другой небольшой комнатки, въ которой жилъ второй учитель, Ѳедоръ Авдѣевичъ Авдѣевъ. Перегородки были такъ тонки, что малѣйшее движеніе каждаго изъ насъ было слышно двумъ остальнымъ. Это въ особенности было непріятно Авдѣеву, любившему пѣть, свистать, ходить изъ угла въ уголъ, чего онъ не могъ, однако, дѣлать, дабы не мѣшать Петру Ильичу, проводившему вечера за исправленіемъ тетрадей, чтеніемъ и подготовкой къ экзамену на учителя приготовительнаго класса гимназіи. Черезъ сѣни, въ томъ же нижнемъ этажѣ зданія, была ученическая спальня, а верхъ былъ отведенъ подъ классы. Зданіе было хорошо выстроено, теплое, сухое и свѣтлое. На училищномъ дворѣ былъ еще одноэтажный флигель, въ которомъ готовили уроки, обѣдали и спали тѣ ученики, которымъ не хватало мѣста внизу и гдѣ жилъ сторожъ. Въ мое время во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ училища было около 100 учениковъ. Одна четверть ихъ, изъ ближайшихъ деревень, уходили вечеромъ домой, а остальные ночевали въ училищѣ. 15 или 20 было дѣвочекъ. День онѣ проводили вмѣстѣ съ мальчиками, ночевали же на верху, въ помѣщеніи перваго отдѣленія. на полу и скамейкахъ. Ученики спали на нарахъ, на которыя стлали зипуны и полушубки. Подушки были не у всѣхъ, а покрытый бѣльемъ сѣнникъ, подушка

съ перемѣняющейся наволочкой и одѣяло лишь у одного,—сына дьячка. Сверхъ того, только одинъ носилъ сапоги, остальные ходили въ лаптяхъ.

Довольствовались ученики изъ общаго котла. Ежедневно варилось одно блюдо—пустыя щи. Капуста доставлялась, на сколько помню, земствомъ, а все остальное, какъ-то: сало, толокно, хлѣбъ, соль, картофель—ученики привозили изъ дома. Главную пищу учениковъ, какъ и всѣхъ крестьянъ, составлялъ хлѣбъ. Чай до сихъ поръ еще лакомство для крестьянъ, а потому его и не было въ училищѣ.

Внутренній порядокъ школы соблюдался строго. Утромъ сторожъ будилъ за часъ до начала занятій. Дежурные мели комнаты, по звонку шли въ классы, въ опредѣленный часъ кончали занятія передъ обѣдомъ, и послѣ обѣда (обѣдали въ 12 часовъ), спать шли въ 9, и всѣ сразу, а днемъ въ спальнѣ собираться не разрѣшалось. Печи топилъ сторожъ, но воду привозили въ бочкѣ съ рѣчки сами ученики, на себѣ. Ѣздить „по воду“ составляло для насъ развлеченіе, въ которомъ принимала участіе цѣлая толпа учениковъ. Всѣ помѣщенія содержались въ образцовой чистотѣ.

Возрастъ учениковъ былъ самый разнообразный, отъ 7 до 19 лѣтъ, по сословію всѣ были крестьяне, кромѣ меня и сына дьячка. Училище было снабжено достаточнымъ количествомъ учебниковъ и книгами для чтенія. Было порядочное количество стѣнныхъ таблицъ по зоологіи и ботаникѣ, была разъемная модель человѣка; географическія карты, глобусъ, микроскопъ, волшебный фонарь. Бумагу, карандаши, грифеля и перья ученики должны были сами пріобрѣтать. Покупали они ихъ здѣсь же, въ училищѣ, отъ Петра Ильича, который получалъ эти припасы отъ земства и долженъ былъ продавать по опредѣленной цѣнѣ. Учебники, кажется, тоже большинство пріобрѣтало въ собственность.

Балловъ вовсе не ставилось. Экзаменъ былъ только при выпускѣ. Онъ обставлялся торжественно, происходилъ въ присутствіи члена земской управы; лучшимъ раздавались книги. На второй годъ почти никогда не оставляли.

Училище состояло изъ трехъ отдѣленій. Съ младшимъ занимался Ѳедоръ Авдѣевичъ, а съ двумя старшими, помѣщавшимися въ одной комнатѣ, Петръ Ильичъ. Подъ руководствомъ Петра Ильича дѣло преподаванія было поставлено образцово. Мы не только проходили грамоту, но попутно пріобрѣтали массу свѣдѣній изъ различныхъ наукъ, въ особенности по зоологіи и ботаникѣ. Такія слова, какъ завязь, пестикъ, тычинка, двудомные, корневище и проч., были намъ великолѣпно извѣстны. Сообщеніе этихъ свѣдѣній начиналось, можно сказать, ранѣе, чѣмъ грамота.

Кстати, я здѣсь разскажу о маленькомъ эпизодѣ, случившемся на одномъ изъ первыхъ уроковъ. Ѳедоръ Авдѣевичъ ставитъ на доску букву О изъ составной азбуки, затѣмъ, придвигая, къ ней букву С, тянетъ вмѣстѣ съ нами ооо...ссс... потомъ двигаетъ еще а, и такимъ образомъ получается ооо...ссс...ааа... „оса“. Послѣ этого Ѳедоръ Авдѣевичъ достаетъ изъ папки таблицу, на которой красками изображена, въ увеличенномъ размѣрѣ, оса, и даетъ намъ урокъ истественной исторіи. Путемъ отвѣтовъ учениковъ на задаваемые вопросы мы узнаемъ, что оса „насѣкомое“, узнаемъ, что такое насѣкомое, чѣмъ оса питается, какъ живетъ, какія гнѣзда строитъ, узнаемъ, что ея тѣло состоитъ изъ головы, груди, брюшка и конечностей.

— „А не знаетъ ли кто, что у осы вотъ здѣсь?“ спрашиваетъ Ѳедоръ Авдѣевичъ, показывая указкой, „вотъ это; видите? на самомъ концѣ брюшка“.—Поднимается нѣсколько рукъ.—„Ну, Денисъ, скажи“, говоритъ Ѳедоръ Авдѣевичъ. Денисъ, 12 лѣтній, бѣлобрысый, робкій мальчикъ съ моргающими глазками, встаетъ и пренаивно отвѣчаетъ „....“. Я засмѣялся, но большинство даже не улыбнулось столь обыденному слову для нихъ. Ѳедоръ Авдѣевичъ машетъ рукой,—„садись“, „скажетъ тоже“, и объясняетъ намъ самъ, что такое жало. Урокъ продолжается, какъ вдругъ сконфуженный и огорченный неудачей, Денисъ начинаетъ всхлипывать, и слезы текутъ по его блѣднымъ щекамъ, Ѳедоръ Авдѣевичъ прерываетъ объясненіе, говоритъ Денису нѣсколько ободривающихъ словъ и посылаетъ его напиться воды. Инцидентъ исчерпанъ. Этотъ случай былъ моимъ первымъ знакомствомъ съ Денисомъ, скоро мы стали пріятелями, сѣли рядомъ и провели такъ двѣ зимы.

Училищный день проходилъ приблизительно такъ:

Въ восьмомъ часу утра раздавалось восклицаніе Петра Ильича: „Леша, просыпайся, пора вставать“. Но я уже проснулся и слушалъ, какъ Петръ Ильичъ плескается въ рукомойникѣ. Не съ особенной охотой вылѣзаю я изъ-подъ своего теплаго одѣяла. Входитъ Петръ Ильичъ съ полотенцемъ въ рукахъ. „Ну что, какъ спалъ?“ спрашиваетъ онъ. Сторожъ приноситъ самоваръ. День вступаетъ въ свои права. Я застилаю кровать, моюсь, долго и тщательно вытираюсь, подражая въ этомъ своему наставнику, и иду пить чай. Общее чаепитіе, во время котораго Ѳедоръ Авдѣевичъ зѣваетъ и еще только приходитъ въ себя, скоро кончается и, ровно въ 8 ч., мы идемъ въ классы. Тамъ уже всѣ на мѣстахъ; кто читаетъ, кто пишетъ, но безъ дѣла не остается никто. Нѣтъ той возни, той суеты и шума, какіе царятъ въ средне-учебномъ

заведеніи передъ приходомъ учителя. Крестьянскія дѣти, вообще, гораздо спокойнѣе горожанъ; нѣтъ въ нихъ беззаботности, ибо съ ранняго дѣтства они привыкаютъ смотрѣть на себя какъ на работника семьи. Серьезно они смотрятъ и на школу, которую огромное большинство посѣщаютъ, несмотря на наносимый этимъ ущербъ семьѣ. Лѣнтяевъ въ школѣ не было, наоборотъ, глубокое проникновеніе убѣжденіемъ „ученье—свѣтъ, неученье—тьма“ держало учениковъ въ вѣчно напряженномъ стремленіи къ знанію. Здѣсь не надо было побуждать заниматься. Какая полная тишина царила въ ихъ флигелѣ по вечерамъ, когда ученики готовили уроки. Усиліемъ и трудомъ здѣсь въ теченіе 3 лѣтъ пріобрѣталось столько знаній, сколько при системѣ средней школы и въ 5 лѣтъ было бы не усвоить.

Въ классѣ я занялъ свое мѣсто на третьей скамейкѣ, между 10 лѣтней дѣвочкой Пелагеей и ея братомъ Денисомъ. Двѣ первыя скамьи были заняты исключительно дѣвочками. Всѣ онѣ повязаны платками и одѣты либо въ сарафаны, либо въ ситцевыя платья; мальчики въ полосатыхъ домотканныхъ рубахахъ. Впереди меня сидятъ рядомъ дочери управляющаго сосѣднимъ имѣніемъ; старшей изъ нихъ лѣтъ 16. Во время перемѣнъ она часто оборачивается ко мнѣ для разговоровъ, немного жеманится и, очевидно, конфузясь своей безграмотности, не рѣдко упоминаетъ о той болѣзни, которая помѣшала ей вѣ-время выучиться читать. Когда Ѳедоръ Авдѣевичъ задаетъ намъ общій вопросъ, она любитъ отвѣтить на него раньше всѣхъ, и тогда въ ея глазахъ блеститъ скрытая гордость превосходства. Какъ теперь я понимаю, она была довольно хвастлива и потому любила говорить о семьѣ, лошадяхъ, о различныхъ вещахъ ихъ домашней обстановки, о какомъ-то комодѣ, о серебряныхъ ложкахъ и т. п. Въ общемъ же главною темою разговоровъ въ классѣ было наше ученье. Каждая прочитанная фраза, каждый маленькій разсказикъ вызывали живой обмѣнъ мыслей.

Въ 12 часовъ начиналась большая перемѣна, во время которой ученики обѣдали. Придя послѣ обѣда въ классъ, я нашелъ уже тамъ Дениса. Обернувшись къ сидѣвшему за нимъ сыну дьячка, онъ пересматривалъ, собранную нами общими силами, коллекцію куколокъ. Всевозможнаго цвѣта и всевозможныхъ величинъ онѣ находились въ разныхъ стадіяхъ зрѣлости. Нѣкоторыя были почти готовы выпустить изъ себя бабочку, другія только сегодня перестали шевелить хвостами, третьи еще не обнаруживали происходящаго внутри ихъ процесса. Ежедневно мы вытягивали куколокъ на свѣтъ, выкладывали подъ дѣйствіе солнечныхъ лучей и производили различныя наблюденія. Сколько удовольствія доставляли

намъ торжественныя минуты выхода изъ скорлупы бабочки. Тутъ отличался обыкновенно сынъ дьячка, который умѣлъ помочь бабочкѣ выйти на Божій свѣтъ. Онъ былъ такъ методиченъ и аккуратенъ во всемъ. Какъ онъ берегъ свои вещи, какъ чистенько былъ всегда одѣтъ, съ какой заботой выводилъ буквы на страницахъ своей безукоризненной тетради. У него, у единственнаго, была маленькая коллекція перьевъ, былъ перочинный ножичекъ, былъ пеналъ и много еще подобныхъ рѣдкостей. Вдругъ въ классъ вбѣгаетъ ученикъ 3 отдѣленія Архипъ и громко объявляетъ: „братцы, бѣгите смотрѣть, къ Макарову (купецъ) привезли 2 волковъ битыхъ; вотъ огромадные“, но замѣтивъ, что Петръ Ильичъ уже въ классѣ, онъ конфузится своего восторга и нѣсколько теряется. Петръ Ильичъ, какъ и всѣ, улыбается и собирается ему что-то сказать, но тутъ отворяется дверь и въ классъ входитъ самъ охотникъ, застрѣлившій волковъ, высокій, здоровый и красивый молодой крестьянинъ, лѣтъ 25, въ хорошемъ, дубленомъ тулупѣ, бывшій ученикъ Петра Ильича. „А, Ѳадѣй, здравствуй! какими судьбами ты здѣсь?“ спрашиваетъ Петръ Ильичъ. „Здравствуйте, Петръ Ильичъ. Да вотъ привезъ волковъ продавать и завернулъ васъ провѣдать, да кстати и бумаги купить“. Петръ Ильичъ знаетъ его родню, разспрашиваетъ о его домашнихъ и о томъ, что онъ дѣлаетъ. Любовь къ Петру Ильичу и удовольствіе его видѣть читается на мужественномъ лицѣ Ѳадѣя.

Бывшіе ученики часто посѣщали Петра Ильича и не только ради удовольствія, но также за совѣтами. Одно время за утѣшеніемъ и разрѣшеніемъ сомнѣній ходилъ къ нему Андрей, 19 лѣтній парень, кончившій школу за годъ до моего поступленія. Андрей обладалъ большими способностями. Поступивъ совершенно безграмотнымъ, въ видѣ исключенія былъ переведенъ изъ I отдѣленія въ III, окончивъ такимъ образомъ школу въ 2 года. Это былъ худощавый блондинъ, съ блестящими голубыми глазами и съ печатью скорби на блѣдномъ, интеллигентномъ лицѣ. Отсутствіе средствъ и необходимость обработывать свой клочекъ земли ради пропитанія матери (отца и братьевъ у него не было) не позволяли ему думать о дальнѣйшемъ образованіи. Жажду знаній онъ утолялъ чтеніемъ, обративъ работу мысли на исканіе истины въ религіозномъ смыслѣ. Стараніе постигнуть тайны апокалипсиса повліяло на психику, онъ сталъ задумываться, видѣть странные сны и даже галлюцинировать. Помню, однажды онъ разсказывалъ Петру Ильичу свой сонъ. Онъ видѣлъ, что стоялъ на берегу какого-то озера, вдругъ появляется человѣкъ, подходитъ къ нему и кладетъ ему на лобъ печать, говоря: „вотъ печать антихриста“. Петръ Ильичъ подолгу говорилъ

съ нимъ наединѣ, но какой это имѣло результатъ, не знаю, такъ какъ я потерялъ его изъ вида.

Въ 3 часа кончились классы. Былъ теплый солнечный, осенній день. Петръ Ильичъ предложилъ желающимъ пройтись съ нимъ въ Богдановское. Охотниковъ и охотницъ нашлось много. Окруживъ Петра Ильича, мы гурьбой двинулись по селу. Злобой дня былъ случившійся ночью пожаръ въ сосѣдней съ Бѣжаницами деревнѣ. Лѣтъ 20 тому назадъ, лучина въ Псковской губерніи не была вытѣснена керосиномъ. Осенью съ нею мяли и трепали ленъ, — неудивительно, что осень становилась сезономъ пожаровъ.

Богдановское отстояло отъ Бѣжаницъ на 2 версты и соединялось съ нимъ березовою аллеей. Когда мы прошли полдороги, Петръ Ильичъ устроилъ игру въ горѣлки, и самъ принималъ въ ней живое участіе. Уже солнце стояло очень низко, когда мы вошли въ усадьбу Богдановскаго. Это было старое гнѣздо большого барина, гдѣ не было конца затѣямъ разнымъ, и всѣ эти затѣи содержались въ образцовомъ порядкѣ. Впослѣдствіи я къ нимъ присмотрѣлся, но вначалѣ они производили на меня сильное впечатлѣніе. Первой затѣей я счелъ крышу дома изъ разноцвѣтной черепицы, ярко горѣвшей въ лучахъ заходящаго солнца. Главная прелесть Богдановскаго заключалась въ паркѣ, тянувшемся версты на двѣ въ длину и на столько же въ ширину. Прорѣзанный дорожками, аллеями, большими прудами разнообразной формы съ проточками и перекинутыми черезъ нихъ причудливыми мостиками, онъ дѣйствительно былъ великолѣпенъ. Въ паркѣ росли всевозможныя деревья, были устроены горки, красивые павильоны, рощицы и полянки, бесѣдки, цвѣтники, искусственное эхо, пещера, шедшая въ глубь горы на сотню саженъ. Мѣстами была устроена искусственная чаща, черезъ которую было не продраться; березки стояли рядомъ съ пихтой или кедромъ; искусно подстриженная аллейка елокъ ввела меня въ заблужденіе: я только съ разстоянія 10—15 шаговъ догадался, что вижу деревья, а не стоги зеленаго сѣна. Этотъ великолѣпный паркъ, теперь объятый спокойнымъ сномъ, наполнялся весною жизнью и звуками. Стрекотали кузнечики, пѣли птицы, носились бабочки и стрекозы, въ прудахъ играли рыбы, на деревьяхъ прыгали рѣзвыя бѣлки, а по вечерамъ въ густыхъ вѣтвяхъ заливались соловьи. Владѣлецъ имѣнія проводилъ въ немъ только лѣто; ни весной, ни осенью ничто насъ не стѣсняло въ предоставленномъ школѣ правѣ посѣщать, когда угодно, этотъ чудный паркъ. Какъ пріятно бывало сидѣть на какой-нибудь горкѣ, подъ столѣтними соснами, и слѣдить за движеніями бѣлки, слушать перебои соловьевъ и вести мирныя бесѣды съ моими товарищами. Здѣсь мы чаще всего говорили о

крѣпостномъ правѣ. Всѣ эти пруды, всѣ эти барскія затѣи орошены были потомъ и кровью ихъ отцовъ, и соединены были съ легендами о вынесенныхъ тѣми мукахъ. Такимъ образомъ, какъ памятникъ отшедшаго въ вѣчность рабства, этотъ паркъ имѣлъ для моихъ товарищей особое значеніе. Память о крѣпостномъ правѣ тогда еще была жива въ населеніи, и Царь Освободитель еще жилъ; пѣсня „Ахъ ты, воля моя, воля“ пѣлась съ особымъ чувствомъ. Долго мы гуляли по парку, или вѣрнѣе по дорожкамъ парка; Петръ Ильичъ насъ предупредилъ не ходить между деревьями, чтобы чего-нибудь не испортить, но я думаю, что и безъ этого предупрежденія ничего не было бы сломано и попорчено. Сколько разъ я бывалъ въ Богдановскомъ, но не помню, чтобы кто-нибудь позволилъ себѣ отломить хотя бы вѣтку. Въ уваженіи къ порядку, въ уваженіи къ неприкосновенности чужой собственности, въ деликатности, мои товарищи стояли неизмѣримо выше учениковъ средней школы, нравы которой и понынѣ не далеко ушли отъ нравовъ бурсы.

По контрасту мнѣ вспомнилось вотъ о чемъ: въ 1898 году я, будучи проѣздомъ въ Сингапурѣ, зашелъ въ извѣстный на востокѣ ботаническій садъ. При входѣ въ садъ, и внутри его, при входѣ въ оранжерею, висятъ объявленія на русскомъ языкѣ (и только на одномъ русскомъ), предупреждающія о томъ, что рвать цвѣты и плоды воспрещается подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Пассажиры III-го класса парохода ничего не тронули, а мои спутники по I классу возвратились изъ сада съ цвѣтами, вѣтвями и плодами, сорванными по ихъ словамъ „на зло англичанамъ, осмѣлившимся имѣть столь дурное мнѣніе о русскихъ“. Неудивительно, что одно время входъ въ этотъ садъ русскимъ былъ совершенно закрытъ; только послѣ хлопотъ консула, это распоряженіе было отмѣнено.

Вышли мы изъ Богдановскаго уже въ глубокихъ сумеркахъ и на обратномъ пути пѣли. Пѣніе въ училищѣ процвѣтало. Въ зимніе вечера оно устраивалось во флигелѣ, а весною и осенью во время прогулокъ, или же на крыльцѣ школы. Часто возвращаясь домой съ послѣобѣденной прогулки, если я ее совершалъ безъ Петра Ильича, я находилъ на крыльцѣ уже большое общество учениковъ и ученицъ, окружающихъ или Петра Ильича, или Ѳедора Авдѣевича, или обоихъ вмѣстѣ, и поющихъ хоромъ. Репертуаръ былъ довольно большой и пестрый, но нынѣ я помню слова и мотивы лишь слѣдующихъ пѣсенъ:

Ахъ, ты воля, моя воля.

Птичка надъ моимъ окошкомъ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Въ темномъ лѣсѣ.
Какъ поѣхали два брата.
Нива, моя нива.
Ахъ, попалась птичка, стой.

Запѣвалъ большею частью Ѳедоръ Авдѣевичъ, обладавшій звучнымъ и пріятнымъ теноромъ. Иногда онъ и одинъ пѣлъ какой-нибудь романсъ... Помню красивую музыкальную фразу, на такія дѣтскія слова: „въ гнѣздѣ воробушекъ живетъ, утромъ рано встаетъ: чирикъ, чикъ-чикъ, чирикъ, чикъ-чикъ, чикъ, чикъ, чикъ, чикъ, чикъ, чикъ“.

Пѣть мы любили, и какую-нибудь „Птичку подъ моимъ окошкомъ“ 18 лѣтніе парни и дѣвушки распѣвали съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и 8—9 лѣтнія дѣти. Пѣли мы стройно, на разные голоса, заучивая партіи другъ отъ друга. Пѣнія въ видѣ занятія не существовало. Только пѣнію нѣсколькихъ молитвъ мы обучались Петромъ Ильичемъ, который иногда собиралъ насъ для этого въ свой классъ и разстанавливалъ по голосамъ. Изрѣдка эти молитвы мы пѣли хоромъ въ церкви.

Посѣщать церковь не было обязательнымъ, но мы по собственному желанію ходили въ церковь часто и любили ее. Впослѣдствіи, въ кадетскомъ корпусѣ, я обязанъ былъ ходить въ церковь каждый праздникъ и канунъ праздника, и, несмотря на глубокую набожность, любовь къ церкви поэтому быстро прошла.

Въ школѣ же все касающееся церкви для насъ было мило. Любили мы церковно-славянскій языкъ и церковно-славянскую печать. Уроки Закона Божьяго тоже составляли для насъ одно изъ большихъ удовольствій.

Преподавалъ Законъ Божій настоятель церкви, глубокій старикъ отецъ Николай. Онъ, также какъ и учитель, никогда не кричалъ, никогда не сердился, а тихо и спокойно излагалъ намъ „правило вѣры“ въ „образѣ кротости“. Въ противуположность средней школѣ вызовъ для отвѣта считался нами праздникомъ. Ученье не было мученьемъ, оно каждому изъ насъ представляется самымъ свѣтлымъ временемъ въ жизни, рядомъ удовольствій. Сколько наслажденія доставляли даже простые успѣхи въ чтеніи, а затѣмъ географія, исторія, зоологія, ботаника, первыя свѣдѣнія изъ астрономіи, съ какимъ восторгомъ разсматривали мы въ микроскопъ волосъ, листокъ, чесоточнаго паразита, каплю воды, каплю крови и т. п., а съ какимъ захватывающимъ интересомъ слѣдили за разсказомъ Петра Ильича о строеніи человѣческаго тѣла, демонстрируемаго на разборной модели. Какъ намъ нравились естественно-историческія статейки о жизни животныхъ, птицъ, высшихъ насѣкомыхъ...

Какая громадная работа совершалась въ такой скромной по виду лабораторіи по обработкѣ человѣческихъ мозговъ. Школа не ограничивалась наученіемъ механизму чтенія, письма и ариѳметики. Она попутно съ этимъ давала полное первоначальное знаніе міра Божьяго. Курсъ ея былъ вполнѣ законченный кругъ опредѣленныхъ рамокъ образованія.

Оканчивавшіе училище обладали достаточными знаніями, чтобы сознательно относиться къ совершающемуся въ природѣ и жизни. Они не только умѣли читать, но умѣли прочитанное понять, разсказать и изложить на бумагѣ. Умѣли написать дѣльное, обстоятельное письмо, безъ пересыпанья его нескончаемыми поклонами. Имѣли отчетливое представленіе о географическомъ положеніи своей родной деревни, объ относительной величинѣ Россіи, о ея населеніи, о другихъ странахъ, о моряхъ и рѣкахъ и, не видя никогда желѣзной дороги и парохода, знали, что это такое, и какая сила заключается въ парѣ. Они имѣли хорошее понятіе о всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ Русской исторіи, о Владимірѣ, Ярославѣ, татарахъ, объ Іоаннахъ, о Смутномъ времени, о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, о 12 годѣ, о суровомъ Николаѣ и о Царѣ Освободителѣ. „То мореплаватель, то плотникъ“; Петръ Великій, былъ предметомъ постояннаго восхищенія, также какъ его современникъ Ломоносовъ. Я думаю, что не одно сердце билось гордымъ сознаніемъ этого великаго мужа къ крестьянской средѣ. Ломоносовъ нами относился къ разряду ученыхъ и писателей,—двѣ категоріи людей, особенно нами чтимыхъ. Про нихъ такъ много говорили наши учителя, что Крыловъ, Пушкинъ, Никитинъ, Кольцовъ, Гоголь, Тургеневъ и въ особенности Некрасовъ стали намъ хорошо извѣстны. Хотя немного стиховъ Некрасова мы читали, но все-таки были проникнуты глубокимъ благоговѣніемъ къ имени этого печальника за обездоленный крестьянскій людъ. Мой пріятель Денисъ по окончаніи школы сталъ именовать себя Некрасовымъ (до тѣхъ поръ у него фамиліи не было) „въ честь нашего великаго писателя и заступника за крестьянъ“,—какъ онъ мнѣ сообщилъ объ этомъ въ письмѣ.

Я уже говорилъ, что по зоологіи и ботаникѣ въ училищѣ давалось много свѣдѣній, включительно до проникновенія посредствомъ микроскопа въ царство инфузорій. Сущность явленія грома, дождя, снѣга, росы, вѣтра, сущность дыханія и горѣнія были хорошо усвоены. Какой громадный трудъ долженъ быть затраченъ, чтобы въ теченіе 3 зимъ снабдить такимъ запасомъ свѣдѣній. Если бы всѣ свѣдѣнія изложить печатно, получилось бы нѣсколько томовъ.

Усвоеніе этихъ знаній только и можно объяснить тѣснымъ общеніемъ учителей съ учениками, тѣмъ, что учителя проводили среди учениковъ

цѣлые дни, вливали знанія,—развивали,—путемъ бесѣдъ. Гуляя съ учениками, заходя по вечерамъ въ ихъ флигель, учителя незамѣтно для учениковъ просвѣщали ихъ. Нескончаемыя бесѣды велись на темы о явленіяхъ и красотахъ природы, о суевѣріяхъ и предразсудкахъ, о жизни животныхъ, о чужихъ странахъ и другихъ народахъ, о фабрикахъ и заводахъ, о воздухѣ, объ ископаемыхъ, о медицинѣ и гигіенѣ, о былой жизни русскаго народа и царства, о крѣпостномъ правѣ, о наукахъ и писателяхъ и т. п. Говорили и о злобахъ мѣстной жизни и о мѣстныхъ интересахъ. Это тѣсное общеніе, эти бесѣды имѣли, кромѣ образовательнаго, еще воспитательное значеніе. Школа не только питала умъ, она питала душу и вселяла въ ученикахъ отвращеніе ко всему нравственно грязному. Я засталъ школу уже въ томъ періодѣ, когда она имѣла свои традиціи, строго установленные нравственные принципы, которые исключали возможность малѣйшаго отступленія отъ нихъ. И какая это была высоконравственная школа. Среди учениковъ не было ни воровства, ни дракъ, ни даже ругани, ни другихъ пороковъ. Дѣвочки цѣлый день проводили вмѣстѣ съ мальчиками на полной свободѣ, но и намека не было на опасность такой близости. Въ самой тѣсной связи съ учениками провелъ я два года, получивъ, мѣсяца черезъ два пребыванія у Привалова, разрѣшеніе ходить, когда и куда мнѣ угодно, и проводить съ учениками все свободное время, и я не слышалъ ни одного циничнаго слова. Единственный разъ, помню, одинъ мальчикъ обругалъ свою сестру „паршивымъ чортомъ“, изъ чего вышла цѣлая исторія.

Приваловъ съумѣлъ такъ поставить дѣло, что и по выходѣ изъ нея ученики не прерывали связи съ нимъ, руководствуясь въ дальнѣйшей жизни его наставленіями, заботясь о реномэ училища, боясь отклониться отъ трудовой, честной жизни изъ стыда предъ Петромъ Ильичемъ. Любовь и уваженіе его бывшихъ учениковъ и примѣръ собственной скромной жизни (онъ не игралъ въ карты, не пилъ, даже не курилъ), высокая интеллигентность, отзывчивость и тактичность сдѣлали его авторитетомъ въ училищномъ районѣ.

Въ сравненіи съ этой школой средне-учебныя заведенія почти нельзя называть воспитательными; всякій выходитъ изъ среднеучебнаго заведенія болѣе развращеннымъ, чѣмъ въ него поступилъ. Одна рѣчь учениковъ, обыденно пересыпанная циничными словами, чего стоитъ.

Бѣжаницкое народное училище было истинно воспитательнымъ заведеніемъ, вырабатывавшимъ изъ своихъ питомцевъ честныхъ и преданныхъ родинѣ гражданъ. Только при той свободѣ, сердечности и разумности, какая была въ Бѣжаницкой школѣ, и при условіи вы-

сокой нравственности самихъ учителей, возможно выработать изъ учениковъ такихъ гражданъ, какіе родинѣ нужны.

Въ 1880 году я оставилъ училище, никогда тамъ съ тѣхъ поръ не былъ и лишь нѣкоторое время узналъ о немъ изъ писемъ Дениса. Крупными буквами и съ большими грамматическими ошибками онъ сообщалъ мнѣ новости о Бѣжаницахъ, о своей трудовой жизни на скудномъ надѣлѣ и неизмѣнно слалъ благословенія нашей школѣ.

Петръ Ильичъ въ слѣдующемъ 1881 году былъ переведенъ на лучшее мѣсто въ Петербургъ.

И.

Наказаніе монахини (1690 г.).

Лѣта 7199-го октября въ 22 день. По указу преосвященнаго Гавриіла, архіепископа Вологодского и Бѣлоозерского. На Белоозеро въ Воскресенскій дѣвичь монастырь, что въ Горахъ, игуменьѣ Анѳисѣ съ сестрами. Въ нынѣшнемъ во 199 году октября въ 20 день преосвященный архіепископъ, отписки вашей слушавъ, указалъ черницу Марѳу за воровство еѣ, за презрѣніе страху Божія и іноческого обѣщанія, что забывъ страхъ Божій и преданіе святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и монашеское свое обѣщаніе, сплутала и сплутавъ, похотя свое плутовство скрыть, збѣжала, вывезть на дровняхъ за монастырь и закопать въ берегъ безъ всякого церковного отпѣванія и безъ провожденія и къ церкви Божіи объ ней приношенія не принимать і въ синоникъ имяни еѣ не писать и о томъ указъ преосвященнаго архіепископа посланъ Кириллова монастыря къ архимандриту Іосиѳу. И какъ къ тебѣ ся память придетъ и тебѣ бъ начальную еѣ старицу, у которой она въ кельѣ жила, за то, что она, видя еѣ плутовство, укрывала, а вамъ игуменьѣ не извѣщала, велѣть сковать на шесть недѣль, а послѣ того смирить передъ сестрами по монастырскому чину; также и той старице, которая еѣ скутывала, чево было надъ ней чинить не довелось, также посадить въ смиреніе и смирить предъ сестрами, чтобъ на то смотря инымъ такъ плутать и іноческого образа поругать не повадно было, да и впредь бы тебѣ того смотрить накрѣпко, чтобъ такова безчинія не было, а буде какая старица въ такомъ безчинствѣ объявица впредь, і вамъ бы такихъ велѣть держать за береженіемъ скованыхъ и распрашивать, а къ преосвященному архіепископу писать, а чистительные молитвы велѣть дать безъ мотчанія.

Государю преосвященному архіепископу Гавриілу, архіепископу Вологоцкому и Белозерскому царского и твоего, государь, святи-

тельскаго богомолія Успенія Пресвятыя Богородицы Кирилова монастыря архимандритъ Іосиѳъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, 199 году октября въ 27 день по твоему, государь, архіерейскому указу присланъ ко мнѣ твой архиерейской указъ, а въ указѣ написано: писали къ тебѣ, государю преосвященному архіепископу, Белозерского уѣзду Воскресенского дѣвича монастыря, что въ Горахъ, игуменья Анѳиса съ сестрами: того жь де монастыря черница Марѳа, забывъ страхъ Божій і монашеское обѣщаніе, своровавъ, приживъ блудно, родила мертвого ребенка въ Михаилове помѣстьѣ Пятого въ сельцѣ Микулинѣ и отъ того рожденія умре, и кокъ твой архиерейской указъ ко мнѣ, богомольцу твоему, придетъ и мнѣ-бъ приказать еѣ черницу за поругание монашеского образу и за то ее воровство велѣть вывезть на дровняхъ за монастырь и закопать въ берегъ или гдѣ подъ лесомъ. И по твоему, государь, архиерйскому указу тое черницу на дровняхъ вывезть и въ берегъ закопать велѣлъ, а того монастыря сестры для показания были тутъ же, а къ Михаилу Пятово для допросу посылалъ і онъ въ доме своемъ не сказался. А Никицкого монастыря черный священникъ Тихонъ подалъ за своею рукою сказку і тое сказку послалъ я къ тебѣ, государю преосвященному архіепископу, подъ сею отпискою. А черница Марѳа на исповѣди ему священнику Тихону, сказала: изнасиловалъ еѣ блудно монастырской нашъ черной попъ Сергѣй Траецкой, а какъ та черница пришла въ сельцо Микулино і онъ Сергѣй, заслыша, что она объявилася въ близости, изъ монастыря отъ насъ сбежалъ ночью безвѣстно і въ погоню за нимъ посылали и сыскать нигдѣ не могли, а какъ онъ попъ Сергѣй-гдѣ объявитца и мы велимъ ево поимать и къ тебѣ, государю архіепископу, будемъ о томъ писать.

Сообщ. Ив. С—въ.

Взятіе русскими Ганджи (Елизаветполя).

(По архивнымъ даннымъ).

Ганджа (или Канджа)—просторная [1]), нынѣ Елизавет. губернія, играла большую роль еще при расцвѣтѣ Ассиріи, когда Греція и Римъ находились въ младенчествѣ. До сихъ поръ тутъ и тамъ въ разныхъ уголкахъ Елизав. губ., куда еще не проникалъ европеецъ, и только заходитъ кочевникъ въ поискахъ за лучшими пастбищами, мы находимъ развалины городовъ, по величинѣ очень большихъ, можно себѣ составить даже представленіе о планѣ города и т. д. Никто не раскапывалъ ихъ, но несомнѣнно попытка изслѣдователя увѣнчается крупнымъ успѣхомъ. Кто только ни побывалъ здѣсь: Турція, Персія, Мидія, Месопотамія, Ассирія, Албанія знали цѣну этому прочному стратегическому базису. Владѣть Ганджею значило владѣть не только всею прикуринскою равниною, но и всѣмъ Адербейджаномъ, всѣми владѣніями на южномъ склонѣ Кавказа.

Въ 1735 году, лишь только Надиръ-шахъ разбилъ при Ганджѣ турокъ, отнявъ у нихъ крѣпость, всѣ отдаленныя владѣнія на южномъ склонѣ Кавказа сейчасъ же подпали подъ власть Персіи. Точно также раньше турки, отнявъ Ганджу отъ Грузіи, немедленно покорили своей власти всю прикуринскую равнину, которой владѣли 30 лѣтъ. Турки же выстроили въ Ганджѣ ту самую крѣпость, на стѣнахъ которой 4-го января 1804 г. палъ, сидя верхомъ на пушкѣ, послѣдній изъ ганджинскихъ хановъ, Джеватъ-ханъ и которая была совершенно разобрана лишь въ концѣ 80-хъ годовъ.

---

[1]) Есть такое слово производства канджахъ—владѣтельница Делосскихъ сокровищъ.

Важное значеніе Ганджи было извѣстно еще шахъ-Аббасу Великому, считавшему этотъ городъ ключемъ подвластныхъ ему адербейджанскихъ провинцій, почему онъ не только перенесъ его съ того мѣста, гдѣ теперь находится „зеленая мечеть“, на нынѣ занимаемое мѣсто, но и всячески заботился о немъ. Онъ построилъ существующіе и по настоящее время Джумуа-мечеть для мусульманъ шіитовъ, церковь для армянъ и темные ряды лавокъ для торговцевъ и ремесленниковъ. По его же приказу были произведены въ Ганджѣ посадки всѣхъ тѣхъ чинаровыхъ деревьевъ, которыя доселѣ поражаютъ взоръ своею мощностью [1]). Это гиганты растительнаго царства востока.

Географическое значеніе Ганджи, какъ стратегическаго пункта, повелѣвающаго всѣмъ Адербейджаномъ, было понято также и княземъ Циціановымъ, считавшимъ поэтому завоеваніе его дѣломъ первостепенной важности, какъ для упроченія навсегда безопасности Грузіи отъ вторженія въ нее персіянъ, такъ и для облегченія возможности дальнѣйшихъ русскихъ операцій военнаго характера въ предѣлахъ Адербейджана.

И дѣйствительно, мы видимъ, что, вслѣдъ за паденіемъ Ганджинскаго ханства, пали и текинское, и карабагское, и ширванское, и всѣ остальныя ханства въ восточномъ Закавказьѣ.

До начала XIX вѣка та часть Закавказья, которая теперь именуется Елизаветпольской губерніей, состояла изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ владѣній, каждое изъ которыхъ изнемогало подъ огнемъ и мечемъ враждебныхъ сосѣдей, жизнь и достояніе населенія внутри каждаго ханства подвергались всякимъ случайностямъ. Люди жили въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ. Но прошло сто лѣтъ, и картина измѣнилась. Населеніе мирно развивается и идетъ впередъ по пути прогресса.

Черезъ губернію проведена желѣзная дорога, привозящая произведенія промышленности внутреннихъ губерній Россіи и Западной Европы и вывозящая на русскіе и европейскіе рынки произведенія мѣстныя. Проложены шоссейныя и грунтовыя дороги въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде мулъ съ трудомъ тащилъ на своей спинѣ произведенія примитивнаго сельскаго хозяйства и гдѣ тяжелую неповоротливую арбу замѣнили болѣе усовершенствованныя перевозочныя средства. Въ области земледѣлія появились новыя цѣнныя культуры. Грубая сила, ловкость въ употребленіи ружья и кинжала постепенно уступаютъ мѣсто просвѣщенію и знаніямъ.

---

[1]) Императоръ Александръ II, обративъ на нихъ вниманіе (будучи еще наслѣдникомъ престола), приказалъ ихъ охранять.

Ко многимъ отраслямъ труда примѣняется современная техника, и паровая машина постепенно освобождаетъ человѣка отъ гнета тяжелаго физическаго труда. Правда, мѣстами еще сохранились старые обычаи и порядки въ своей первобытной формѣ, полудикіе нравы подчасъ даютъ себя чувствовать, но ихъ вѣковые устои уже пошатнулись, и лучи свѣта съ каждымъ днемъ все больше и больше проникаютъ во всѣ дебри и ущелья горъ.

Все это совершается подъ вліяніемъ тѣхъ культурныхъ началъ гражданственности и правового порядка, которыя постоянно вносились Россіею, ея учрежденіями и школой.

Наиболѣе характернымъ выразителемъ вліянія русскаго владычества въ теченіе болѣе 100 лѣтъ служитъ Ганджа, переименованная княземъ Цицiановымъ, тотчасъ же послѣ ея завоеванія, въ „Елизаветполь“ въ честь Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Перенесемся же въ моментъ завоеванія Ганджи и постараемся на основаніи архивныхъ данныхъ возстановить картину этого завоеванія.

Успѣшный ходъ дѣлъ русскихъ войскъ къ Грузіи имѣлъ послѣдствіемъ добровольное вступленіе, 4-го декабря 1803 года, въ русское подданство владѣльца Мингреліи князя Георгія Дадіани, женатаго на дочери послѣдняго грузинскаго царя.

Съ уничтоженіемъ старинныхъ враговъ Грузіи, издавна грабившихъ Кахетинію, князь Цицiановъ, чтобы оградить русскія владѣнія отъ персовъ и турокъ, задумалъ въ томъ же году овладѣть ближайшимъ къ Грузіи Ганджинскимъ ханствомъ, потомъ идти на Эривань, взять Баку и, такимъ образомъ, утвердить русское вліяніе на Каспійскомъ побережьѣ.

Возстаніе грузинъ отвлекло часть войскъ Цицiанова, отрядившаго противъ нихъ князя Гулякова. Пришлось идти на Ганджу съ 6 батальонами пѣхоты, съ Нарвскимъ драгунскимъ полкомъ и 12 орудіями.

Передъ выступленіемъ въ походъ Цицiановъ, какъ высокоблагородный человѣкъ, отправилъ къ Джеватъ-хану письмо: „Первая и главная причина моего похода сюда, пишетъ онъ, что Ганджа со времени царицы Тамары принадлежала Грузіи и отторгнута отъ оной слабостью царей грузинскихъ. Всероссійская имперія, принявъ Грузію въ свое высокомощное покровительство и подданство, не можетъ быть равнодушной къ расторженію Грузіи. Пришедъ съ войсками, брать городъ, я, по обычаю европейскому и по вѣрѣ, мною исповѣдуемой, долженъ, не приступая къ пролитію крови, предложить вамъ о сдачѣ города. Буде завтра въ полдень не по-

лучу я отвѣта, то брань возгорится, понесу подъ Ганджу огонь и мечъ, и вы узнаете, умѣю ли я держать свое слово".

Джеватъ-ханъ отвѣчалъ: „если русскія пушки длиною въ аршинъ, мои длиною въ 4 аршина. Русскіе не храбрѣе персіянъ... Несчастный рокъ завелъ васъ сюда".

Послѣ этого самоувѣреннаго отвѣта, русскія войска овладѣли садами, городскими предмѣстьями и каравансараемъ и открыли огонь изъ орудій.

При этомъ былъ раненъ пулею навылетъ въ ногу капитанъ Котляревскій, и отличился поручикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка графъ Воронцовъ, ставшій черезъ 40 лѣтъ намѣстникомъ Кавказа.

На этомъ мѣстѣ былъ поставленъ памятникъ. Когда мы нынѣ хотѣли лучше осмотрѣть его, то лишены были возможности ...онъ обращенъ въ отхожее мѣсто, и за ограду памятника проникнуть мѣшаетъ чувство брезгливости.

Джеватъ-ханъ защищался геройски. Цѣлый мѣсяцъ длилась осада. Пять разъ требовалъ Циціановъ сдачи крѣпости.

„Я возьму крѣпость и убью тебя", писалъ онъ упрямому хану. „—Ты найдешь меня мертвымъ на крѣпостной стѣнѣ",—отвѣчалъ Джеватъ-ханъ. Оба клятвами подкрѣпляли свои слова.

2-го января 1804 г. рѣшили быть окончательному штурму на завтра.

Циціановъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны. Два батальона Кавказскаго гренадерскаго и Севастопольскаго пѣхотнаго полковъ и два эскадрона Нарвскихъ драгунъ были поручены генералъ-маіору Портнягину. Два батальона 17-го егерскаго полка составляли другую колонну, порученную полковнику Карягину.

Ночь со 2-го на 3 января была темной. Войска тихо отнесли знамена и штандарты на монетный дворъ, куда потянулась и вся татарская милиція.

Бросили въ ровъ подсвѣты, зажгли ихъ, приставили лѣстницы. Штурмовыя колонны двинулись. Съ крѣпости загремѣли орудія, посыпались стрѣлы, камни.

Генералъ Портнягинъ шелъ къ Карабагскимъ воротамъ и принялъ влѣво, чтобы ворваться черезъ брешь, пробитую въ земляной стѣнѣ. Противъ этого отверстія крѣпостныя войска сосредоточили всѣ свои силы. Тогда храбрый генералъ велѣлъ приставить лѣстницы и штурмовать стѣну. Два раза войска шли на приступъ и два раза были отбиты съ урономъ. Тогда Портнягинъ въ третій разъ бросился, ставъ во главѣ колонны, и первымъ взошелъ на стѣну. За нимъ взошелъ поручикъ Клейтъ и тутъ же былъ убитъ, убитъ

былъ и маіоръ Бартеневъ, старикъ, бросившійся впереди севастопольцевъ. Полковникъ Симановичъ кое-какъ во главѣ гренадеръ взобрался на лѣстницу и выручилъ Портнягина, уже окруженнаго ганджинцами.

Въ это время со стороны Тифлисскихъ воротъ вошла на стѣну вторая колонна съ полковникомъ Карягинымъ. Она овладѣла главной башнею. Другія двѣ башни были взяты маіоромъ Лисаневичемъ, и въ одной изъ нихъ былъ убитъ самъ Джеватъ-ханъ, не захотѣвшій искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ сѣлъ на пушку и съ саблей въ рукахъ защищался, пока не былъ изрубленъ капитаномъ Каловскимъ, убитымъ вслѣдъ за Джеватъ-ханомъ.

Такъ была взята Ганджа.

С. Фарфоровскій.

Библіотека-читальня
Дворянскаго собранія

Изъ воспоминаній стараго кадета о Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Въ 1844 году въ августѣ мѣсяцѣ я, пишущій эти строки, 13 лѣтъ поступилъ въ Дворянскій полкъ. Корпусъ нашъ помѣщался на Петербургской сторонѣ въ огромномъ трехъэтажномъ зданіи, выстроенномъ покоемъ изъ краснаго нештукатуреннаго кирпича, съ большимъ плацомъ для ученій внутри. Какъ новичка, меня опредѣлили въ шестую неранжированную роту, которой командовалъ ротный командиръ, фамиліи не упомню. Это былъ строгій и суроваго вида, по происхожденію шведъ или финнъ. Директоромъ корпуса былъ генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Пущинъ, человѣкъ съ большой педагогической опытностью и горячо любившій свое дѣло и ввѣренныхъ ему кадетъ. Поступилъ я въ первый классъ, и такъ какъ я выросъ въ польской семьѣ родныхъ моей матери, хотя нѣмецъ по отцу, въ первый годъ учиться мнѣ было трудно, и я остался на второй годъ въ первомъ классѣ. Въ слѣдующій же годъ я учился очень хорошо и попалъ на красную доску. Записанные на красную доску въ классѣ пользовались тѣмъ преимуществомъ, что во время пріѣзда высочайшихъ особъ въ корпусъ встрѣчали въ дежурной комнатѣ своей роты, подъ такой же красной доской. Инспекторомъ классовъ былъ полковникъ Дмитрій Михайловичъ Павловскій, человѣкъ строгій и въ рапортичкахъ, посылаемыхъ каждый день ротнымъ командирамъ, объ отмѣткахъ, полученныхъ наканунѣ кадетами, прописывалъ наказанія: безъ одного блюда, безъ двухъ и нерѣдко „подсѣчь“; это значитъ, что ротному командиру нужно было наказать лѣнивца розгами,—обыкновенно десять и не болѣе двад-

цати ударовъ; тѣмъ не менѣе за справедливое отношеніе къ кадетамъ его любили. Но самымъ строгимъ наказаніемъ считалось снятіе погонъ. Помню, что такому наказанію за какую-то шалость былъ подвергнутъ на короткое время и славный покоритель Ташкента Черняевъ, находившійся уже въ старшихъ ротахъ корпуса. Директоръ корпуса всѣми мѣрами заботился о преуспѣяніи его воспитанниковъ, такъ они назывались, а не кадетами, не только въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, но и въ привитіи къ нимъ сознанія о долгѣ, чести и обязанностяхъ предъ царемъ и отечествомъ. Поэтому въ корпусѣ устраивались литературные вечера, балы, на которые приглашались родные воспитанниковъ, и не рѣдко осчастливливали корпусъ особы Высочайшаго двора. Нѣтъ надобности упоминать о томъ, что воспитанники обучались музыкѣ, пѣнію, танцамъ, живописи и проч., для чего директоромъ приглашались лучшіе изъ извѣстныхъ учителей. Вообще же Пущинъ придумывалъ съ своей стороны всякаго рода мѣры для поощренія чѣмъ-нибудь отличившихся, такъ, напр., каждому, обратившему по своимъ успѣхамъ его вниманіе, онъ давалъ небольшой шарикъ, выточенный изъ орѣховаго дерева, съ № на немъ. Получившій такіе три шарика представлялъ ихъ директору и получалъ отъ него подарокъ, хорошую книгу или что-нибудь дорогое. Я получилъ три шарика: одинъ за отвѣтъ по-французскому языку, другой за танцы и третій за фронтовое ученіе.

Такъ какъ корпусъ нашъ заключалъ въ себѣ до восьмисотъ воспитанниковъ, составляющихъ семь ротъ и два баталіона, состоящіе изъ одной гренадерской роты, пяти дворянскихъ и 6-й неранжированной, то поэтому назывался не корпусомъ, а Дворянскимъ полкомъ; весной передъ выходомъ въ лагерь неранжированная рота расформировывалась, и воспитанники ея распредѣлялись по строевымъ ротамъ двухъ баталіоновъ. Я на второй годъ пребыванія въ корпусѣ былъ переведенъ во вторую дворянскую роту, гдѣ ротнымъ командиромъ былъ капитанъ Александръ Максимовичъ Саврімовичъ, а фельдфебелемъ Драгомировъ, впослѣдствіи генералъ-губернаторъ и командующій войсками одного изъ западныхъ военныхъ округовъ.

И въ этой второй дворянской ротѣ мнѣ тоже пришлось стоять подъ красной доской во время пріѣзда въ корпусъ начальства, а рядомъ со мной, подъ другой красной доской, стоялъ кадетъ старшаго класса Романовъ; и вотъ, что случилось въ томъ же году, когда въ корпусъ пріѣхалъ Государь Николай Павловичъ. Войдя въ нашу роту и увидавъ въ дежурной комнатѣ насъ двухъ подъ красными досками, онъ поздоровался съ нами и, не останавливаясь,

кинулъ Романову вопросъ съ улыбкой: „Ты мнѣ родня?“ и, получивъ, отвѣтъ: „Такъ точно, Ваше Величество“, Государь быстро повернулся къ нему и спросилъ: „Какимъ образомъ?“; Романовъ отвѣтилъ: „Вы отецъ Россіи, а я сынъ ея“.

Государь улыбнулся, поцѣловалъ его и сказалъ: „Вотъ тебѣ поцѣлуй отъ твоего дѣдушки“.

Затѣмъ Государь прошелъ дальше въ залы, гдѣ кадеты нашей роты уже выстроились для встрѣчи его, поздоровался съ ними, а когда остановился въ концѣ залы и заговорилъ о чемъ-то съ директоромъ, то всѣ кадеты сошли со своихъ мѣстъ и окружили его. Одинъ кадетъ, увидавъ конецъ носового платка, высунувшагося изъ задняго кармана сюртука Государя, потянулъ его, и мигомъ этотъ платокъ былъ изрѣзанъ перочиннымъ ножомъ на сотни частей и раздѣленъ между всѣми нами „на память“. Говорили, что Государь уже привыкъ къ этому и не сердился за это.

Такъ какъ Дворянскій полкъ открытъ былъ по желанію и въ честь Наслѣдника престола Великаго Князя Константина Павловича, какъ говорили тогда, въ замѣнъ корпуса волонтеровъ, плохо поставленнаго, въ который поступали даже женатые молодые люди, то Пущину пришлось много поработать, чтобы преданія и духъ корпуса волонтеровъ не перешли въ Дворянскій полкъ. Къ сожалѣнію, Н. Н. Пущинъ въ 1845 году почти потерялъ зрѣніе и вскорѣ умеръ и похороненъ былъ на Волковомъ кладбищѣ среди своихъ воспитанниковъ, по выраженному имъ передъ смертью собственному желанію.

Вообще, въ корпусѣ намъ жилось очень хорошо: кормили насъ превосходно, за обѣдомъ всегда были три блюда, а въ посту, когда наступятъ оттепели, и продавцы, опасаясь за порчу оставшейся непроданной дичи, сбавляли на нее цѣну, за обѣдомъ у насъ появлялись зайцы, гуси, утки и даже индѣйки. По утрамъ вмѣсто чаю давали очень вкусный сбитень и къ нему полъ-французскаго хлѣба и два куска чернаго хлѣба, намазаннаго масломъ, вечеромъ тоже сбитень или молоко съ французскимъ хлѣбомъ. Но зимамъ на плацу устраивались для кадетъ горы для катанья на санкахъ и катки для коньковъ, а сами кадеты устраивали изъ снѣга крѣпости съ амбразурами и рвами вокругъ нихъ и брали ихъ приступомъ, устраивая подобіе войны. Кромѣ коренныхъ воспитанниковъ Дворянскаго полка къ намъ въ корпусъ ежегодно привозили для окончанія курса кадетъ изъ другихъ провинціальныхъ корпусовъ: изъ Полтавскаго, Брестъ-Литовскаго, Бахтина-Орловскаго, Тамбовскаго и Полоцкаго. Кадеты эти поступали въ послѣдніе два спеціальные класса, въ которыхъ проходили науки: высшую математику, механику, химію, физику, артиллерію, тактику, фортификацію и статистику.

Кадеты эти вообще были хорошо выдержаны и весьма симпатичны, кромѣ кадетъ Полоцкаго корпуса, которые по своему направленію были просто отвратительны. Всѣ они были „табаконюхи“, и это у нихъ вкоренилось въ такой степени, что считалось какъ бы почетнымъ спортомъ. У всякаго изъ нихъ въ карманѣ или за обшлагомъ былъ запасъ нюхательнаго табаку, и, встрѣчаясь, они привѣтствовали другъ друга слѣдующими словами: „Не знаю вашего ни рода, ни племени, смѣю васъ спросить объ одолженіи почерпнуть изъ глубины вашего сосуда вашего благороднаго зелія; смѣю спросить, какой вы употребляете, березинскій или бобковый, и въ чемъ вы его содержите, въ тавлиночкѣ или въ бумажечкѣ; въ тавлиночкѣ неблагопристойно, въ бумажечкѣ сохнетъ, но зато крѣпче“. Послѣднія эти слова произносились нараспѣвъ, затѣмъ происходило взаимное угощеніе. Кадеты этого корпуса отличались отъ другихъ крайней неопрятностью и частыми нарушеніями установленныхъ порядковъ: ходили въ разстегнутыхъ на послѣднія пуговицы куртках, съ грязными руками и вообще производили очень непріятное впечатлѣніе. Кромѣ кадетъ изъ разныхъ корпусовъ, на лѣтній лагерный сборъ пріѣзжали къ намъ кадеты изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. Это былъ чопорный несимпатичный народъ. По зимамъ въ корпусъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывшій главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, и одинъ разъ въ зиму Государь Императоръ Николай Павловичъ. Пріѣзды ихъ были всегда неожиданные и всегда очень желательные, такъ какъ за ними слѣдовалъ отпускъ на нѣсколько дней. Великій Князь Михаилъ Павловичъ ввелъ во всѣхъ корпусахъ прическу чубъ, и всѣ кадеты, и офицеры должны были подчиняться этому, такъ какъ и онъ украшалъ свою голову такимъ же чубомъ. Однажды Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ къ намъ девятаго ноября и, войдя въ нашу шестую неранжированную роту, поздоровался: „Здравствуйте, карапузы“, а затѣмъ спросилъ: „Кто у васъ былъ именинникомъ?“. Меня ротный командиръ выдвинулъ впередъ къ нему. Великій Князь поздравилъ меня и, надѣвъ на меня свою трехугольную шляпу, велѣлъ за нимъ носить. Я въ этой шляпѣ ходилъ за нимъ по всѣмъ этажамъ корпуса. Шляпы эти съ чернымъ перомъ надѣвались офицерами внѣ фронта, по установленной въ то время формѣ. Зимой въ хорошую погоду по одной ротѣ изъ каждаго корпуса, вмѣстѣ съ гвардейскими полками, вступающими въ тотъ день въ городской караулъ, должны были присутствовать на разводѣ съ церемоніей, въ Михайловскомъ манежѣ и кадеты. Парадъ этотъ устраивался въ присутствіи Государя Императора и обязательно Великаго Князя Михаила Павловича. Я, какъ хорошій

фронтовикъ, часто являлся ординарцемъ къ нимъ. На этихъ разводахъ присутствовалъ тоже и начальникъ штаба кадетскихъ корпусовъ генералъ-маіоръ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, впослѣдствіи выдающійся дѣятель по реформѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Послѣ смерти Н. Н. Пущина директоромъ нашего дворянскаго полка назначенъ былъ генералъ-маіоръ Грессеръ, пробылъ онъ директоромъ недолго.

Передъ выступленіемъ войскъ въ лагерь, обыкновенно, въ Петербургѣ на Марсовомъ полѣ, устраивался большой „Майскій парадъ“. Всѣ войска гвардіи вмѣстѣ съ кавалеріей, артиллеріей и саперами и даже армейскіе полки, квартирующіе около Петербурга, а также кадеты всѣхъ корпусовъ разставлялись на этой огромной площади въ нѣсколько линій въ баталіонныхъ колоннахъ, съ музыкой и знаменами. На правомъ флангѣ въ первой линіи занималъ мѣсто конвой Государя Императора, состоящій изъ людей, собранныхъ отъ всѣхъ кавказскихъ племенъ: кубанцевъ, черкесовъ. лезгинъ, дагестанцевъ, кабардинцевъ, грузинъ, татаръ и пр. народностей, всѣ верхами въ своихъ національныхъ костюмахъ и вооруженіи. Рядомъ съ ними въ первой линіи стояли кадеты всѣхъ корпусовъ, а далѣе гвардейскіе полки всѣхъ дивизій кавалеріи, артиллеріи и саперъ въ нѣсколько линій. Одновременно съ пріѣздомъ Государя Николая Павловича пріѣзжала для присутствія на парадѣ и вся Царская Фамилія съ придворными дамами и помѣщалась въ большой роскошно устроенной палаткѣ. Государь Николай Павловичъ подъѣзжалъ къ правому флангу первой линіи, гдѣ его встрѣчалъ командующій парадомъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ рапортомъ. Подъѣхавъ къ своему конвою, онъ здоровался: „Саламаликъ, мой конвой“, на что кавказцы отвѣчали: „Аликумъ Сала Николяй Паулейшъ“. По мѣрѣ приближенія Государя къ каждой части, войска отдавали честь, онъ здоровался съ войсками, музыка играла встрѣчу, знамена склонялись къ землѣ, а затѣмъ музыка играла народный гимнъ, а потомъ „Коль славенъ“... Эти разнообразные мотивы, не переставая во все время отъѣзда, наполняли воздухъ величественной симфоніей.

Окончивъ объѣздъ всѣхъ линій, Государь со свитой подъѣзжалъ къ палаткѣ, и войска проходили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно, затѣмъ второй разъ въ сомкнутыхъ колоннахъ и при прохожденіи удостаивались царскаго спасиба.

Особенно весело проходило лагерное время. Кадетскій лагерь всѣхъ корпусовъ былъ въ Петергофѣ, на огромной площади, особенно для этого отведенной. Въ лагерь кадеты всѣхъ корпусовъ

выступали по окончаніи экзаменовъ въ концѣ мая. При выступленіи около Нарвской заставы провожалъ насъ всегда Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Шли мы въ Петергофъ два дня съ ночлегомъ около Ораніенбаума. Кадеты очень любили этотъ походъ, такъ какъ въ это время они пользовались совершенной свободой. Передъ вступленіемъ въ Петергофъ походная форма замѣнялась парадной, и всѣ кадетскіе корпуса проходили черезъ Александрійскій паркъ мимо дворца церемоніальнымъ маршемъ передъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ и всей Царской Семьей и затѣмъ уже направлялись въ лагерь. Лагерный кадетскій отрядъ состоялъ изъ кадетъ всѣхъ петербургскихъ корпусовъ и составлялъ два отдѣльныхъ полка, по три баталіона въ каждомъ. Первый баталіонъ составляли кадеты Пажескаго корпуса, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и инженерное училище, каждаго изъ этихъ корпусовъ по одной ротѣ. Второй баталіонъ составляли три роты перваго кадетскаго корпуса, а третій баталіонъ—три роты второго кадетскаго корпуса. Второй полкъ составляли два баталіона кадетъ Дворянскаго полка и третій баталіонъ три роты Павловскаго кадетскаго корпуса. Всѣ кадеты вооружены были небольшими кремневыми ружьями, хотя въ гвардейскихъ полкахъ были уже введены пистонныя гладкоствольныя ружья, заряжающіяся съ дула.

Въ лагеряхъ палатки, отдѣльныя для каждаго взвода кадетъ устраивались очень прочно, и жилось въ нихъ превосходно. Позади палатокъ помѣщались навѣсы-столовыя для обѣдовъ, а дальше кухни, погреба и проч. Между четырьмя и пятью часами почти каждый день раздавался крикъ: „Всѣмъ на переднюю линію“. Это значило, что проѣзжаетъ по лагерю кто-нибудь изъ Царской Фамиліи. Особенно часто проѣзжалъ Государь Николай Павловичъ со своимъ семействомъ. Онъ самъ правилъ лошадьми, запряженными въ четырехмѣстный шарабанъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла Императрица Александра Ѳеодоровна, на второй скамейкѣ помѣщался Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ Цесаревной Маріей Александровной, а на задней скамейкѣ—Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи въ формѣ перваго кадетскаго корпуса. Государь, проѣзжая по линіи, улыбаясь, здоровался съ кадетами и салютовалъ имъ длиннымъ бичемъ, который держалъ въ правой рукѣ. Проѣхавъ весь лагерь, царское семейство возвращалось въ Александрію. По праздникамъ послѣ обѣда, кадеты всѣхъ корпусовъ партіями по десяти человѣкъ, при одномъ старшемъ, безъ офицера, отправлялись въ Александрію. Часто намъ удавалось застать царскую семью еще за обѣдомъ. Мы подходили смѣло къ открытому окну и любовались на дорогую всѣмъ намъ царскую семью. Насъ

угощали конфектами, и затѣмъ мы гуляли по всему саду безъ всякаго стѣсненія, качались на качеляхъ вмѣстѣ съ Великими Князьями, бѣгали на гигантахъ, лазили по мачтамъ и вообще проводили время очень весело, а въ восемь часовъ возвращались въ лагерь. Государь Николай Павловичъ очень любилъ кадетъ и, когда былъ въ духѣ, то даже позволялъ всякія вольности съ собой. Помню, какъ однажды вечеромъ, послѣ зари съ церемоніей, на которой присутствовалъ Государь, онъ, окруженный кадетами, направился къ своей коляскѣ и, обращаясь къ кадетамъ, скомандовалъ: „Орудіе въ передки". Кадеты догадались и подхватили Государя, кто за ноги, кто за талію и посадили въ коляску. Но затѣмъ послѣдовала вторая команда: „Второе орудіе въ передки", но кадеты остановились въ недоумѣніи, т. к. не допускали, чтобы эта вторая команда относилась къ начальнику лагеря ген. Судгову, тутъ же стоящему около коляски, но, увидавъ, что къ экипажу быстро приближается Наслѣдникъ Цесаревичъ, подхватили его и посадили также въ коляску.

Въ жаркіе дни почти каждый день кадетъ водили купаться на возморье въ Финскій заливъ. Нерѣдко случалось застать тамъ купающихся Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, съ ихъ воспитателями, генералами Философовымъ и другимъ, точно не упомню, кажется, Карцевымъ. Кадеты не входили въ воду, ожидая выхода изъ воды Великихъ Князей. А выкупавшіеся генералы, обтираясь простынями на палубѣ, торопили своихъ воспитанниковъ, чтобы выходили скорѣй и пустили купаться кадетъ. И вотъ, не желая выходить изъ воды, Великіе Князья шалили—хватали со дна грязи и бросали въ своихъ воспитатетей, и имъ приходилось опять по лѣстницѣ спускаться въ воду, чтобы окунуться, и такимъ образомъ, время купанія удлинялось. Вообще лагерная жизнь доставляла намъ много развлеченія и удовольствій.

Лѣтомъ пріѣзжалъ изъ Петербурга знаменитый тогда въ Петербургѣ циркъ Лежара и Гвера и давалъ представленія на открытомъ воздухѣ, за городомъ. На эти представленія приводили по приказанію Государя и кадетъ. Однажды былъ такой случай: когда представленія кончились и вся публика ушла, Государь велѣлъ остаться только кадетамъ, подозвалъ ихъ къ своей палаткѣ, въ которой находилась и вся царская семья, велѣлъ встать всѣмъ въ рядъ и по командѣ его: разъ, два, три, обѣжать всю арену кругомъ и тому, кто опередитъ всѣхъ, обѣщалъ дать подарокъ. Всѣ, конечно, побѣжали, и всѣхъ опередилъ долгоногій кадетъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и получилъ отъ Государя золотые часы. Затѣмъ началось угощеніе кадетъ конфектами, и тутъ про-

изошелъ со мной оригинальный случай. Такъ какъ полъ палатки возвышался надъ землей аршина на полтора, а перила, ограждающія ее, были еще выше его, то чтобы закрыть внутренность постройки, съ перилъ до земли спущено было красное сукно. Государь велѣлъ двумъ фрейлинамъ подать намъ конфектъ въ огромныхъ вазахъ и пирамидахъ. Фрейлины поставили ихъ на балюстраду перилъ и удерживали, въ рукахъ, а кадеты должны были своими руками брать съ пирамидъ конфекты. Вслѣдствіе желанія захватить какъ можно больше царскихъ конфектъ, произошла давка; я былъ еще въ младшемъ классѣ, маленькаго роста, и меня совершенно прижали къ периламъ. Замѣтивъ, что масса конфектъ падаетъ на землю, я нагнулся, чтобы подобрать ихъ, а мое мѣсто было тотчасъ занято другими, и я очутился подъ поломъ палатки и сталъ набивать свои карманы конфектами; но вдругъ я услыхалъ сердитый голосъ Государя, кричавшаго: „Назадъ, невѣжды, олухи! фрейлины не могутъ удержать вазы!“ Я испуганно поднялъ закрывшее меня сукно и увидалъ, что всѣ кадеты уже отступили отъ палатки на нѣсколько шаговъ и стоятъ въ великомъ испугѣ и смущеніи. Положеніе мое было очень критическое, но во что бы ни стало я долженъ былъ присоединиться къ товарищамъ, и вотъ я ползкомъ, почти на карачкахъ, сталъ ползти въ ряды кадетъ. Вѣроятно, это было очень смѣшно, потому что въ палаткѣ раздался сдержанный хохотъ всѣхъ присутствующихъ.

Одиннадцатаго іюля въ день именинъ Великой Княжны Ольги Николаевны, намъ прислали изъ дворца каждому въ особомъ пакетѣ конфектъ. Вечеромъ, поздно, когда кадеты легли уже спать, дежурные барабанщики ударили тревогу. Кадеты наскоро одѣвались и, захвативъ ружья, выбѣгали на переднюю линію, строились въ баталіонныя колонны и ожидали дальнѣйшихъ командъ. Оказалось, что тревогу сдѣлалъ Государь Николай Павловичъ, пріѣхавъ въ лагерь съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ гостей, иностранныхъ государей или принцевъ.

На первомъ планѣ продѣлывалось ученіе и оканчивалось церемоніальнымъ маршемъ.

Однажды, когда я былъ уже въ старшемъ классѣ, и былъ старшимъ въ палаткѣ, и долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы послѣ зари всѣ кадеты лежали уже въ постели и спали, многіе еще разговаривали, а я, по праву старшаго, еще не легъ и стоялъ подъ фонаремъ на серединѣ палатки и читалъ Монтекристо. Но вдругъ я услыхалъ у самаго входа въ палатку голосъ Наслѣдника Александра Николаевича, очень хорошо мнѣ знакомый. Чтобы прекратить разговоры, я крикнулъ: „Господа! Наслѣдникъ!“ и бросился къ

своей постели, стоявшей какъ разъ у самаго входа, и спрятался подъ одѣяло. Наслѣдникъ вошелъ въ палатку съ дежурнымъ по лагерю и своимъ адъютантомъ и, проговоривъ веселымъ голосомъ: „Обо мнѣ предупреждаютъ“ выговаривая „р“ гортанно, прошелъ вдоль по всей палаткѣ въ слѣдующую.

Вообще лагерное время оставило по себѣ въ моей памяти много очень пріятныхъ воспоминаній. Въ царскіе торжественные дни у большого Петергофскаго дворца кадетамъ дѣлались парады, для чего изъ каждаго корпуса призывались по одной или по двѣ роты. Помню, что одиннадцатаго іюля въ день именинъ Великой Княжны Ольги Николаевны былъ такой большой парадъ. Я и еще одинъ кадетъ Дворянскаго полка были назначены уборными унтеръ-офицерами къ дворцовой церкви. Парадомъ командовалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ ожиданіи выхода Царской Фамиліи въ церковь, я съ товарищемъ заняли мѣста около входа въ церковь и должны были держать ружье у ноги по-ефрейторски, при чемъ большой палецъ правой руки долженъ былъ лежать на штыковой трубкѣ вдоль шомпола. Забывши это правило, я этимъ пальцемъ обхватилъ всю штыковую трубку, и, по разсѣянности, не замѣтилъ, какъ подошелъ ко мнѣ командующій парадомъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ; замѣтивъ мою оплошность, подошелъ ко мнѣ и поправилъ палецъ, поставилъ его на должное мѣсто, но черезъ нѣсколько времени непослушный мой палецъ опять обхватилъ штыковую трубку. Тогда Великій Князь подошелъ ко мнѣ и строго перевелъ палецъ на должное мѣсто. По окончаніи обѣдни кадеты прошли церемоніальнымъ маршемъ на площади передъ дворцомъ въ присутствіи Императора Николая Павловича, а затѣмъ отправились въ лагерь.

Въ лагеряхъ каждый день производились ученія, съ шести до семи часовъ ротныя, а потомъ два часа баталіонныя. На баталіонное ученіе пріѣзжали со своими воспитателями Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и становились въ рядахъ первой роты Перваго кадетскаго корпуса. Производились также ученія Артиллерійскаго училища съ полнымъ вооруженіемъ, съ пушками и стрѣльбой холостыми зарядами. А кадетскіе саперы и инженеры занимались наводкой понтоновъ и постройкой укрѣпленій.

Кадетская форменная одежда наша состояла: изъ куртки съ желтыми погонами съ краснымъ воротникомъ, сѣрыхъ панталонъ и фуражки безъ козырька, а парадная изъ мундира съ галунами на воротникѣ, черныхъ панталонъ, каски съ гербомъ двухглаваго орла въ сіяніи и чернымъ султаномъ. Это была и отпускная форма. Во фронтѣ на парадахъ къ этой формѣ надѣвалась еще патронная сумка; она висѣла сзади на двухъ, перекрещивавшихся на груди

ремняхъ въ 2 вершка шириной, толстыхъ, изъ лосиной кожи, выбѣленныхъ бѣлилами и отдѣланныхъ подъ глянецъ. У сумки висѣлъ тоже и тесакъ. Эти ремни были очень тяжелы, давили грудь и совершенно неудобны. Въ походѣ кадеты сверхъ ремней носили за спиной ранцы, но меньше солдатскихъ и легче.

Помню, какъ въ 1849 году, когда наши войска находились въ Венгріи, спасали Австрію отъ разгрома Венгріей, однажды вечеромъ пріѣхала къ намъ въ лагерь Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Кадеты тотчасъ окружили ея экипажъ, прибѣжалъ начальникъ кадетскаго лагеря генералъ-маіоръ Судговъ. Государыня трясущейся рукой и головой передала ему только-что полученную отъ Государя, изъ Варшавы, телеграмму и велѣла громко прочесть. Въ телеграммѣ значилось: „Ура!“ Мы побѣдили. Дебречинъ взятъ нами и Гергей сдался.

Мы, конечно, закричали „ура!“, и Государыня очень была довольна общимъ нашимъ энтузіазмомъ.

Въ 1849 году было бракосочетаніе Великаго Князя Константина Николаевича. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Его Высочество пріѣхалъ къ намъ въ лагерь вмѣстѣ съ молодой женой Великой Княгиней Александрой Іосифовной, оба верхами. Я былъ дежурнымъ по ротѣ и встрѣтилъ Ихъ Высочества на средней линейкѣ. Великій Князь узналъ меня и, улыбаясь, спросилъ: „а палецъ выучились ли держать какъ слѣдуетъ“. Я засмѣялся и отвѣтилъ: „Отлично выучился и никогда не забуду, Ваше Императорское Высочество“. Оба они разсмѣялись и поѣхали дальше.

Въ 1850 году я перешелъ во второй спеціальный классъ и затѣмъ былъ произведенъ въ старшіе унтеръ-офицеры и назначенъ знаменщикомъ.

Въ день крещенія каждый годъ бываетъ на Дворцовой площади большой крещенскій парадъ: гвардейскіе полки устраиваются на площади передъ дворцомъ около Александровской колонны, а кадеты по одному взводу отъ каждаго корпуса со знаменемъ стоятъ съ ружьемъ въ залахъ дворца.

По выходѣ изъ церкви митрополита съ духовенствомъ и за нимъ всей Царской фамиліи, кадеты отдаютъ имъ честь, а знаменщики со знаменами отъ каждаго корпуса пристраиваются сзади и вмѣстѣ съ духовенствомъ и Царской фамиліей направляются на Неву въ устроенный тамъ павильонъ—Іордань.

Въ этомъ павильонѣ совершается водосвятіе въ присутствіи Государя Императора, и провозглашается многолѣтіе Государю и всему Царствующему дому и окропляются святой водой знамена. По окончаніи водосвятія, полковыя знамена возвращаются къ своимъ ча-

стямъ, а знаменщики-кадеты возвращаются въ залы дворца. Государь Императоръ войскамъ, стоящимъ на площади, дѣлаетъ смотръ и пропускаетъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. На крещенскомъ парадѣ 1851 года Государь въ формѣ лейбъ-казачьяго полка, по окончаніи парада войскамъ, сдѣлалъ нарядъ кадетамъ и пропустилъ всѣхъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ тихимъ шагомъ.

Знамена въ нашемъ корпусѣ были даны намъ шефомъ корпуса Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, участвующія съ нимъ въ войнѣ съ Наполеономъ, безъ полотенъ съ однимъ на древкахъ орломъ и кистями и съ слѣдами попадавшихъ въ нихъ пуль.

Мнѣ, какъ знаменщику, марширующему впереди своего взвода при двухъ офицерахъ ассистентахъ, пришлось салютовать знаменемъ Государю Императору и, пройдя уже Государя, поднявъ знамя, кисти знамени вслѣдствіе взмаха ими запутались было въ люстру, но офицеры ассистенты успѣли скоро саблями откинуть ихъ, и такимъ образомъ случай этотъ, могущій задержать около люстры весь взводъ, сзади идущіе разрѣшили благополучно.

Лагерь 1851 года былъ для меня послѣднимъ. Изъ лагеря мы двинулись въ Петербургъ обычнымъ порядкомъ—маневрами. Ночевали на бивуакахъ и къ утру явились въ такъ называемый „Красный кабачекъ“ въ 7-ми верстахъ отъ Петербурга.

Здѣсь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба Ростовцевымъ вызвали всѣхъ назначенныхъ къ выпуску кадетъ, поздравили ихъ и раздали каждому приказъ о производствѣ въ офицеры.

Хотя и жаль было разставаться съ корпусомъ, такъ какъ семь лѣтъ, проведенныхъ въ корпусѣ, оставили по себѣ самыя пріятныя воспоминанія, но жизнь манила впередъ, и потому мы радовались. Затѣмъ, по прибытіи въ корпусъ, выпускныхъ кадетъ отдѣлили въ особое помѣщеніе, стали обмундировывать и отправлять въ назначенныя мѣста служенія.

Такъ окончилась оставившая на всю жизнь свои незгладимые слѣды корпусная „эпопея“.

М. М. Ротъ.

Характеристика архіереевъ Саратовской епархіи за шестьдесятъ пять лѣтъ.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Саратовъ, какъ извѣстно, будучи маленькимъ поселеніемъ, находился въ старыя времена по другую сторону Волги, выше Покровской слободы, на рѣкѣ Саратовкѣ, и, перенесенный впослѣдствіи на то мѣсто, гдѣ онъ теперь, настолько разросся, что уже въ XVIII столѣтіи, при нашествіи Пугачева, былъ губернскимъ городомъ, хотя духовенство еще долго было подчинено архіереямъ сосѣднихъ губерній, почему не буду упоминать объ этихъ епископахъ, такъ какъ мы знали только послѣдняго пензенскаго—Моисея, пребывавшаго значительное время въ Саратовѣ, и затѣмъ бывшаго экзарха Грузіи.

При моей жизни, Саратовъ ранѣе кончался Ильинской улицей, и теперешняя Митрофановская площадь, получившая это названіе вслѣдствіе построеннаго на ней храма во имя Св. Митрофанія, была загородной, на которой на большомъ черномъ эшафотѣ наказывали преступниковъ плетьми. Центромъ же города считалась лучшая по постройкамъ Московская улица и главной церковью былъ Старый соборъ, новый же, нынѣ существующій каѳедральный соборъ, построенъ только въ началѣ XIX столѣтія, и крайній домъ этой Соборной площади принадлежалъ моей бабкѣ—Маріи Ѳедоровнѣ Дмитріевой, которая принимала горячее участіе при постройкѣ собора, и, не говоря о дорогомъ престольномъ одѣяніи, площаницѣ съ драгоцѣнными камнями, громадныхъ ризахъ и пр. пр., она выстроила отдѣльную колокольню съ большимъ колоколомъ, и масса серебра

въ немъ дала ему на рѣдкость чудный звукъ, подобный которому я слышалъ только въ Кіевѣ. А такъ какъ кромѣ собора она дѣлала большія пожертвованія въ церковь мужского монастыря, употребивъ на все это больше 200.000 рублей, то Синодъ назначилъ Марію Ѳедоровну Дмитріеву попечительницей каѳедральнаго собора, причисливъ домъ ея къ нему приходомъ, тогда какъ каѳедральные соборы преимущественно приходовъ не имѣютъ, а городъ назвалъ улицу, гдѣ она жила, Дмитріевской. Послѣ же ея смерти улица эта называлась Дворянской, и наконецъ впослѣдствіи, не знаю по чьей иниціативѣ, ей дано глупѣйшее названіе Большой Кострижной.

Эта моя бабка, вдовая и бездѣтная, не пожелавъ, чтобы мою единственную сестру отвозили въ Смольный монастырь, куда она была зачислена, взяла ее къ себѣ, оставивъ ей послѣ смерти этотъ домъ, въ которомъ мнѣ и пришлось очень часто видѣть посѣщавшихъ мою бабку, а затѣмъ мою мать и сестру, мѣстныхъ архіереевъ, начиная съ преосвященнаго Іакова, о подвижничествѣ и прозорливости котораго я уже ранѣе говорилъ въ моихъ запискахъ „Провинціальные типы 40-хъ годовъ“.

Преосвященный Іаковъ разсказалъ моей бабкѣ, что въ молодости онъ былъ обрученъ, но невѣсту его убило громомъ, что и было причиной его монашества, а такъ какъ имя невѣсты было Варвара, то въ память этого бабка сдѣлала въ нижней части собора придѣлъ Св. великомучиницы Варвары, и въ день этого престольнаго праздника, какъ преосвященный Іаковъ, такъ и всѣ бывшіе затѣмъ до послѣдняго времени, саратовскіе архіереи, послѣ обѣдни со всѣмъ причтомъ посѣщали владѣлицъ этого дома, служа молебенъ, и дѣлали это также въ праздники Св. Пасхи и Рождества Христова.

Послѣ Іакова назначенъ былъ въ Саратовъ преосвященный Аѳанасій, бывшій ранѣе ректоромъ Петербургской академіи, человѣкъ съ большимъ образованіемъ, хорошо знавшій даже иностранные языки. И скромная обитель Іакова, занимавшаго одноэтажный деревянный домикъ на Царицынской улицѣ, замѣнена была уже почти дворцомъ архіерейскаго дома на Соборной площади. Архіерейская служба сдѣлалась особенно торжественной при большомъ хорѣ пѣвчихъ въ щегольскихъ одѣяніяхъ съ золотыми галунами и кистями. Но, къ сожалѣнію, преосвященному Аѳанасію не доставало монашескаго смиренія и, за его безпокойный характеръ и частыя столкновенія съ мѣстной администраціей и губернаторомъ Кожевниковымъ, онъ былъ перемѣщенъ въ томъ же епископскомъ санѣ въ Астраханскую епархію, гдѣ впослѣдствіи, уже бывъ на покоѣ архіепископомъ, страдалъ подъ конецъ жизни ужаснѣйшей болѣзнью, и, какъ мнѣ передавалъ нашъ преосвященный Тихонъ,

ѣздившій въ Астрахань навѣстить Аѳанасія, что онъ самъ видѣлъ, какъ у этого страдальца во время невыносимаго зуда тѣло чесали щетками, и на посланную простыню сыпалась изъ кожи масса мельчайшихъ паразитовъ, которые обыкновенно у людей водятся только въ головѣ, кисти же рукъ его, покрытыя ранами, были въ бинтахъ.

Слѣдующимъ послѣ Аѳанасія назначенъ былъ въ Саратовъ преосвященный Іоанникій I и послѣ него Евѳимій, и оба они оставили по себѣ хорошую память добрыхъ святителей, заботившихся о церкви и духовенствѣ, но, къ сожалѣнію, болѣзненному Евѳимію не суждено было жить долго, и онъ похороненъ въ нижней церкви каѳедральнаго собора. Затѣмъ въ Саратовъ былъ назначенъ Іоанникій II, дѣятельность котораго слѣдуетъ считать вообще особо выдающейся, такъ какъ помимо его заботъ, какъ святителя, онъ былъ большимъ администраторомъ и хозяиномъ. При немъ умѣлымъ способомъ основанъ свѣчной заводъ и произведена масса построекъ, не только увеличившихъ скудное содержаніе архіерейскаго дома, но и обезпечившихъ существованіе открытаго женскаго епархіальнаго училища. И кромѣ того по его иниціативѣ образована была особая комиссія по улучшенію быта духовенства Саратовской губерніи, въ работахъ которой и мнѣ пришлось участвовать по должности предводителя дворянства. Этотъ архипастырь, какъ извѣстно, былъ впослѣдствіи экзархомъ Грузіи, затѣмъ митрополитомъ, сначала московскимъ, а потомъ кіевскимъ.

Далѣе мы видимъ въ Саратовѣ епископа Тихона, который, какъ замѣчательный проповѣдникъ, ранѣе былъ священникомъ одного изъ самыхъ аристократическихъ кварталовъ Петербурга, но, лишившись семьи, онъ принялъ монашескій санъ. Преосвященный Тихонъ, обладая всѣми необходимыми качествами архипастыря и администратора, былъ въ то же время свѣтскимъ человѣкомъ, котораго любили и общество, и власти.

Въ своихъ сужденіяхъ о религіи онъ говорилъ убѣдительно и просто, и осуждая, напримѣръ, невѣрующую молодежь, объяснялъ, что ежели они отрицаютъ будущую жизнь и вѣчныя муки, то пусть хотя подумаютъ, что ежели дѣйствительно все это такъ? тогда что ждетъ ихъ? Вѣра же даетъ лучшее успокоеніе человѣку.

Онъ во время своего пребыванія въ Саратовской губерніи неутомимо посѣщалъ не только уѣздные города, но и села, гдѣ были церкви, въ которыхъ онъ служилъ и проповѣдывалъ, поэтому его знали какъ крестьяне, такъ и помѣщики. Особенно онъ любилъ дѣтей, которыхъ, по окончаніи церковной службы въ селеніяхъ, онъ отечески ласкалъ и благословляя дарилъ имъ крестики и образочки.

Служа много лѣтъ предводителемъ дворянства съ конца 50-хъ годовъ, я, помимо отношеній бабки, матери и сестры къ соборному духовенству и архіереямъ, съ послѣдними былъ въ особо хорошихъ отношеніяхъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ—почти въ дружескихъ, доказательствомъ чего могутъ служить сохранившіяся письма ко мнѣ этихъ архипастырей; и преосвященный Тихонъ настолько былъ хорошъ со мной, что пріѣзжалъ ко мнѣ каждое лѣто въ деревню, отдыхая у меня по нѣсколько дней, а однажды даже прожилъ около двухъ недѣль, купался и пилъ минеральныя воды. Когда же онъ въ 1882 году былъ назначенъ архіепископомъ волынскимъ и житомирскимъ, то проводы его въ Саратовѣ были необыкновенны: не говоря уже о духовенствѣ, все и вся съ губернаторомъ, предводителями и военнымъ начальствомъ собралось въ вокзалъ, а солдаты, съ разрѣшенія своего начальства, выстроились на всемъ протяженіи въ двѣ линіи отъ тюремнаго замка до вокзала и во время проѣзда его привѣтствовали громкими криками „ура!“. Преосвященному Тихону настолько было тяжело разставаться съ Саратовомъ, что, уступая его просьбамъ, я поѣхалъ его проводить до Воронежа, гдѣ познакомился съ архіепископомъ Серафимомъ, который, по желанію преосвященнаго Тихона, помѣстилъ насъ рядомъ въ комнатахъ, и, благодаря этой поѣздкѣ, я удостоился видѣть раскрытыя мощи Св. Митрофанія, и затѣмъ въ Задонскѣ—Св. Тихона, и по совѣсти могу сказать, что видѣлъ и поклонился нетлѣннымъ мощамъ этихъ чудотворцевъ.

Послѣ даннаго Серафимомъ въ честь преосвященнаго Тихона—оффиціальнаго обѣда съ властями, намъ до Задонска пришлось ѣхать на лошадяхъ по шоссе, и въ скромномъ уголкѣ монастырской обители мы провели только сутки, гдѣ, помѣстившись въ покояхъ настоятеля монастыря архимандрита, изъ отставныхъ кавалерійскихъ полковниковъ, совершенно слѣпого на оба глаза, и онъ во время обѣда, предварительно принятія пищи, опускалъ каждый разъ палецъ въ кушанье и питье.

Затѣмъ доѣхавъ изъ Задонска до первой желѣзнодорожной станціи, мы простились съ преосвященнымъ Тихономъ. Онъ до самой своей кончины не переставалъ писать мнѣ съ Волыни, знакомя меня съ многими интересными эпизодами своей жизни. Когда же пришлось ему ѣхать въ Кіевъ на бывшій тамъ съѣздъ архіепископовъ, то онъ настоятельно просилъ меня туда пріѣхать, что я и исполнилъ, остановившись у него въ кельѣ Кіево-Печерской Лавры. Высокопреосвященный Тихонъ въ своихъ письмахъ обѣщалъ мнѣ сюрпризъ въ Кіевѣ, если я туда пріѣду; и дѣйствительно я нашелъ тамъ архимандрита настоятелемъ Лавры, моего однокашника по

корпусу. Это былъ сынъ помощника инспектора классовъ Павловскаго кадетскаго корпуса—Виктора Андреевича Половцева.

На этомъ съѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго митрополита Платона, присутствовали наши архіепископы разныхъ мѣстностей и бывшій тогда оберъ-прокуроръ Побѣдоносцевъ. Во время же одной литургіи мнѣ пришлось видѣть въ числѣ нашихъ архипастырей знаменитаго сербскаго митрополита Михаила, который въ это время жилъ въ Кіевѣ. Въ этотъ разъ происходило посвященіе одного профессора Кіевской духовной академіи въ архимандриты и затѣмъ тутъ-же хиротонія его въ епископы. Церемонію эту намъ, свѣтскимъ людямъ, рѣдко приходится видѣть и она очень интересна во многихъ отношеніяхъ.

Въ бесѣдахъ съ митрополитомъ Платономъ я находилъ много интереснаго, и между прочимъ онъ мнѣ разсказалъ о своемъ переводѣ за руссофильство изъ Прибалтійскаго края на Донъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ онъ имѣлъ большое содержаніе, пользуясь которымъ, помогъ родной своей племянницѣ-сиротѣ получить хорошее музыкальное образованіе, и, когда на Дону ему пришлось жить на довольно скудное архіерейское жалованье, то племянница эта Л., сдѣлавшись уже знаменитостью, помогала ему въ свою очередь.

По окончаніи Кіевскаго съѣзда, высокопреосвященный Тихонъ уговаривалъ меня ѣхать съ нимъ въ Почаевскую лавру, гдѣ онъ проводилъ лѣто, но я никакъ не могъ по моимъ служебнымъ обязанностямъ, и затѣмъ это было мое послѣднее съ нимъ свиданіе, такъ какъ владыко черезъ нѣсколько лѣтъ скончался отъ раны въ ногѣ, отказавшись ее ампутировать.

Послѣ преосвященнаго Тихона въ Саратовѣ были епископами Павелъ, Авраамій, Николай, Іоаннъ и Гермогенъ,—и всѣ они высокочтимые іерархи.

Епископъ Авраамій, какъ и другіе, посѣщалъ меня въ деревнѣ. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и разговоръ съ нимъ былъ крайне интересенъ. Ранѣе онъ состоялъ епископомъ въ Сибири, гдѣ не только зналъ Ѳедора Кузьмича, но даже и исповѣдывалъ его. По наружному виду онъ казался здоровымъ, и никакъ нельзя было предположить, что это будетъ не надолго, такъ какъ вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ городъ, я засталъ его уже больнымъ, и онъ умеръ почти на ногахъ. За два дня до его смерти я былъ у него, и, отъѣзжая въ деревню, простился и принялъ его благословеніе, прося обо мнѣ помолиться, но онъ, въ свою очередь, просилъ помолиться о немъ; говоря, что онъ хотя много моложе меня, но чувствуетъ, что жить ему остается не долго; и дѣйствительно, едва я пріѣхалъ въ деревню, какъ мнѣ дали знать о кончинѣ преосвя-

щеннаго Авраамія, который и похороненъ у насъ въ нижней церкви каѳедральнаго собора.

Епископъ Николай былъ потомъ назначенъ архіепископомъ финляндскимъ, епископъ Іоаннъ переведенъ членомъ синодальной конторы въ Москвѣ, а преосвященный Павелъ былъ потомъ епископомъ въ Пензѣ и Астрахани, и затѣмъ жилъ на покоѣ при Балашовскомъ монастырѣ Саратовской губерніи. Я остановлюсь на немъ, такъ какъ нѣсколько случаевъ въ Саратовѣ указали на его прозорливость, онъ, какъ Іаковъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова монахъ-аскетъ, и только послѣ его перевода въ Пензу, сдѣлалось извѣстно отъ его служки, которому онъ строго запретилъ говорить, что онъ носилъ вериги. Служкѣ же его открылось это обстоятельство, когда преосвященный Павелъ угорѣлъ въ банѣ и находился долго безъ чувствъ, почему пришлось выломать дверь и въ бѣльѣ владыки оказались вериги. Прозорливость же его обнаруживалась часто, и о двухъ крупныхъ случаяхъ я разскажу, а именно: передъ открытіемъ въ Саратовѣ Крестьянскаго банка, было изъ Петербурга сдѣлано распоряженіе, чтобы до устройства назначеннаго для него дома, его временно открыли при Саратовскомъ отдѣленіи Государственнаго банка, почему бывшіе въ то время саратовскій губернаторъ Зубовъ и управляющій отдѣленіемъ Государственнаго банка — дѣйствительный статскій совѣтникъ Шарбау просили преосвященнаго Павла отслужить молебенъ и освятить это временное помѣщеніе, но владыко, закрывъ глаза рукой, задумался и затѣмъ наотрѣзъ отказался, сказавъ: „подождите, а то и самъ не поѣду и попа не пришлю“. Губернаторъ и управляющій должны были донести о томъ, такъ какъ безъ освященія открыть было нельзя, но, не желая, чтобы донесеніе было похоже на жалобу, составляли цѣлую недѣлю бумагу, и когда она уже была готова для отправленія, то къ общему удивленію послѣдовала изъ Петербурга телеграмма о пріостановкѣ открытія этого банка впредь до особаго распоряженія. Нѣмецъ Шарбау долго не могъ успокоиться, допытываясь, отъ кого изъ петербургскихъ властей преосвященный могъ узнать о пріостановкѣ открытія банка.

Второй случай слѣдующій: въ Саратовѣ жилъ извѣстный старикъ купецъ Славинъ, который много разъ просилъ преосвященнаго благословить его домъ, и наконецъ владыко въ рождественскій постъ сказалъ, что пріѣдетъ къ нему ѣсть блины. Вдовая дочь Славина устроила все, что было возможно для его пріема. Уѣзжая изъ дома, владыко благословилъ всѣхъ, и, положивъ свои руки на головы маленькихъ внучатъ Славина, глубоко вздыхая, грустно говорилъ: „Боже мой, Боже мой. Какъ тяжело выростить и затѣмъ

терять такихъ дѣтей". А на вопросъ Славина, когда онъ еще осчастливитъ ихъ своимъ посѣщеніемъ, отвѣтилъ, что пріѣдетъ скоро опять на блины. И къ общей неожиданности дѣти эти черезъ нѣсколько дней заболѣли дифтеритомъ и умерли.

Съ преосвященнымъ Павломъ я особенно часто видѣлся,—послѣ того, какъ онъ прогостилъ у меня нѣсколько дней въ деревнѣ, и, проведя это время глазъ на глазъ, разсказалъ мнѣ всю свою жизнь съ дѣтства, и изъ всего мною слышаннаго можно заключить, что рѣдкое смиреніе присуще было ему съ малыхъ лѣтъ.

Передъ отъѣздомъ ко мнѣ въ деревню, преосвященный Павелъ предположилъ побывать въ слободѣ Рыбушкѣ, находившейся отъ моего имѣнія въ двѣнадцати верстахъ, гдѣ онъ рѣшилъ отслужить обѣдню, для чего и распорядился къ воскресному дню отправить туда своихъ пѣвчихъ, ключаря, протодіакона и проч. И вотъ совершенно неожиданно въ Рыбушкѣ во всю большую площадь возлѣ церкви его встрѣтили сотни дѣтей въ разноцвѣтномъ хохлацкомъ одѣяніи, выстроившихся въ двѣ линіи, а остальная часть площади была запружена религіознымъ хохлацкимъ населеніемъ, такъ что владыко долженъ былъ выйти изъ кареты и пройти до церкви пѣшкомъ среди выстроившихся дѣтей, которыя посыпали ему путь цвѣтами, что глубоко тронуло владыку. Но это его свѣтлое настроеніе было омрачено двумя эпизодами, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть. Первый изъ нихъ произошелъ въ алтарѣ, гдѣ я находился во время обѣдни, и видѣлъ, что владыко много разъ дѣлалъ ключарю знаки головой, замѣтивъ, что у него распахнулась ряса и видно было бѣлье на ногахъ, а затѣмъ, когда владыко, по окончаніи обѣдни, уѣзжая, началъ благословлять народъ и хотѣлъ раздать дѣтямъ образочки, то таковые, какъ оказалось, ключарь забылъ въ Саратовѣ. Это настолько разстроило владыку, что когда мы сѣли въ карету, уѣзжая ко мнѣ въ имѣніе, онъ погрозился помогавшему ему сѣсть ключарю, и тихо сказалъ: „отростилъ ты себѣ животъ, и ничего не видишь и не помнишь". Ключарь этотъ дѣйствительно былъ высокаго роста и необыкновенно тучный, любившій, какъ извѣстно, хорошо пожить. Дорогой же владыко вздыхалъ, на глазахъ у него были слезы, и онъ говорилъ: „Господи, Господи, зачѣмъ я такъ обидѣлъ этого человѣка". Почему, желая успокоить преосвященнаго, я безъ его вѣдома, изъ деревни послалъ въ Рыбушку за ключаремъ, и когда онъ явился, владыко былъ несказанно радъ, благословлялъ и цѣловалъ его.

Какъ я упоминалъ ранѣе, мнѣ пришлось быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ архіереями вообще, а съ нѣкоторыми въ особенности, такъ что въ письмахъ своихъ они даже называли меня за-

вѣтнымъ другомъ, и преосвященный Павелъ, будучи на покоѣ, писалъ, что онъ мечтаетъ хотя еще одинъ разъ обнять меня, своего единственнаго въ жизни друга. Это я и поспѣшилъ исполнить, посѣтивъ владыку въ Балашовѣ, гдѣ въ разстояніи версты отъ монастыря находился его домикъ, окруженный паркомъ. Владыко несказанно былъ обрадованъ моимъ пріѣздомъ, и, выслушавъ мой разсказъ о пожалованіи мнѣ Государемъ Императоромъ большого портрета съ собственноручной надписью, въ которой онъ благодарилъ меня за долголѣтнюю доблестную службу, и затѣмъ о милостивомъ пріемѣ Государемъ и Государынями, владыко подошелъ къ стоявшему передъ иконами у него въ гостиной аналою и усердно помолился за Царя и Царицъ.

Послѣ этого мнѣ пришлось преосвященнаго Павла еще одинъ разъ посѣтить, но я нашелъ его уже очень слабымъ, и два года назадъ онъ, отслуживъ обѣдню, сѣлъ отдохнуть въ кресло и заснулъ навѣки.

Живя на покоѣ, онъ не мало писалъ въ журналъ „Вѣра и Церковь“; и особенно интересна статья его „Нѣсколько словъ о судьбѣ церкви Божьей на землѣ“.

В. А. Шомпулевъ.

1812-ый годъ.

Бородинское сраженіе 26 августа [1]).

(Съ приложеніемъ плана сраженія при Бородинѣ).

„Это было прекраснѣйшее, но вмѣстѣ и ужаснѣйшее сраженіе. Изъ пятидесяти данныхъ мною сраженій это было сраженіе, въ которомъ проявлено наиболѣе доблестей и достигнуто наименѣе результатовъ". *Наполеонъ.*

„Сей день пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ мужества и отличной храбрости россійскихъ войскъ. Французская армія не превозмогла твердость духа россійскаго солдата, жертвовавшаго съ бодростью жизнью за свое отечество". *Кутузовъ.*

„Все испытано въ этотъ день, до чего можетъ возвыситься достоинство человѣка". *Ермоловъ.*

„26-го августа показали мы врагу и всему свѣту, какъ можемъ мы защищать себя". *Барклай.*

Война 1812 года запечатлѣна въ исторіи подъ названіемъ—„Отечественной войны" и представляетъ одно изъ величайшихъ событій исторіи Россіи.

Все значеніе войны 1812 года заключается въ проявленіи въ этой войнѣ русскимъ народомъ громаднаго напряженія всѣхъ своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ, напряженія, приведшаго насъ къ стѣнамъ Парижа и къ низложенію величайшаго политическаго и военнаго генія.

Наиболѣе яркимъ и знаменательнымъ явленіемъ войны было единственное общее и рѣшительное сраженіе подъ *Бородинымъ*.

Слово Бородино—Бородинское сраженіе пріятно звучитъ для русскаго человѣка, ласкаетъ его слухъ, возвышаетъ его душу и преисполняетъ его чувствомъ народной гордости.

И въ исторіи, и въ народномъ сознаніи Бородино оставило впечатлѣніе необычайнаго героическаго подвига, подвига всей, поголовно, сражавшейся здѣсь арміи.

---

[1]) См. „Русская Старина" іюль 1912 г.

Бородинское сраженіе представляетъ высокій интересъ во всѣхъ отношеніяхъ и является однимъ изъ поучительнѣйшихъ въ исторіи борьбы человѣчества.

Въ этомъ сраженіи наша армія безпримѣрно въ исторіи войнъ народовъ была преисполнена тѣмъ высокимъ и мощнымъ духомъ, тѣмъ, такъ называемымъ, духомъ арміи, духомъ „чрезвычайнымъ“, по опредѣленію Кутузова, который удивилъ современниковъ и весь міръ, который продиктовалъ на поляхъ Бородинскихъ свою волю значительно превосходившей его числомъ и военнымъ искусствомъ побѣдоносной дотолѣ арміи, руководимой величайшимъ военнымъ геніемъ всѣхъ временъ и народовъ.

Наполеонъ, какъ въ подготовкѣ этого сраженія, такъ и въ его розыгрышѣ проявилъ огромное напряженіе своего генія, сознавая громадную трудность сломить сопротивленіе этой безпримѣрно стойкой и одушевленной арміи, и приложилъ въ этомъ сраженіи верхъ своего искусства.

Кутузовъ уступалъ этому первоклассному генію въ искусствѣ, въ боевой подготовкѣ арміи въ широкомъ и тѣсномъ значеніи слова, уступалъ числомъ и организаціею управленія войсками, т. е. въ условіяхъ этого управленія, такъ какъ онъ не имѣлъ, подобно Наполеону, въ органахъ управленія гибкихъ и послушныхъ единицъ, не говоря уже о всѣхъ преимуществахъ командованія арміею самимъ императоромъ-полководцемъ.

Столь во многомъ уступая своему могущественному и геніальному противнику, Кутузовъ проявилъ здѣсь весь свой тонкій умъ, весь свой громадный опытъ и превосходное знаніе человѣческаго сердца и свойствъ и качествъ русской арміи и ея начальниковъ, и неоправданіе его разсчетовъ и соображеній объясняется встрѣчей его съ геніемъ, поборовшимъ его высоко-мастерской комбинаціею.

Войска обѣихъ сторонъ, соревнуя въ доблестяхъ, сражались съ неимовѣрнымъ отчаяннымъ мужествомъ.

Наполеонъ призналъ это сраженіе „прекраснѣйшимъ“ изъ всѣхъ имъ данныхъ и одновременно „ужаснѣйшимъ“.

„Изъ пятидесяти данныхъ мною сраженій“, говорилъ Наполеонъ, „это было сраженіе, въ которомъ проявлено наиболѣе доблестей и достигнуто наименѣе результатовъ“.

Это было дѣйствительно прекраснѣйшее сраженіе по проявленію въ немъ сторонами искусства и несравненной доблести, по необычайному одушевленію сторонъ и полному презрѣнію смерти и ужаснѣйшее—по огромнымъ потерямъ и страшному кровопролитію на небольшомъ сравнительно пространствѣ земли.

Восторгъ, восхищеніе и одновременно ужасъ—таковы впечатлѣнія большинства французскихъ участниковъ.

Бородинское сраженіе—это рядъ взаимныхъ искусныхъ ходовъ и контрходовъ, завершавшихся страшными общими свалками; послѣ ряда невѣроятныхъ общихъ свалокъ—игра въ ничью.

„26-го августа показали мы врагу нашему и цѣлому свѣту, какъ можемъ мы защищать себя“, говорилъ Барклай.

„Извѣстно, что онъ, отраженный отъ всѣхъ пунктовъ съ безчисленными потерями, удалился съ мѣста сего, можно сказать, безпримѣрнаго сраженія. Одному только высшему начальству извѣстны причины отступленія нашихъ побѣдоносныхъ армій отъ Бородина“ продолжаетъ Барклай свою характеристику сраженія.

Въ другой объяснительной запискѣ Барклай говоритъ: „Никогда и никакія войска не сражались столь мужественно, какъ сіи двѣ храбрыя арміи (I-я и II-я наши) и непріятель, *истощивъ всѣ свои* ужасныя усилія, первый прекратилъ нападеніе и оставилъ пріобрѣтенныя имъ нѣкоторыя выгоды, дабы отвести войска свои нѣсколько назадъ. Арміи наши остались на мѣстѣ сраженія, могли по всей справедливости считать себя побѣдителями въ достопамятномъ дѣлѣ и, когда всѣ были въ упованіи вступить на другой день въ новый бой, тогда ночью повелѣно было отступать“.

Ермоловъ такъ характеризуетъ Бородинское сраженіе: „Сраженіе сіе, жесточайшее изъ всѣхъ въ послѣднія войны. Не было сраженія, въ которомъ бы оказано болѣе равнодушія къ опасностямъ, болѣе терпѣнія, твердости, рѣшительнаго презрѣнія къ смерти. Сомнѣніе въ успѣхѣ не ослабило духа войскъ, только вызвало къ напряженіямъ, едва силы человѣческія не превосходящимъ. Все испытано въ этотъ день, до чего можетъ возсыситься достоинство человѣка. Любовь къ отечеству, преданность Государю, никогда не имѣли достойнѣйшихъ жертвъ; повиновеніе безпредѣльное, строгость, соблюденіе порядка, чувство гордости быть отечества защитникомъ не имѣли славнѣйшихъ примѣровъ“.

Высоко знаменательно, обнимая въ нѣсколькихъ словахъ все содержаніе, всю сущность этого знаменитаго сраженія и какъ бы объясняя опредѣленіе его Наполеономъ какъ „прекраснѣйшимъ и ужаснѣйшимъ“, Кутузовъ такъ доноситъ Императору Александру: „Сей день пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ мужества и отличной храбрости россійскихъ войскъ, гдѣ вся пѣхота, кавалерія и артиллерія дрались отчаянно: желаніе всякаго было умереть на мѣстѣ и не допустить непріятеля. Французская армія, предводимая самимъ Наполеономъ, будучи въ превосходныхъ силахъ, *не превозмогла*

Бой 24 августа 1812 года у Шевардина.

На первомъ планѣ войска IV итальянскаго корпуса, двигающіяся къ Бородину и наблюдающія атаку Шевардинскихъ позицій дивизіею Кашпана. На горизонтѣ въ срединѣ видѣнъ курганъ Раевскаго, правѣе войскъ IV корпуса видно теченіе р. Колочи, а за рѣкой и залѣсами кипитъ Шевардинскій бой.

твердость духа россійскаго солдата, жертвовавшаго съ бодростью жизнью за свое отечество".

Гдѣ-либо вблизи Можайска *Кутузовъ* рѣшилъ прекратить всѣми осуждаемое и проклинаемое отступленіе и, по докладу чиновъ квартирмейстерской части и, главнымъ образомъ, полковника *Толя* на возвышенномъ и открытомъ правомъ берегу р. Колочи, на позиціи, „наилучшей въ сихъ плоскихъ мѣстахъ", армія стала грудью для прикрытія Москвы.

Прямо съ похода и съ утра 22-го августа стали здѣсь войска на протяженіи отъ рощи у д. *Маслово* на *Бородино*, *Горки*, *Шевардино* до дер. *Доронино*, расположившись сразу рядомъ сплошныхъ линій, сплоченно, почти равномѣрно и однообразно, совершенно открыто, т. е. стали—согласно господствовавшимъ тогда у насъ понятіямъ и представленіямъ боевого расположенія и веденія боя.

По невыясненнымъ причинамъ [1]) армія наша стала здѣсь не перпендикулярно наступленію противника, а слѣдуя теченію р. *Колочи*, подъ угломъ, подавъ значительно впередъ лѣвое и осадивъ назадъ правое крыло, почему лѣвое крыло представлялось изолированно подъ удары противника и еще легко обходилось, какъ и все наше расположеніе, по старой Смоленской дорогѣ и полосой бывшихъ на лѣвомъ флангѣ лѣсовъ и кустовъ, дававшихъ здѣсь скрытый подступъ къ этому флангу.

Отвѣтственность за подобное неправильное и опасное расположеніе ложилась на начальника штаба *Беннигсена* и еще болѣе на полковника *Толя* [2]).

Такимъ образомъ, слабымъ мѣстомъ расположенія являлся нашъ лѣвый флангъ, поданный впередъ и окруженный лѣсами.

Барклай говоритъ, что идея расположенія лѣваго фланга у *Шевардина* принадлежала *Беннигсену*, и что князь *Багратіонъ*, немедленно по расположеніи, донесъ *Кутузову*, что лѣвый флангъ его—„въ величайшей опасности".

Наиболѣе сильнымъ мѣстомъ нашего расположенія являлся правый флангъ (1-я армія *Барклая*), обрамленный *Колочей*, протекавшей здѣсь въ крутыхъ и недоступныхъ берегахъ и не имѣвшей

---

[1]) Можетъ быть отсутствіе правильной карты и правильно ориентированнаго плана сраженія, или спѣшность выбора позиціи служили тому причиной, или неосмотрительность много на себя бравшаго *Толя*, или желаніе использовать *Колочу*, какъ преграду, или другія причины, неизвѣстно, только вопросъ этотъ остается открытымъ.

[2]) Какъ на начальника штаба и на второго—какъ на генералъ-квартирмейстера и, особенно, какъ на лицо, облеченное полнымъ довѣріемъ *Кутузова*.

бродовъ; но, будучи сильнымъ для обороны, флангъ этотъ былъ и пассивнымъ. Донесеніе князя *Багратіона* вызвало *Кутузова* на личный осмотръ лѣваго фланга и на рѣшеніе отвести его назадъ, за р. *Каменку*, что и исполнить 24-го. Но, по настоянію *Беннигсена*, „не желавшаго“, говоритъ *Барклай*, „опорочить своего выбора“, рѣшено войска лѣваго фланга оставить временно на мѣстѣ, отойдя лишь подъ напоромъ противника, чему предлогомъ было соображеніе дать время устроить новое расположеніе этого фланга и укрѣпить его флешами.

Кутузовъ правильно оцѣнилъ недостатки лѣваго фланга и 23-го донесъ Государю: „слабое мѣсто на лѣвомъ флангѣ исправлю посредствомъ искусства“, т. е. возведеніемъ здѣсь укрѣпленій (флеши и батареи) и соотвѣтственнымъ расположеніемъ войскъ.

Боевое расположеніе наше начиналось съ праваго фланга съ занятія рощи у д. *Масловой*, укрѣпленной и занятой егерями I-й арміи, фронтомъ прямо на сѣверъ, а далѣе влѣво, уже вдоль теченія р. *Колочи*, стали 2-ой, 4-ый и отъ д. *Горки* до Семеновскаго 6-ой и 7-ой корпуса, имѣя впереди и внѣ линіи расположенія такъ называемый центральный курганъ (батарея Раевскаго); у дд. *Шевардино* и *Доронино* оставался, пока временно, стоять сводный корпусъ князя *Горчакова* (27-ая дивизія Невѣровскаго, егеря и часть кавалеріи), а за пѣхотными корпусами стала кавалерія, сведенная въ 6 массъ. Въ общемъ резервѣ Кутузовъ сохранилъ 3-ій и 5-ый корпуса съ 2-мя кирасирскими дивизіями, ставшими у *Князьково*, и резервную артиллеріею, ставшую у *Псарева*.

Вызывая противника на лобовую атаку (что онъ ставилъ условіемъ Наполеону) и разсчитывая разстроить его сильной обороной войскъ, исполненныхъ „чрезвычайнымъ духомъ“ и огнемъ значительной артиллеріи, Кутузовъ въ войскахъ общаго резерва и массахъ кавалеріи имѣлъ органъ маневра, т. е. средство атаковать и самому разстроеннаго и истощеннаго противника.

23-го, съ утра на позиціи продолжалось возведеніе укрѣпленій, особенно въ I-й арміи, болѣе богатой людьми, саперами и инструментомъ, и разверстка и распредѣленіе послѣднихъ подкрѣпленій: запасной кавалеріи, артиллеріи, рекрутовъ пѣхоты и ополченцевъ.

Одновременно съ утра того же дня, Наполеонъ, послѣ 2-хъ дневнаго отдыха арміи у *Гжатска*, перешелъ съ ней въ энергичное наступленіе и, тѣсня и обходя правый флангъ кавалеріи нашего арріергарда, вынудилъ ее очистить *Твердиково* и отойти на пѣхоту у *Гриднево*. *Коновницынъ* держался у *Гриднева* до вечера, но съ

наступленіемъ темноты, угрожаемый обходомъ своего необезпеченнаго праваго фланга, отошелъ къ *Колоцкому* монастырю.

24-го съ ранняго утра французы перешли въ наступленіе и, угрожая *Коновницыну* тѣмъ же обходомъ, вынудили его къ поспѣшному отходу прямо на позицію, на с. Бородино и мимо нашего выдвинутаго впередъ лѣваго фланга у *Шевардино* и *Доронина*, къ которому присоединился также неотвязно тѣснимый 5-мъ польскимъ корпусомъ лѣвый арріергардъ (II-й арміи).

Наполеонъ лично слѣдовалъ при главномъ (среднемъ) арріергардѣ, лично руководя движеніями авангардныхъ корпусовъ и многочисленной кавалеріи авангарда. Во 2-мъ часу дня передъ глазами Наполеона открылась вся панорама нашего расположенія на Бородинскихъ поляхъ, и отсюда произвелъ онъ свое первое общее обозрѣніе.

Приказавъ сблизиться къ центру фланговымъ корпусамъ, Наполеонъ приказалъ немедленно атаковать выдвинутое и изолированное расположеніе лѣваго фланга II-й арміи у *Шевардина*.

Въ нашей арміи не ждали столь быстраго подхода сюда въ этотъ день непріятеля, а тѣмъ болѣе и такъ называемый Шевардинскій бой 24-го августа былъ для насъ въ значительной степени неожиданнымъ.

Въ 3-мъ часу V-ый корпусъ *Понятовскаго*, свернувъ влѣво съ старой Смоленской дороги, вышелъ лѣсами во флангъ Шевардинскому отряду, угрожалъ и тылу; упорный бой завязался въ лѣсахъ и рощахъ нашего здѣсь лѣваго фланга, а въ 4 часа перешли *Колочу* и части главнаго авангарда и повели атаку съ фронта и въ обходъ нашего здѣсь праваго фланга. Лѣса, рощи и овраги способствовали приближенію противника, охватывавшаго нашъ Шевардинскій отрядъ съ 3-хъ сторонъ своими превосходными силами. До глубокой темноты геройски стояли и геройски дрались здѣсь егеря и полки 27-ой дивизіи, подкрѣпленные 2-ой гренадерской и 2-й кирасирской дивизіями.

Несмотря на свое подавляющее превосходство, непріятель не рѣшался атаковать и предпринялъ обходъ обоихъ фланговъ, но всѣ попытки обходовъ обоихъ фланговъ были парированы егерями, полками 27-й и 2-й гренадерской дивизій, обходъ же въ полной темнотѣ нашего праваго фланга былъ парированъ блестящими атаками нашихъ кирасиръ и драгунъ, приведшихъ противника въ большое смущеніе и взявшихъ при этомъ 8 орудій.

Только въ полной темнотѣ и по приказанію *Кутузова* отошли на главную позицію мужественные защитники Шевардинскаго гребня, и прекратился бой—прелюдія Бородинскаго сраженія или, вѣрнѣе, первый день этого сраженія.

Обѣ стороны понесли значительныя потери, особенно чувствительны были наши потери въ начальникахъ и офицерахъ.

Всѣ роды войскъ, особенно же наша кавалерія, покрыли себя славой [1]).

Мужественная оборона Шевардинской позиціи произвела сильное впечатлѣніе на противника и вызвала большое его удивленіе. „Ихъ мало убить, надо еще повалить", обратился по поводу этого боя, утромъ 25-го *Коленкуръ* къ *Наполеону*. „Ну, у меня къ утру 7-го (26-го ст.ст.) будетъ вся моя артиллерія, и я ихъ повалю" отвѣтилъ *Наполеонъ*, придававшій въ предстоящемъ сраженіи особое значеніе артиллеріи.

Наши оборонявшія позицію войска были исполнены сознаніемъ честно и славно исполненнаго долга, и бой 24-го въ сознаніи массы сохранилъ впечатлѣніе героическаго подвига, еще болѣе поднявъ духъ арміи [2]).

Помимо чувствительныхъ потерь, къ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ боя 24-го слѣдуетъ отнести близость расположенія противника къ нашимъ позиціямъ, занятіе имъ опорнаго пункта въ Шевардинскомъ курганѣ, въ 2-хъ всего верстахъ отъ Багратіоновыхъ флешей, и сидѣніе войскъ V-го корпуса въ лѣсу, охватывавшемъ нашъ лѣвый флангъ, что вызвало князя *Багратіона* держать въ этомъ же лѣсу у верховья оврага р. *Каменки*, по очереди, полки 27-ой и 2-ой гренадерской дивизіи, ведшіе въ этомъ лѣсу бой весь день 25-го и лишь къ первому свѣту 26-го отозванные на главную позицію.

Присматривавшійся и прислушивавшійся къ бою 24-го Кутузовъ въ тотъ же вечеръ, вѣрно оцѣнивъ положеніе дѣлъ, рѣшилъ, для обезпеченія своего лѣваго фланга, поставить въ Утицкомъ лѣсу, какъ бы въ засадѣ, весь 3-ій корпусъ Тучкова (изъ состава общаго резерва) въ цѣляхъ контръ-атаки имъ во флангъ и въ тылъ французамъ, если бы они атаковали нашъ лѣвый флангъ отъ *Шевардина*. На кроки этого лѣса *Кутузовъ* собственноручно отмѣтилъ мѣсто его расположенія, приписавъ—„поставить скрытно".

---

[1]) Въ эти дни наши—*Кіевскій*, *Новороссійскій*, *Харьковскій* и *Черниговскій* драгунскіе и *Малороссійскій* и *Глуховской* кирасирскіе полки покрыли себя вѣчной славой.

[2]) Въ сущности бой 24-го составилъ первый актъ Бородинскаго сраженія, предрѣшившій во многомъ ходъ боя 26-го, такъ какъ Наполеонъ въ участкѣ бывшаго расположенія нашего лѣваго фланга у *Шевардино* получилъ исходное положеніе для атаки вообще нашего лѣваго фланга.

Къ сожалѣнію кроки было невѣрно снято и ввело въ заблужденіе *Кутузова*, а ставившій на мѣстѣ 3-й корпусъ полковникъ *Толь* поставилъ его южнѣе старой Смоленской дороги, уже исказивъ идею *Кутузова* значительнымъ удаленіемъ мѣста отъ лѣваго фланга а *Беннигсенъ* 25-го, не посвященный въ замыселъ Кутузова, выдви, нулъ корпусъ этотъ на дорогу, поставивъ его верхомъ на дорогѣ, чѣмъ, хотя и приблизилъ его къ лѣвому флангу, но окончательно парализовалъ превосходную идею Кутузова, лишивъ расположеніе характера засады.

Изъ расположенія арміи видно, что *Кутузовъ* лично, или подъ давленіемъ докладовъ *Барклая* и *Толя*, и послѣ боя 24-го продолжалъ придавать значеніе своему правому флангу, что̀ легко объясняется постоянными маневрами сильнаго IV непріятельскаго корпуса еще отъ *Дорогобужа* въ обходъ нашего праваго фланга, что̀ и вынуждало центральный арріергардъ нашъ къ постоянному преждевременному отступленію, донесеніями *Крейца*, шедшаго въ правомъ арріергардѣ, что непріятель и здѣсь его преслѣдуетъ и окружаетъ, а также настоящимъ и въ день 25-го расположеніемъ главныхъ силъ французовъ на большой почтовой дорогѣ и на лѣвомъ берегу р. Колочи и присутствіемъ сравнительно незначительныхъ силъ у *Шевардина* и вообще противъ нашего лѣваго фланга и на правомъ берегу р. *Колочи* (демонстрація Наполеона).

Кутузовъ естественно разсчитывалъ успѣть, въ случаѣ необходимости, перевести своевременно войска съ праваго на лѣвый флангъ, который, на случай, какъ ему казалось, онъ обезпечилъ засадой 3-го корпуса и расположеніемъ массъ резервной артиллеріи у *Псарево*.

При объѣздѣ позиціи 25-го *Кутузовъ* рѣшилъ продвинуть фланги 6-го и 7-го корпусовъ впередъ и примкнуть ихъ къ центральному кургану, на которомъ возвести укрѣпленіе, снабдивъ его 18-ю орудіями, но это столь прославленное въ описаніяхъ сраженія укрѣпленіе (батарея Раевскаго, la grande redoutte и т. п.), начатое съ 5-ти часовъ этого дня, ко дню сраженія оставалось во многомъ неготово, какъ и Багратіоновы флеши лѣваго берега Семеновскаго оврага, что̀ объясняется позднимъ начатіемъ работъ, недостаткомъ шанцеваго инструмента [1]) и малоожиданнымъ боемъ 24-го числа. Теперь, за всѣми измѣненіями, наше боевое расположеніе имѣло

---

[1]) Высланный графомъ *Растопчинымъ* изъ *Москвы* шанцевый инструментъ былъ доставленъ на позиціи лишь къ вечеру 26-го, когда въ немъ уже не было надобности.

форму тупого угла, обращеннаго вершиной къ непріятелю; вершина угла находилась примѣрно у центральнаго кургана.

Къ предстоящему общему рѣшительному сраженію Наполеону было необходимо сосредоточить свою растянувшуюся армію, притянуть резервную артиллерію, развѣдать мѣстность и расположеніе противника и выработать планъ атаки, и онъ широко воспользовался днемъ 25-го августа.

Еще 24-го Наполеонъ произвелъ общее обозрѣніе, ночью на 25-е велъ развѣдки; а день 25-го посвятилъ всецѣло развѣдкѣ и обработкѣ плана атаки.

Наше открытое расположеніе весьма облегчало его опредѣленіе, но разобраться въ мѣстности, изобиловавшей оврагами, было значительно труднѣе, и Наполеонъ исполнилъ эту развѣдку съ большимъ для себя напряженіемъ, тщательно входя во всѣ подробности и тутъ же на мѣстѣ объясняя начальникамъ принятый имъ планъ дѣйствій и намѣченный ходъ боя.

Результатомъ напряженной дѣятельности Наполеона въ области ориентированія было ясное представленіе о мѣстности и о нашемъ расположеніи, важнѣйшими данными котораго были: расположеніе входящимъ угломъ, недоступность и пассивность праваго фаса этого расположенія и доступность лѣваго, легко еще и обходимаго, и охватываемаго полосой лѣсовъ и кустарниковъ.

Изъ этихъ данныхъ и также исключительныхъ качествъ русской арміи исходилъ планъ Наполеона, геніальный по своей простотѣ, смѣлости и, одновременно, осторожности и полному соотвѣтствію всѣмъ условіямъ обстановки.

Задача разбить русскую армію 1812 года, предводимую *Кутузовымъ* и ставшую грудью для прикрытія *Москвы*, была задача нелегкая, даже при всѣхъ факторахъ превосходства Наполеона, и предпринять такую задачу могъ только Наполеонъ, да еще и въ условіяхъ крайняго напряженія своего генія.

„Я вынужденъ атаковать въ лобъ, но я использую расположеніе угломъ“, разсуждалъ и разсчитывалъ геніальный полководецъ, „использую и пассивность русскаго праваго крыла. Я привлеку вниманіе и силы русскихъ къ этому пассивному правому крылу рядомъ искусныхъ и непрерывныхъ демонстрацій и ночью скрытно переведу всю армію на правый берегъ р. *Колочи* противъ лѣваго открытаго и необезпеченнаго фаса русскихъ, стану со всѣми моими силами возможно ближе къ этому фасу, и чуть свѣтъ 26-го обрушусь на лѣвый флангъ русскихъ сразу значительными и превосходными силами и овладѣю лѣвымъ берегомъ Семеновскаго оврага.

Мои сообщенія, большая дорога со всѣми моими обозами и тыломъ прикрыты болотистой р. *Войной*, а далѣе еще и *Колочей*, но я обезпечу ихъ еще и укрѣпленіями и одной дивизіею, которая чуть-свѣтъ займетъ *Беззубово* и *Бородино* и составитъ на все время сраженія неподвижную ось всего моего маневра. IV корпусъ, до времени, останется на лѣвомъ берегу и, когда бой разовьется, и я стану крѣпко по Семеновскому оврагу, то и онъ перейдетъ на правый берегъ р. *Колочи* и составитъ лѣвый неподвижный флангъ всего моего развертыванія на лѣвомъ фасѣ русскихъ. Захвативъ Семеновскія флеши, я стану на флангѣ всей русской арміи и выдвину сюда 400 орудій и, взявъ во флангъ правый фасъ расположенія русскихъ, разгромлю отсюда русскую армію, подготовлю отсюда ударъ и тогда нанесу ей отсюда рѣшительный ударъ, отбросивъ ее къ рр. *Колочѣ* и *Москвѣ*. Изумительная стойкость, упорство и мужество русскихъ вынуждаютъ меня на крайнія мѣры, я вынужденъ броситься на лѣвый флангъ русскихъ съ близкаго разстоянія, внезапно и значительными силами, я навалюсь здѣсь на нихъ, чуть свѣтъ, сразу громадными силами, и поведу бой съ еще невиданной и ни разу мной не примѣненной интенсивностью; за атакующей пѣхотой направлю немедленно всю свою кавалерію и артиллерію. Только примѣненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ могу я одолѣть эту страшную русскую армію 1812 года и провести этого хитраго и тонкаго Кутузова, не давая ему времени на принятіе мѣръ противодѣйствія и на контръ-маневры. Мои демонстраціи противъ праваго фланга русскихъ, а затѣмъ противъ центра и быстрота нападенія придержатъ здѣсь русскія войска на все необходимое мнѣ для захвата ихъ лѣваго фланга время.

Все это должно быть исполнено въ порядкѣ и методически".

Атака лѣваго русскаго крыла будетъ исполнена уступами справа и правый уступъ, слѣдуя лѣсомъ и по опушкѣ, захватитъ крайнюю флешь (лѣвую), что дастъ точку опоры всей атакѣ, оставленные уступы берутъ другую флешь (правую), сел. *Семеновское* и возвышенный берегъ оврага ниже; одновременно артиллерія, будучи наготовѣ, развернетъ свои 400 и болѣе орудій на лѣвомъ берегу Семеновскаго оврага, и начнется грандіозная подготовка послѣдняго и рѣшительнаго удара,—coup de collier великаго Наполеона.

Для обезпеченія праваго фланга и тыла со стороны старой Смоленской дороги и для обезвреженія этой дороги, по ней, въ глубокій обходъ двинется V корпусъ Понятовскаго.

Весь планъ былъ тщательно и строго обдуманъ и разсчитанъ.

„Всѣ мои сраженія", говаривалъ Наполеонъ, „не что иное, какъ разсчетъ". Плану присущи — поразительная смѣлость и, одновре-

менно, такая же осторожность. Въ смѣлости—душа полководца, въ разсчетѣ и осторожности—его умъ, гармоническое сочетаніе смѣлости и осторожности и есть истинная характеристика великаго полководца.

Какъ ни высоко стоялъ духъ арміи Наполеона, какъ ни была безгранична въ арміи вѣра въ геній полководца-императора и вѣра арміи въ свои силы, но Наполеонъ не пренебрегъ еще болѣе приподнять духъ арміи и довести его до высоты, требуемой исключительными обстоятельствами. Въ день сраженія приказано войскамъ быть въ полной парадной формѣ, самое сраженіе названо именемъ Москвы, указывая на его значеніе и близость великаго города, а передъ началомъ сраженія объявленъ приказъ, въ которомъ великій знатокъ человѣческаго сердца и солдатской души обѣщалъ войскамъ все то, чего они жаждали послѣ продолжительнаго похода: *сраженіе*, котораго они жаждали съ начала войны, *квартиры* и *изобиліе*, *заключеніе мира*, *окончаніе войны*, *возвращеніе домой* и *слава*, *слава* и *вѣчная слава*.

Для обезпеченія успѣха этого знаменитаго сраженія, сраженія подъ Москвой, — древней столицей великой и необъятной Россіи, Наполеонъ, при крайнемъ напряженіи своего генія, принялъ рѣшительно всѣ мѣры въ области духа и матеріи.

Кто могъ тогда выдержать стремительный напоръ этой первоклассной и побѣдоносной арміи, исполнявшей высоко-мастерскую комбинацію величайшаго полководца всѣхъ временъ и народовъ!!...

Какъ ни былъ увѣренъ геніальный человѣкъ въ успѣхѣ, онъ не могъ все же избѣжать передъ сраженіемъ той душевной борьбы, которая всегда сопровождала его передъ рѣшительными его сраженіями. „Никто не можетъ понять“, говорилъ Наполеонъ, „ту страшную душевную борьбу, которую испытываетъ полководецъ передъ рѣшительнымъ сраженіемъ“.

Сознаніе громадной отвѣтственности передъ исторіею, предвидѣніе страшнаго и жестокаго сраженія, предвидѣніе громадныхъ потерь вообще и потерь многихъ вѣрныхъ, славныхъ и близкихъ сотрудниковъ, все это, въ общей совокупности, увеличивало остроту и тяжесть душевной борьбы великаго полководца наканунѣ этого „прекраснѣйшаго изъ всѣхъ данныхъ и ужаснѣйшаго“ Бородинскаго сраженія.

Одновременно заканчивалась подготовка сраженія и въ русской арміи.

День 25-го проходилъ спокойно, если не считать боя въ лѣсу на лѣвомъ флангѣ II-й арміи, веденнаго польской пѣхотой V-го корпуса и нашими егерями и дежурными полками II-й арміи, не позволявшими противнику распространяться въ этомъ лѣсу и продвигаться въ цѣляхъ развѣдыванія.

По свидѣтельству *Барклая* и *Ермолова*, *Беннигсенъ* предложилъ *Кутузову* продвинуть всю армію влѣво, имѣя правый флангъ I-й арміи у *Горокъ*, а всю II-ю армію въ Утицкомъ лѣсу, но предложеніе это не было приведено въ исполненіе, и остается неизвѣстнымъ, что тому помѣшало: искусныя ли демонстраціи Наполеона на лѣвомъ берегу р. *Колочи*, позднее ли время и невозможность въ темнотѣ исполнить это сложное передвиженіе, или доводы *Толя* или какія-либо другія обстоятельства, намъ неизвѣстныя.

Кутузовъ могъ считать, что онъ принялъ достаточныя мѣры на случай атаки главными силами Наполеона его лѣваго фланга.

Въ самомъ дѣлѣ, князь *Багратіонъ* съ геройскими своими войсками сдержитъ первый напоръ непріятельской арміи, а тутъ подоспѣетъ кавалерія 4-го и 3-го корпусовъ, выѣдетъ резервная артиллерія отъ *Псарева*, а изъ Утицкаго лѣса во флангъ атакующимъ французамъ выйдетъ Тучковъ съ 3-мъ корпусомъ. Этихъ силъ должно было быть достаточно сдержать непріятеля на время, необходимое для прибытія изъ *Князькова* гвардіи, а за ней возможно будетъ притянуть и 2-й и 4-й корпуса съ праваго фланга.

Могъ ли Кутузовъ предвидѣть этотъ ночной подходъ къ *Шевардину* 120.000 массы съ лѣваго берега *Колочи* и расположеніе этой массы, ночью же, въ такой страшной близости къ его лѣвому флангу. По истинѣ, вся бѣда и вся вина *Кутузова*—въ встрѣчѣ съ величайшимъ военнымъ геніемъ!!.

Въ своихъ боевыхъ распоряженіяхъ *Кутузовъ* предоставилъ свободу дѣйствій старшимъ начальникамъ, всѣ боевыя его указанія были просты, дышали увѣренностью и рѣшимостью, и онъ никого не тормошилъ, и не суетилъ, не безпокоя войска никакими контръприказаніями.

Князь *Багратіонъ*, сознавая опасность своего расположенія, предписалъ войскамъ скрытное расположеніе и полную боевую готовность.

Какъ ни былъ духъ въ арміи „чрезвычайнымъ“, и какъ ни рвалась армія къ бою, *Кутузовъ* приподнялъ духъ арміи еще болѣе, на небывалую высоту; войскамъ приказано облачиться въ полную

парадную форму, во всѣхъ частяхъ служили молебны, по фронту арміи возили взятыя 24-го французскія орудія, а затѣмъ пронесли слѣдовавшую при арміи отъ Смоленска чудотворную икону Божьей Матери, и вся армія, начиная съ самого Кутузова, съ чувствомъ глубокой вѣры и умиленіемъ встрѣчала и поклонилась образу Божьей Матери.

Съ вечера чины арміи чистились, прибирались и надѣвали чистыя рубахи.

Какъ высшіе чины арміи, начальники, командиры, офицеры, такъ и вся масса нижнихъ чиновъ, всѣ одинаково, спокойно, торжественно и увѣренно готовились къ славному и смертному часу.

Съ 2-хъ часовъ ночи массы французской арміи съ биваковъ лѣваго берега р. Колочи и большой дороги тронулись въ полномъ мракѣ къ наведеннымъ заблаговременно мостамъ на р. *Колочь* и, соблюдая тишину и образцовый порядокъ, скрытно перешли на правый берегъ рѣки и постепенно расположились у Шевардинскаго кургана, противъ лѣваго фланга нашего. Къ 5-ти часамъ этотъ ночной походъ и сосредоточеніе 120.000 массы было кончено въ порядкѣ, въ тишинѣ и съ точностью часового механизма.

Незадолго до перваго свѣта войскамъ былъ прочтенъ приказъ императора-полководца, приглашавшій ихъ къ новымъ подвигамъ и обѣщавшій скорый отдыхъ и славу участія въ сраженіи, которое будетъ прославлено вѣками.

Было еще темно, и въ низинахъ еще стлался туманъ, когда на лѣвомъ флангѣ тронулась впередъ для захвата *Бородина* дивизія *Дельзона*, на правомъ—дивизіи *Даву* и *Нея*, назначенныя для захвата флешей, и V корпусъ *Понятовскаго* потянулся лѣсами на старую Смоленскую дорогу. Начинало чуть свѣтать.

Въ 6 часовъ утра раздался первый выстрѣлъ съ батареи праваго фланга, немедленно принятый влѣво, и вскорѣ артиллерійскій огонь обѣихъ сторонъ загорѣлся по всей линіи.

Съ первыми выстрѣлами направились отъ верховья *Каменки*, лѣсомъ, двѣ дивизіи *Даву* для захвата лѣвой нашей флеши, за ними, позади, остальныя части, согласно плану атаки.

Одновременно дивизія *Дельзона*, уже по лѣвому берегу р. *Войны*, бѣглымъ шагомъ бросилась на *Бородино* и атаковала оборонявшій селеніе и переправу *лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ*.

Горячій бой завязался и у лѣвой флеши. Французы, встрѣченные

жестокимъ огнемъ, теряя начальниковъ и неся потери, было, замялись на опушкѣ кустовъ, но „храбрѣйшій изъ храбрыхъ“, маршалъ Ней, бывшій лѣвѣе, ввелъ свои полки и овладѣлъ первой флешью, но подоспѣла 27-я дивизія, и страшный бой, бой на жизнь и смерть, завязался у флешей. Подоспѣла и славная наша кавалерія, далеко прошла за флеши, ей навстрѣчу бросилась французская, и общая, неописуемая свалка завязалась у флешей. Послѣ неимовѣрной и общей свалки 3-хъ родовъ войскъ и только благодаря введенію здѣсь французами втрое и вчетверо превосходныхъ силъ (2-хъ дивизій Даву, 3-хъ Нея, 2-хъ VIII корпуса, кавалеріи этихъ корпусовъ и 2-хъ кавалерійскихъ), поддержанныхъ огнемъ ста орудій и руководимыхъ храбрѣйшими маршалами (Неемъ и Мюратомъ), французы окончательно овладѣли флешами.

Одновременно французы послѣ горячаго боя овладѣли *Бородинымъ* и, владѣя переправой и у *Беззубово*, оградили теперь свой лѣвый флангъ теченіемъ р. *Войны*. Столпленіе полковъ *Дельзона* у *Бородина* и самый бой за это селеніе, перенесенный даже на правый берегъ р. Колочи, привлекли сюда наше вниманіе и въ извѣстной степени повліяли на энергію поддержки атакованнаго главными силами Наполеона нашего лѣваго фланга.

Князь *Багратіонъ*, изъ *Семеновскаго*, понялъ всю крайнюю опасность своего положенія и, ободряя войска въ неравномъ бою, послалъ за дивизіею *Коновницына* 3-го корпуса, просилъ *Кутузова* о подкрѣпленіи и, притянувъ 4 баталіона 12-й дивизіи слѣва и ставъ лично въ головѣ 2-й Гренадерской дивизіи, произвелъ отъ д. *Семеновской*, съ свойственнымъ ему умѣніемъ, ту блистательную контръ-атаку, о которой такъ много говорятъ французскіе источники. Произошла новая неописуемая свалка на линіи флешей, и *Багратіонъ* едва не вырвалъ здѣсь побѣду у французовъ; атаки нашихъ Малороссійскихъ и Глуховскихъ кирасиръ лѣвѣе, едва не захватившихъ Мюрата, оказали значительное содѣйствіе этому нападенію.

Однако выгоды мѣстности были на сторонѣ французовъ, оборонявшихъ теперь, въ свою очередь, высоты флешей. *Мюратъ и Ней* напрягли новыя усилія, ввели въ бой свѣжія части, а усиленная артиллерія встрѣтила атаку *Багратіона* убійственнымъ огнемъ съ близкихъ разстояній. Одушевленныя присутствіемъ *Багратіона*, войска бурной волной обрушились на флеши, и здѣсь все смѣшалось. Общая свалка уже начала было подаваться къ оврагу р. *Каменки*, но выбытіе изъ строя героя *Багратіона* и почти всѣхъ начальниковъ и командировъ остановило успѣхъ дѣла, и послѣ чувстви-

тельныхъ потерь войска подались обратно къ Семеновскому оврагу, нѣсколько разъ, по пути, пытаясь вновь перейти въ наступленіе.

Вѣсть о ранѣ князя *Багратіона* поселила смущеніе въ его геройскихъ войскахъ, остатки которыхъ расположились на правомъ берегу оврага.

Только теперь начали подходить подкрѣпленія.

Съ самаго начала боя у флешей, *Кутузовъ* оцѣнилъ значеніе этого боя и общее положеніе дѣлъ и не задумываясь выслалъ къ Семеновскому изъ общаго резерва л.-гвардіи Измайловскій, Литовскій, Финлядскій полки съ двумя гвардейскими батареями, кирасиръ Его, Ея Величества и Астраханскихъ съ гвардейской конной ротой, за ними Сводную Гренадерскую бригаду и одновременно приказалъ 2-му корпусу съ крайняго праваго фланга спѣшить на лѣвый. На прибытіе всѣхъ этихъ подкрѣпленій требовалось часа полтора—два, а пока Багратіонъ бился съ одними своими войсками.

Первой прибыла отъ Утицы къ Семеновскому 3-я дивизія доблестнаго *Коновницына* и стремительно бросилась въ штыки на флеши.

Завязалась третья общая свалка на заваленныхъ трупами флешахъ. Ней ввелъ послѣднія свѣжія части своего и VIII корпуса, *Мюратъ*—всю бывшую подъ руками кавалерію.

Послѣ отчаяннаго боя, 3-я дивизія, подавленная превосходствомъ, вынуждена была также отойти за оврагъ, ставъ выше *Семеновскаго*, и войска лѣваго фланга окончательно оставили позиціи лѣваго берега оврага, залитыя кровью нашихъ героевъ. Но и французскія войска понесли большія потери и пришли здѣсь въ полное разстройство [1]).

Только къ этому времени подошли сюда отъ *Князьково* части нашей Гвардіи и стали вдоль оврага, выше селенія, составивъ прочный остовъ новаго принимаемаго нами здѣсь расположенія, къ которому пристроились остатки 27-ой, 12-й, 2-й Гренадерской и 3-й дивизіи.

---

[1]) Въ полное разстройство приведены знаменитыя дивизіи Даву — Дессе и Кампаня и корпуса Нея—Леріо, Разу и Маршаня; первыя 4 дивизіи 16-ти и 20-ти баталіоннаго состава, тогда какъ наша 27-ая дивизія имѣла всего 8 малочисленныхъ баталіоновъ, столько же и 3-я дивизія, и 10 баталіоновъ всего 2-я Гренадерская.

Въ артиллеріи здѣсь все время французы имѣли огромное превосходство, выдвинувъ ее сразу въ массѣ 100, затѣмъ 130 и въ концѣ болѣе 400 орудій.

Новая грозная стѣна стала теперь на правомъ берегу Семеновскаго оврага и остановила надолго успѣхъ дальнѣйшаго здѣсь движенія Нея и Мюрата.

Согласно указанію Наполеона, лично руководившаго войсками своего праваго атакующаго крыла, на линію флешей вынеслась масса французской артиллеріи, и болѣе 400 орудій расположились вдоль лѣваго берега оврага на всемъ его протяженіи и открыли убійственный огонь въ цѣляхъ сломить здѣсь это новое сопротивленіе и подготовить рѣшительную атаку. Невыгоды нашего общаго расположенія, теперь уже въ формѣ болѣе остраго угла, способствовали дѣйствительности огня массъ французской артиллеріи, поражавшей во флангъ нашъ центръ настильно-рикошетнымъ огнемъ. Мужественно отвѣчала наша артиллерія, уступая числомъ и выгодами расположенія, и твердо стояли подъ губительнымъ огнемъ наша пѣхота и кавалерія.

Около этого времени французы перевели съ лѣваго берега рѣки *Колочи* всѣ свои остальныя силы. Руководившій лѣвымъ крыломъ вице-король *Евгеній Богарне*, находя уже излишнимъ продолженіе демонстрацій у *Бородино*, перевелъ всѣ силы своего IV корпуса на правый берегъ р. *Колочи*, оставивъ у *Бородина* и *Беззубово* одну дивизію *Дельзона* и, занявъ центральную рощу, вошелъ въ линію общаго построенія всей арміи противъ лѣваго русскаго фаса, составляя неподвижную ось всего маневра. Ставъ въ этомъ расположеніи противъ центральнаго кургана, вице-король продолжалъ придерживать нашъ центръ и привлекать на себя его вниманіе все въ тѣхъ же цѣляхъ возможнаго облегченія праваго французскаго атакующаго крыла.

Между тѣмъ *Кутузовъ*, прислушивавшійся къ бою, къ боевымъ голосамъ и опредѣлявшій по этимъ звукамъ, по донесеніямъ и говору свиты, такъ сказать, пульсъ боя, послѣ отправленія на лѣвый флангъ первыхъ подкрѣпленій изъ общаго резерва, продолжилъ свои распоряженія по усиленію этого фланга. Торопя 2-й корпусъ прибытіемъ на лѣвый флангъ, Кутузовъ опредѣлилъ остроту боя на лѣвомъ флангѣ и отправилъ туда *Ермолова* и *графа Кутайсова* съ большими полномочіями.

Оба генерала спѣшили на этотъ флангъ кратчайшимъ путемъ, и *Ермоловъ* подхватилъ на пути три конныя роты.

Кутузовъ могъ разсчитывать, что пока отправленныя имъ подкрѣпленія и 3-й корпусъ *Тучкова* сдержатъ новый напоръ французовъ, подоспѣютъ *Ермоловъ* и *Кутайсовъ* и распорядятся согласно полномочію, выдвинутъ массы артиллеріи (3 конныхъ роты и ре-

зервная артиллерія) и возстановятъ здѣсь бой снова и прочно въ нашу пользу, а тамъ поспѣетъ и 2-й корпусъ.

Казалось, маневру Наполеона *Кутузовъ* не упустилъ своевременно противупоставить свой контръ-маневръ и бой на лѣвомъ флангѣ долженъ быть окончательно возстановленъ въ нашу пользу. Но геніальный полководецъ уже готовилъ новыя средства для ослабленія мѣропріятій *Кутузова*.

Наполеонъ и вице-король зорко слѣдили за всѣмъ, что происходитъ на нашихъ позиціяхъ и, обнаруживъ движеніе полковъ гвардіи, конныхъ ротъ *Ермолова* и, особенно, массъ 2-го корпуса, а за нимъ начало движенія 4-го, приняли свои мѣры парализовать своевременное ихъ прибытіе на нашъ лѣвый флангъ и на смѣну центра. Являлось необходимымъ отвлечь наше вниманіе и силы отъ лѣваго фланга, придержать эти силы на мѣстѣ и привлечь ихъ къ центру.

И вотъ, для войскъ этого центра, изъ центральной рощи, занятой 4-мъ корпусомъ, внезапно бросилась бѣгомъ на центральный курганъ дивизія *Морана*, и одинъ полкъ этой дивизіи налетомъ захватилъ центральное наше укрѣпленіе.

Искусная демонстрація эта достигла цѣли.

Несмотря на достаточныя здѣсь силы для обратнаго захвата курганнаго укрѣпленія, на мѣры *Раевскаго* и *Паскевича*, пламенный *Ермоловъ* и еще болѣе пламенный, молодой и талантливый графъ *Кутайсовъ*, поравнявшись съ курганомъ и замѣтивъ на немъ смятеніе, круто повернули вправо, къ кургану.

Здѣсь *Ермоловъ* исполнилъ свой извѣстный подвигъ обратнаго занятія центральнаго укрѣпленія, ставъ лично во главѣ перваго попавшагося батальона и „толпою, въ образѣ колонны“, ворвавшагося въ люнетъ, гдѣ все было заколото штыками, исключая уцѣлѣвшаго генерала *Бонами*.

Люнетъ остался за нами, снабженъ свѣжей артиллеріею и вновь открылъ огонь во всѣ стороны.

Но ни *Ермоловъ*, вскорѣ выбывшій изъ строя за контузіею, ни убитый въ атакѣ и въ началѣ боя безвременно павшій герой графъ *Кутайсовъ*, не достигли лѣваго фланга; также остались въ центрѣ веденныя Ермоловымъ три конныя роты, нетронутыми остались у *Псарева* массы резервной артиллеріи, и пріостановлена въ центрѣ 4-я дивизія *принца Виртембергскаго* 2-го корпуса, и только 17-я дивизія того же корпуса достигла уже позднѣе Утицкаго лѣса и здѣсь, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, у *Утицкаго* кургана поддержала 1-ю гренадерскую дивизію и возстановила бой въ нашу пользу.

Былъ уже 11-й часъ дня. Артиллерійскія массы французовъ, охватывая насъ съ двухъ сторонъ, перекрестнымъ огнемъ поражали наше стѣсненное расположеніе угломъ, и Наполеонъ готовилъ рѣшительный ударъ на нашъ лѣвый фасъ. Съ лѣваго берега Семеновскаго оврага болѣе 400 орудій и около 200 орудій съ праваго берега р. *Колочи* и изъ опушки центральной рощи скрещивали свои выстрѣлы. Не было мѣста въ нашемъ расположеніи, которое не поражалось бы ядрами, достигавшими до послѣдняго резерва нашего—полковъ: *Преображенскаго, Семеновскаго, кавалергардовъ* и *конной гвардіи*, придвинутыхъ *Барклаемъ* отъ *Князьково* ближе къ центральному кургану и сел. *Семеновскому*.

Близился полдень. Подготовка достигла уже высокаго градуса.

Согласно плану, Наполеону, до рѣшительнаго удара, оставалось захватить участокъ праваго берега *Семеновскаго* оврага и самое селеніе и въ этихъ цѣляхъ, за полнымъ разстройствомъ войскъ *Даву* и *Нея*, ведшихъ бой за флеши, *Наполеонъ*, согласно плану, вводитъ послѣдній уступъ атакующаго крыла—дивизію *Фріана*. Для обезпеченія захвата этой дивизіею *Семеновскаго* и участка ниже и для отвлеченія вниманія нашихъ войскъ на время атаки *Фріана*, великій мастеръ военнаго дѣла бросилъ на нашъ фронтъ праваго берега оврага массы кавалеріи: лѣвѣе селенія—4-й кавалерійскій и правѣе—1-й кавалерійскій корпуса. И вотъ массы болѣе 4-хъ кавалерійскихъ дивизій перешли оврагъ и подъ нашимъ огнемъ бросились на нашу пѣхоту и артиллерію, встрѣтившія стойко эту атаку. То тамъ, то здѣсь, навстрѣчу французской кавалеріи, бросилась наша, и по всему лѣвому берегу оврага завязались общія свалки, гдѣ обѣ стороны соперничали въ беззавѣтномъ мужествѣ.

Особенно стойко были встрѣчены кирасиры *Сенъ-Жерменя* (карэями) нашей гвардейской пѣхоты, измайловцами, литовцами и финляндцами, стоявшими въ образцовомъ и грозномъ порядкѣ.

Контръ-атаки нашей кавалеріи, *кирасиръ Его, Ея Величества* и *Астраханскихъ* и въ тылъ быстро подоспѣвшихъ *Ахтырскихъ* гусаръ порѣшили съ кирасирской дивизіею *Лоржа* 4-го корпуса, а 2-й кирасирской дивизіи съ кирасирами *Сенъ-Жерменя* и легкой дивизіей *Брюера* 1-го корпуса; лѣвый берегъ оврага былъ совершенно очищенъ отъ французской кавалеріи, и только отдѣльные всадники и лошади долго еще носились по всему полю боя.

Но пока все наше вниманіе было привлечено красивой и грозной атакой этихъ массъ кавалеріи и ихъ отраженіемъ, *Фріанъ*, какъ изъ засады, бѣглымъ шагомъ густыми цѣпями и малыми за ними колоннами бросается на *Семеновское* и послѣ короткаго, но жесто-

каго боя съ остатками оборонявшей селеніе 2-й гренадерской дивизіи, овладѣваетъ западной частью селенія и возвышеніемъ ниже.

Французы пріобрѣтаютъ здѣсь точку опоры для дальнѣйшихъ дѣйствій во флангъ центра нашей арміи.

По обратномъ возвращеніи французской кавалеріи, возобновляется и усиливается страшная артиллерійская подготовка и постепенно доходитъ до наивысшаго напряженія,—температура боя постепенно доводится до наивысшаго градуса.

Часами потрясаемыя и уничтожаемыя этимъ страшнымъ концентрическимъ огнемъ, войска лѣваго крыла ослаблены матеріально и еще болѣе ослаблены и изнурены духовно; истощеніе и изнуреніе это уже превосходитъ человѣческія силы!!..

2-й корпусъ большей частью еще не вошелъ, согласно назначенію, въ линію войскъ крайняго лѣваго крыла, 4-й корпусъ не вступилъ и не замѣнилъ ослабленныя войска бывшаго центра; минута была критическая.

Все готово для рѣшительнаго удара на весь нашъ лѣвый фасъ.

Наполеонъ требуетъ лошадь. Направивъ, для завершенія удара, гвардейскую дивизію *Роге* къ *Семеновскому* и дивизію *Клапареда* къ вице-королю, на лѣвый флангъ, Наполеонъ ѣдетъ лично въ *Семеновское*.

Чувствуется приближеніе обычнаго „coup de collier“ великаго мастера, чувствуется, что подготовка созрѣла и вотъ—наступитъ рѣшеніе.

Наполеонъ уже достигнулъ, на пути въ Семеновское, оврага р. Каменки. Но вотъ что-то случилось на лѣвомъ флангѣ и въ тылу великой арміи, тамъ произошло какое-то смятеніе, произошло какое-то событіе, приведшее лѣвый флангъ, обозы и тылъ арміи въ смятеніе и смущеніе, мгновенно пробѣжавшее по всему фронту и достигшее конечнаго и рѣшительнаго удара!! На крайнемъ лѣвомъ флангѣ, на р. *Войнѣ*, у *Беззубова*, съ угрозой обозамъ, тылу и сообщеніямъ великой арміи, внося переполохъ въ этомъ тылу на большой почтовой дорогѣ, показались массы кавалеріи *Платова* и *Уварова*!!...

Кутузовъ таки обошелъ Наполеона и въ критическую для своей арміи минуту сраженія предпринялъ искусный маневръ, совершившій переломъ въ ходѣ сраженія и нарушившій его теченіе въ нашу пользу.

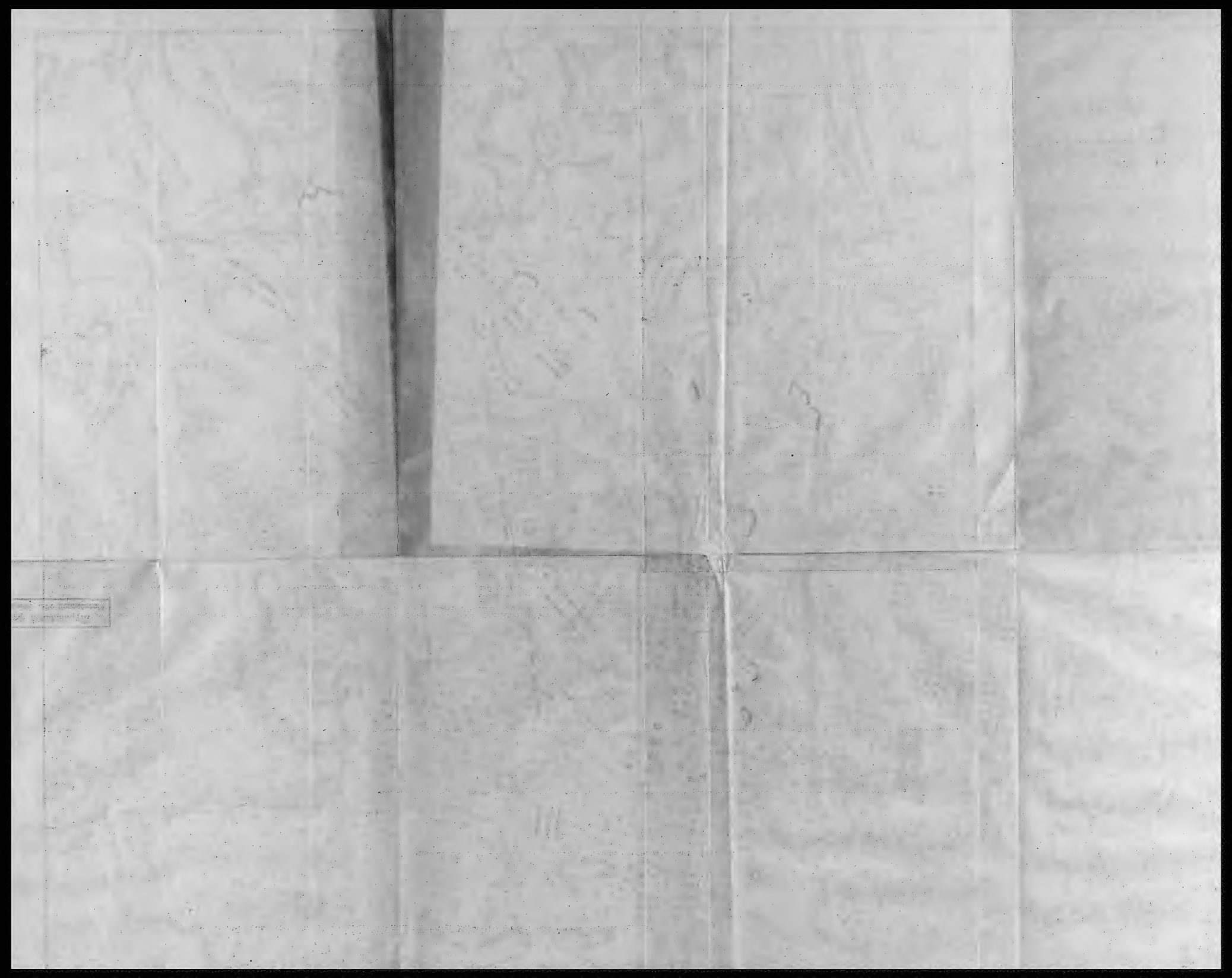
Дивизія *Роге* пріостановлена Наполеономъ у оврага р. *Каменки*, и самъ онъ повернулъ обратно къ *Шевардину*, откуда поскакалъ на лѣвый флангъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Бородинское сраженіе 26 августа 1812 года.

Атака дивизіями Брусье и Морана IV-го итальянскаго корпуса кургана Раевскаго въ 3 часа дня.

АВТО-ЛИТОГРАФІЯ Г. П. ЗАХГОРНА, СПБ., МѢЩАНСКАЯ 21.



Вице-король, уже устраивавшій свои массы въ центральной рощѣ; смущенный и озабоченный, поскакалъ таже на *Войну*, приказавъ слѣдовать за нимъ и перейти обратно р. *Колочу* итальянской гвардіи и гвардейской кавалеріи, а остальнымъ дивизіямъ быть въ готовности слѣдовать туда же.

Всѣ приготовленія на фронтѣ атаки пріостановлены. Не придется ли и вовсе отъ нея отказаться?!.

Кутузовъ, сидя на скамейкѣ, казалось, дремалъ, и единственный, уцѣлѣвшій глазъ его былъ закрытъ. Но дремота его была только кажущейся.

Въ свитѣ громко обсуждали ходъ дѣлъ и дѣлились новостями и впечатлѣніями боя, и Кутузовъ все слышалъ.

Маститый полководецъ прислушивался къ боевымъ голосамъ и къ говору свиты, взвѣшивалъ и оцѣнивалъ содержаніе донесеній и просьбы о подкрѣпленіи и самый характеръ докладовъ и т. п., Короче, по всѣмъ этимъ разнобразнымъ и уловимымъ только для умудреннаго опытомъ военачальника признакамъ, постигалъ положеніе дѣлъ, степень напряженности боя, и именно тогда, когда подготовка Наполеономъ боя достигла наивысшаго градуса, Кутузовъ какъ бы проснулся, потребовалъ дрожки и прибылъ на батарею у *Горокъ*. Отсюда *Кутузову* было все видно и то, что онъ постигъ раньше, увидѣлъ теперь во-очію.

Результатомъ этого обозрѣнія поля сраженія отъ *Горокъ* и была высылка *Платова* и *Уварова* на лѣвый берегъ Колочи,—къ р. *Войнѣ* и большой почтовой дорогѣ.

Этотъ поискъ *Платова* и *Уварова* на флангъ и сообщенія великой арміи, благодаря принятымъ Наполеономъ мѣрамъ по обезпеченію своего фланга и сообщеній и вице-королемъ по своевременному передвиженію сюда войскъ, а также по недостатку искусства и настойчивости его исполненія, могъ имѣть значеніе только диверсіи, но для Кутузова этого было достаточно, и онъ достигъ своей цѣли: 2 и 4-ый корпуса вошли согласно разсчета, въ линію, артиллерія наша оправилась и освѣжилась новыми батареями, температура боя понизилась, и вся армія передохнула.

Когда все успокоилось на фронтѣ французской арміи, Наполеонъ возобновилъ свои приготовленія и вообще подготовку и повернулъ свою лошадь опять въ Семеновское. Артиллерія возобновила свой огонь, и массы пѣхоты и кавалеріи начали устраиваться.

Но подготовка не могла уже дойти до своей прежней интенсивности и доведена до бывшей температуры. Передохнувшая и устроившаяся русская армія потребовала новыхъ усилій ея потрясенія, изнуренія и ослабленія.

Прибывъ въ *Семеновское*, Наполеонъ оглядѣлъ отсюда общее положеніе дѣлъ и быстро пришелъ къ заключенію, что нанесеніе отсюда удара не обѣщаетъ успѣха. На крайнемъ правомъ его флангѣ, на старой Смоленской дорогѣ, по даннымъ Наполеона и по внѣшнимъ признакамъ, успѣхъ дѣйствій V-го корпуса и VIII-го въ Утицкомъ лѣсу былъ пріостановленъ. Отъ Утицкаго лѣса до верховья Семеновскаго оврага боевыя линіи русскихъ кипѣли жизнью и за пѣхотой обрисовывались стройныя линіи кирасиръ и 4-го кавалерійскаго корпуса, а далѣе влѣво вдоль оврага грозно и въ стройномъ порядкѣ вытягивались 9 баталіоновъ гвардіи съ своей артиллеріей и кирасирами позади и поддерживали живой огонь. За этими частями шагахъ въ 600-ахъ—800-ахъ въ образцовомъ и грозномъ порядкѣ стояла внушительная масса *Преображенцевъ*, *Семеновцевъ*, *Кавалергардовъ и Конной-Гвардіи*, а за этой массой собирались полки 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, устраиваемые расположеніемъ *Ьарклая*.

Еще лѣвѣе нашей гвардіи резерва Наполеонъ видѣлъ вступившія въ линію центра войска свѣжаго 4-го корпуса, стройно ставшія уступами, осадивъ назадъ лѣвый флангъ.

Повсюду видѣлъ Наполеонъ боевыя линіи русскихъ войскъ, полныя жизни и одушевленія.

Гдѣ же, могъ себѣ сказать Наполеонъ, эти потрясенныя и истощенныя войска русскаго лѣваго фланга?!. Гдѣ же результаты этой настойчивой искусной и напряженной подготовки?!.. Скорѣе надо ожидать перехода здѣсь русскихъ въ наступленіе!

Оцѣнивъ опытнымъ глазомъ положеніе здѣсь дѣлъ, Наполеонъ окончательно отказался отъ атаки нашего лѣваго фланга. Смущенный и сумрачный оставилъ Наполеонъ *Семеновское*, давъ указанія *Фріану*, какъ ему расположиться на случай перехода русской арміи въ наступленіе, а артиллеріи приказалъ возможно усилить огонь.

Отказавшись отъ атаки съ фронта *Семеновскаго* оврага и *Утицкаго* лѣса, Наполеонъ рѣшаетъ ограничиться хотя бы частнымъ успѣхомъ на своемъ лѣвомъ крылѣ съ сравнительно еще свѣжими войсками IV корпуса, овладѣвъ центральнымъ курганомъ. Для содѣйствія этой атакѣ, пользуясь выгодами расположенія массъ кавалеріи у Семеновскаго оврага, Наполеонъ направляетъ въ тылъ и во флангъ войскамъ нашего бывшаго центра (теперь уже праваго крыла) массу 2-хъ кавалерійскихъ корпусовъ—2-го и 4-го.

Наполеонъ вернулся на *Шевардинскій* курганъ, откуда выжидалъ развитія дѣйствія артиллеріи и окончанія устройства войскъ IV корпуса, вновь располагаемыхъ у центральной рощи и устья р. Каменки.

Въ 3 примѣрно часа дня, послѣ непрерывнаго сильнаго концентрическаго огня французской артиллеріи, когда всѣ приготовленія атаки были закончены, 2-й и 4-й кавалерійскіе корпуса (бывшій *Монбреня*, веденный теперь *Коленкуромъ*, и *Латуръ-Мобура*), по условію, перешли *Семеновскій* оврагъ ниже селенія и ринулись на фланги и тылъ нашего 4-го корпуса.

Коленкуръ велъ кирасирскую дивизію *Ватье*, ставъ во главѣ 5-го кирасирскаго полка, и велъ направленіе значительно правѣе центральнаго кургана.

Мгновенно пѣхота нашего центра была наводнена волнами французской кавалеріи. *Коленкуръ*, поравнявшись (съ кирасирскимъ полкомъ) съ центральнымъ курганомъ, круто поворачиваетъ полкъ налѣво и врывается съ тыла черезъ горжу въ люнетъ центральнаго кургана; правѣе и лѣвѣе *Коленкура* проносятся другія части кавалеріи. Коленкуръ палъ здѣсь изъ первыхъ.

Все вниманіе наше привлечено теперь кавалеріею и борьбой съ нею, особенно на курганѣ, гдѣ пѣхота и артиллерія банниками уничтожали кирасиръ, но въ это самое время пѣхота IV Итальянскаго корпуса, масса 5-ти пѣхотныхъ дивизій, окрыленныхъ кавалеріею, беретъ центральный курганъ съ фронта.

Послѣ страшной общей свалки у кургана и оврага позади, мы отошли нѣсколько назадъ, быстро устроились и—уже ни шагу дальше.

Всѣ попытки IV корпуса продвинуться далѣе были отбиты съ страшными потерями для французовъ.

Тогда Наполеонъ предпринялъ новую атаку массами кавалеріи, съ фланга тѣми же 2-мъ и 4-мъ корпусами, а съ фронта 3-мъ корпусомъ.

Новая, неописуемая общая свалка, въ которой ничего нельзя было разобрать, въ которой высшіе генералы бились, какъ простые рядовые бойцы, завязалась правѣе и лѣвѣе центральнаго кургана. Многіе генералы, какъ и *Барклай*, обнажившій оружіе, отбивались и поражали непріятельскихъ всадниковъ.

Замѣтивъ особую опасность атаки непріятеля (дивизіи *Шастеля*) правѣе кургана, на фронтъ 7-й дивизіи, *Барклай* бросилъ имъ навстрѣчу *Кавалергардовъ* и *Конную-Гвардію*.

Знаменитые полки эти блестящей атакой смяли здѣсь французскую кавалерію и далеко въ глубину внесли смущеніе въ рядахъ

противника, а подоспѣвшіе сюда части 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, завершили успѣхъ нашей здѣсь кавалеріи.

Схлынули, наконецъ, волны кавалеріи, и обозначилось окончательное расположеніе здѣсь сторонъ; французы не продвинулись далѣе центральнаго кургана, и имъ противустала живая стѣна нашихъ на высотахъ передъ курганомъ.

Въ 5 часовъ Наполеонъ прибылъ лично на курганъ и подъ страшнымъ, неумолкавшимъ огнемъ нашей артиллеріи обозрѣлъ положеніе дѣлъ.

Чувствуя неудовлетвореніе и сознавая ограниченность результатовъ, гордый своими успѣхами полководецъ намѣревался было захватить еще и позицію у *Горокъ*, но за очевидной невозможностью сломить дальнѣйшее сопротивленіе этой страшной русской арміи, за полнымъ духовнымъ истощеніемъ своихъ испытанныхъ войскъ, Наполеонъ окончательно отказался и отъ продолженія, и завершенія сраженія!.....

До 5-ти часовъ поддерживала огонь артиллерія сторонъ, и въ 5-ть часовъ, постепенно замирая, онъ прекратился вовсе.

За полнымъ истощеніемъ атакующаго и при общемъ у него сознаніи невозможности сдвинуть далѣе съ мѣста эту высокоодухотворенную, несокрушимую и страшную русскую армію и общей рѣшимости въ русской арміи—не трогаться ни шагу назадъ, прекратилось безпримѣрное, „прекраснѣйшее и ужаснѣйшее“ Бородинское побоище.

Въ русской арміи, за всѣми страшными усиліями и потерями, господствовало чувство побѣды. Этимъ чувствомъ, купно съ арміею, проникнутъ былъ и маститый вождь ея, и онъ разослалъ по всему фронту арміи приказъ о переходѣ съ утра слѣдующаго дня въ общее наступленіе, принятый восторженно и исполнившій чиновъ арміи новыми силами!!..

Только поздней ночью, къ общему огорченію и даже негодованію многихъ, полученъ приказъ объ отступленіи.

Съ первымъ свѣтомъ 27-го наша армія многими колоннами потянулась къ *Можайску*.

Русская армія подъ Бородинымъ покрыла себя вѣчной славой. Она сражалась, уступая своему противнику подготовкой и числомъ.

Ослабленная на половину, потерявшая десятки генераловъ, сотни командировъ и офицеровъ тысячами, эта армія, сильная своимъ

„чрезвычайнымъ духомъ“, сражавшаяся въ столь невыгодныхъ условіяхъ расположенія и мѣрявшаяся съ первоклассной арміею, воспитанной и руководимой величайшимъ военнымъ геніемъ, эта армія продиктовала ему свою волю — „ни шагу впередъ“, и онъ отступился и, послѣ кровавыхъ жертвъ подготовки, впервые отказался завершить сраженіе общей и рѣшительной атакой.

И мы оставили обагренныя кровью героевъ Бородинскія поля по своей волѣ, безъ боя и безъ тѣни преслѣдованія, въ грозномъ спокойствіи, гордые сознаніемъ честно и славно исполненнаго долга.

Бородинское сраженіе на вѣки вѣковъ есть памятникъ великаго подвига духа русской арміи, — великаго подвига духа великаго русскаго народа.

Б. М. Колюбакинъ.

Приложеніе къ „Русской Старинѣ“.

Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 г. [1]).

Нѣсколько егерскихъ полковъ расположились въ предмѣстіи, на правомъ берегу Днѣпра, защищая переправу. Сообщившійся отъ моста огонь охватилъ ближайшіе дома. Воспользовавшійся замѣшательствомъ непріятель, подъ прикрытіемъ своихъ батарей, перешедши въ бродъ у самаго моста, занялъ предмѣстіе и мгновенно показался на горѣ у батареи, которая, его не ожидая, не была готова его встрѣтить; но генералъ-лейтенантъ Коновницынъ приказалъ ближайшимъ батальонамъ ударить въ штыки, и непріятель опрокинутъ. Устроившіеся въ порядокъ егеря преслѣдовали бѣгущихъ въ замѣшательствѣ, и многіе изъ нихъ потонули. Въ продолженіе дня не прерывалась канонада и перестрѣлка. Сгорѣвшіе по берегу дома, не закрывая уже егерей нашихъ, подвергали ихъ картечнымъ выстрѣламъ. По маловажности дѣйствія потеря наша была очень чувствительна. Непріятельская конница во многихъ мѣстахъ испытывала броды, но важнаго ничего не предпринимала.

Я приказалъ вынести изъ города образъ Смоленской Божіей Матери, укрывая его отъ безчинствъ и поруганій Святыни! Отслуженъ молебенъ, который произвелъ на войско полезное дѣйствіе.

6-го числа августа сдѣлано распоряженіе объ отступленіи 1-й арміи. Того же дня 2-я армія отошла къ селенію Пнева Слобода, гдѣ, переправясь за Днѣпръ, должна была дождаться 1-й арміи.

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1912 г.

Оставленный на шестой верстѣ отъ города, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Горчакова, авангардъ не прежде долженъ былъ оставить мѣсто, какъ по смѣнѣ его войсками отъ 1-й арміи, ибо онъ закрывалъ собою дорогу, на которую должна выйти одна ея колонна. Генералъ-маіоръ Тучковъ (Павелъ Алексѣевичъ) отправленъ съ отрядомъ занять его мѣсто. Трудный путь умедлилъ движеніе отряда, и онъ, вышедши на большую дорогу, на двѣнадцатой верстѣ отъ города, не засталъ уже генералъ-лейтенанта князя Горчакова, который отправился въ соединеніе со 2-ю арміею, не давши о томъ знать и снявши посты, содержавшіе сообщеніе между имъ и 1-ю арміею. Князь Багратіонъ приказалъ ему отступить предъ свѣтомъ, чтобы не утомлять людей ночнымъ переходомъ, но не иначе, какъ по смѣнѣ его [1]). Непріятель его не безпокоилъ; ему изъ диспозиціи на то число видно было направленіе 1-й арміи и что, если непріятель захватитъ тотъ пунктъ, гдѣ съ большою дорогою соединяется проселочная дорога, по которой идутъ войска 1 арміи, ей не остается другого пути, ни даже обратнаго, ибо ее долженъ былъ преслѣдовать непріятель. Всѣ сіи обстоятельства должны были объяснить генералъ-лейтенанту князю Горчакову необходимость держаться въ своемъ расположеніи, если бы даже то совсѣмъ не сходствовало съ приказаніемъ князя Багратіона. Генералъ-маіоръ Тучковъ, вышедши на большую дорогу, хотѣлъ подвинуться къ Смоленску, чтобы закрыть собою важный пунктъ соединенія дорогъ, но не далѣе какъ въ одной верстѣ встрѣтилъ непріятеля, и началась перестрѣлка. Въ такомъ положеніи онъ ожидалъ прибытія войскъ [2]).

Главнокомандующій, въ полной увѣренности, что движеніе арміи совершенно закрыто отрядомъ генералъ-маіора Тучкова и что князь Горчаковъ, конечно, дождался его, приказалъ нѣкоторымъ войскамъ отступать въ 8 часовъ вечера; тѣмъ же, кои были на виду у непріятеля,—тогда, какъ начнетъ быть темно. Генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ долженъ былъ, снявъ до свѣту всѣ посты, отступить съ арріергардомъ отъ города.

Итакъ оставили мы Смоленскъ, привлекли на него всѣ роды

---

[1]) Князь Горчаковъ всякое порученіе, при исполненіи котораго надобны храбрость и настойчивость, совершитъ наилучшимъ образомъ, и видъ опасности его не устрашитъ; но съ этими, достойными уваженія, преимуществами не въ равной степени можетъ быть способность распорядительная

[2]) Генералъ-маіору Тучкову представились совершенно неожиданныя. обстоятельства и опасность въ высшей степени, но они нашли въ немъ соотвѣтственную имъ твердость. Непріятель былъ въ силахъ и близко, онъ отъ арміи отдаленъ и скорой помощи ожидать не могъ. Онъ рѣшился удерживать мѣсто и тѣмъ уничтожилъ затрудненія арміи.

бѣдствій, превратили въ жилище ужаса и смерти. Казалось, упрекая намъ, снѣдающимъ его пожаромъ, онъ, къ стыду нашему, расточалъ имъ мракъ, скрывающій наше отступленіе.

Разрушеніе Смоленска познакомило меня съ новымъ совершенно для меня чувствомъ, котораго войны, внѣ предѣловъ отечества выносимыя, не сообщаютъ. Не видѣлъ я опустошенія земли собственной, не видѣлъ пылающихъ городовъ моего отечества. Въ первый разъ въ жизни коснулся ушей моихъ стонъ соотчичей, въ первый раскрылись глаза на ужасъ бѣдственнаго ихъ положенія. Великодушіе почитаю я даромъ Божества, но едва-ли бы далъ я ему мѣсто прежде отмщенія!

Началось седьмое число, происшествіями достопамятное! Главнокомандующій, полагая, что войска, отступившія съ вечера, успѣли отдалиться, удивленъ былъ, найдя на мѣстѣ весь корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута. Проселочная дурная дорога, худыя переправы, ночь необычайно темная затрудняли движеніе артиллеріи, и войска едва подвигались впередъ. Ночи оставалось уже непродолжительное время, и до разсвѣта едва возможно было удалиться изъ виду непріятельской арміи. Не было сомнѣнія, что французы станутъ сильно преслѣдовать, и положеніе наше очевидно дѣлалось опаснымъ [1]). Онъ приказалъ мнѣ ѣхать, употребилъ даже просьбу, чтобы я старался всячески ускорить движеніе войскъ. Проѣхавъ версты три, понуждая впередъ артиллерію, нашелъ я, среди колонны пѣхоты, два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка, и офицеръ донесъ мнѣ, что въ трехъ стахъ шагахъ отсюда, изъ занимаемаго имъ поста онъ вытѣсненъ французами и имѣетъ раненыхъ; что бывшіе съ нимъ егеря отъ авангарда князя Горчакова отошли прежде, нежели отрядъ генералъ-маіора Тучкова прошелъ сіе мѣсто, и непріятель скоро послѣ появился. Поправить сего было не возможно; темнота не позволяла видѣть мѣста и силъ непріятеля; оставалось только спѣшить пройти это мѣсто, гдѣ и переправа около мельницы была неудобна. Я донесъ обо всемъ главнокомандующему и поѣхалъ далѣе. Начинало разсвѣтать, когда войска, прошедши около десяти верстъ, остановились, потому что генералъ-адъютантъ Уваровъ приказалъ 1-му кавалерійскому корпусу запастись фуражемъ и вьючить на лошадей сѣно. Самую вѣжливую послалъ я ему записку, а по званію моему предложилъ, не ожидая пѣхоты, идти

[1]) Понятна была опасность нашего положенія; ибо приказаніе далъ онъ на французскомъ языкѣ, чтобы не всѣ разумѣть могли подробности наставленія, мнѣ даннаго. Я готовъ былъ не найти ничего труднаго, чтобы дѣлать угодное начальнику, одушевленъ бывши его примѣромъ заботливости и рвенія.

на мѣсто, гдѣ наша проселочная дорога выходитъ на большую. Вскорѣ, услышавши пушечные выстрѣлы, приказалъ я пѣхотѣ слѣдовать сколько возможно поспѣшнѣе. Не могли сыскать начальствовавшаго всею колонною, генералъ-лейтенанта Тучкова (Николая Алексѣевича), который весьма покойно ночевалъ въ деревнѣ; я объяснился съ генералъ-лейтенантомъ Коновницынымъ и былъ увѣренъ, что по извѣстной его неутомимости и любви къ порядку, онъ все исполнилъ наилучшимъ образомъ. Если пушечные выстрѣлы были со стороны арріергарда, мы могли подвергнуться потерѣ, но никакимъ другимъ слѣдствіямъ; но ежели въ дѣйствіи отрядъ генералъ-маіора Тучкова, онъ можетъ быть опрокинутъ, соединеніе дорогъ захвачено, мы атакованы на маршѣ, и безъ потери артиллеріи нѣтъ средства соединиться съ другою колонною арміи, которая отправлена прямо на переправу чрезъ Днѣпръ, у Пневой Слободы. Изъяснивъ опасенія мои главнокомандующему, я послалъ ему моего адъютанта. Для ускоренія движенія приказалъ я посадить людей на орудія и идти рысью. Вскорѣ главнокомандующій увѣдомилъ меня, что арріергардъ сильно преслѣдуемъ, что, занявши высоты, у дороги лежащія, отрѣзалъ его такъ, что часть кавалеріи его должна была проскакивать подъ выстрѣлами, и онъ принужденнымъ нашелся возвратить 2-й корпусъ генерала Багговута, который вытѣснилъ непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи и открылъ путь арріергарду, но что сраженіе продолжается съ упорствомъ и что присутствіе его тамъ необходимо. Между тѣмъ генералъ-адъютантъ Уваровъ вышелъ съ кавалерійскимъ корпусомъ на большую дорогу, въ слѣдъ за нимъ 1-я гренадерская и 3-я пѣхотная дивизіи. На самомъ соединеніи дорогъ стоялъ Елисаветградскій гусарскій полкъ изъ отряда генералъ-маіора Тучкова, котораго полагали въ шести верстахъ впереди, на мѣстѣ, гдѣ былъ авангардъ князя Горчакова. Командиръ полка донесъ, что отрядъ не далѣе версты впереди, и подтвердилъ, что, не дождавшись его, князь Горчаковъ отправился къ арміи, оставивши три полка Донскіе подъ командою генералъ-маіора Карпова, которымъ также приказано слѣдовать къ арміи. Полки сіи оставлены мною и, закрывая отрядъ нашъ, продолжали слабую перестрѣлку съ непріятелемъ, который впередъ не подавался. Пользуясь симъ, генералъ-маіоръ Тучковъ выигралъ небольшое разстояніе. На представленіе мое о необходимости подкрѣпить его, генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й, согласясь, приказалъ полковнику Желтухину идти съ полками, лейбъ-гренадерскимъ, графа Аракчеева и полуротою батарейной артиллеріи. Всѣ прочія войска отошли на ночлегъ въ шести верстахъ позади. Было десять часовъ утра, и со стороны Смоленска довольно

спокойно, но сомнительно было, чтобы во весь день продолжилось спокойствіе; ибо непріятелю явно было намѣреніе наше выйти на большую дорогу и что, не допустивъ насъ къ тому, онъ пріобрѣталъ неисчислимыя выгоды. Еще не прибылъ до того корпусъ генералъ-лейтенанта графа Остермана, и много разбросано по дорогѣ артиллеріи; арріергадъ былъ въ далекомъ разстояніи, и корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута, служившій ему опорою, вмѣстѣ съ нимъ. Итакъ, не взирая на всѣ невыгоды занимаемой нами позиціи, необходимо было удерживать ее до соединенія нашихъ войскъ. Правый флангъ ея простирался по холму, коего защита была существенною для насъ важностію; ибо онъ закрывалъ у подошвы его сходящіяся позади дороги; имѣя его, удобно было подкрѣплять каждую часть войскъ всего боевого устроенія. Центръ покрывался густымъ кустарникомъ по низкому и частію болотистому мѣсту; къ лѣвому крылу нѣсколько впередъ выдавался не обширный, но весьма густой лѣсъ, на оконечности котораго пространное поле, для дѣйствія кавалеріи удобное, склонялось назадъ къ ручью очень тинистому. Надобно было занять поле и имѣть на немъ значительную артиллерію, дабы не допустить непріятельскихъ батарей, которымъ представлялся тылъ большой части нашей линіи и къ ней ведущая дорога. Генералъ-маіоръ Тучковъ далъ знать, что замѣчено умноженіе непріятельскихъ силъ, и прислалъ схваченныхъ двухъ виртембергскихъ гусаръ, которые показали, что собранная въ большомъ числѣ конница ожидаетъ прибытія пѣхоты, и тогда начнется атака. Донского войска генералъ-маіоръ Карповъ извѣстилъ, что посланные отъ него разъѣзды осмотрѣли французскую армію, переходящую на правый берегъ Днѣпра по нѣсколькимъ устроеннымъ мостамъ. По представленію моему генералъ-лейтенанту Тучкову 1-му возвращены войска, отошедшія на ночлегъ, а главнокомандующему донесъ я объ извѣстіяхъ, и получилъ повелѣніе вступить въ сраженіе, и что онъ поспѣшитъ прибыть, устроивъ дѣла арріергарда.

Въ реляціи подробно изложены всѣ обстоятельства сего сраженія. Представивъ ее главнокомандующему, я получилъ приказаніе его представить ее прямо отъ себя его свѣтлости, фельдмаршалу, князю Кутузову [1]).

---

[1]) Медленно доставленные начальниками войскъ списки объ отличившихся были причиною, что я не прежде могъ представить реляцію, какъ 22 сентября № 501. Главнокомандующій, готовый къ отъѣзду изъ арміи, не могъ заняться ею и приказалъ мнѣ обратиться съ нею къ князю Кутузову, что̀ и исполнено.

Важныя обстоятельства, сопровождавшія сіе сраженіе, не лишили войскъ нашихъ возможности кончить его съ честію и выгодами, тогда какъ сами они находились въ величайшей опасности. Особенное чувство удовольствія производитъ во мнѣ воспоминаніе о семъ происшествіи; ибо главнокомандующій изъявилъ мнѣ въ сей день высокую степень довѣренности и большую часть успѣха обратилъ собственно на счетъ мой.

Реляція о сраженіи 7 числа августа при селеніи Заболотьѣ или Валутинѣ.

„По трехдневномъ защищеніи города Смоленска опредѣлено было отступленіе арміи. 2-я армія прикрывала переправу чрезъ Днѣпръ, большими силами непріятеля угрожаемую; авангардъ ея былъ въ 6 верстахъ отъ Смоленска на Московской дорогѣ. 1-я армія слѣдовала двумя колоннами: первая подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова, изъ 5 и 6-го корпусовъ и арріергарда генерала-отъ-кавалеріи Платова, проходила дорогою, отъ непріятія отклонившеюся и безопасною. 2, 3 и 4-й корпуса и арріергардъ генералъ-адъютанта барона Корфа должны были сдѣлать фланговой маршъ, для достиженія большой Московской дороги, путями трудными и гористыми, ходъ ихъ умедлявшими. Въ продолженіе сего авангардъ 2-й арміи отошелъ, и на смѣну его заблаговременно посланный отрядъ генералъ-маіора Тучкова 3-го, состоящій изъ 20 и 21 егерскихъ, Ревельскаго пѣхотнаго и Елисаветградскаго гусарскаго полковъ, встрѣтилъ уже непріятеля на одиннадцатой верстѣ отъ города.

Арріергардъ генералъ-адъютанта барона Корфа въ близкомъ отъ Смоленска разстояніи былъ атакованъ большими непріятеля силами. Ваше Высокопревосходительство, свидѣтель сего упорнаго сраженія, должны были ввести въ дѣло 2-й корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута; прочіе корпуса продолжали путь свой. Я получилъ повелѣніе Вашего Высокопревосходительства ускорить ихъ движеніе. Важность обстоятельствъ того требовала: надобно было захватить соединеніе дорогъ. Не возможно было употребить довольно поспѣшности. Соединеніе было близко отъ Смоленска. Отрядъ генералъ-маіора Тучкова 3-го слабъ противъ непріятеля. Именемъ Вашего Высокопревосходительства приказалъ я 1-му кавалерійскому корпусу генералъ-адъютанта Уварова поспѣшно занять соединеніе дорогъ, что было исполнено безъ замедленія. 3-й корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го, горящій желаніемъ встрѣтить непріятеля, пришелъ по свѣжимъ слѣдамъ кавалеріи. Генералъ-маіору Пассеку поручилъ я проводить артиллерію рысью. 4-й корпусъ генералъ-лейтенанта графа Остермана-Толстого пришелъ мало времени спустя. Я нашелъ

отрядъ генерала-маіора Тучкова 3-го въ двухъ только верстахъ отъ соединенія дорогъ, приказалъ часть пѣхоты подвинуть впередъ, подкрѣпилъ его бригадою полковника Желтухина изъ лейбъ-гренадерскаго и графа Аракчеева полковъ и 6-ю батарейными орудіями. Передовые посты были въ перестрѣлкѣ, но непріятель былъ слабъ. 3 и 4-й корпуса отошли на назначенный ночлегъ, въ 6 верстахъ разстоянія. Въ два часа по полудни усилился огонь на передовыхъ постахъ, и два дезертёра объявили, что непріятель, въ числѣ двѣнадцати полковъ пѣхоты и конницы, готовъ сдѣлать нападеніе, коль скоро большія силы, переправляющіяся съ лѣваго берега Днѣпра, къ нимъ прибудутъ. Командующій передовыми постами войска Донского, генералъ-маіоръ Карповъ, далъ извѣстіе, что непріятель со многими силами переходитъ рѣку. Я извѣстилъ о семъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го, и 3-му корпусу приказалъ прійти поспѣшнѣе. Передовые посты уступили силамъ непріятія, и къ пятому часу долженъ былъ уже и 4-й корпусъ приблизиться. Я донесъ Вашему Высокопревосходительству, и вамъ угодно было приказать мнѣ расположить войско въ боевое устроеніе, въ ожиданіи вашего прибытія изъ арріергарда. Вскорѣ началось дѣло во всей силѣ. Непріятель употребилъ всѣ усилія по большой почтовой дорогѣ, но выгодное положеніе съ нашей стороны и не приспѣвшая еще дотолѣ непріятельская артиллерія дали возможность удержаться. Непріятель умножилъ стрѣлковъ на лѣвомъ флангѣ отряда генералъ-маіора Тучкова 3-го, но по распоряженію его употребленный 20 егерскій полкъ съ генералъ-маіоромъ княземъ Шаховскимъ удержалъ его и далъ время 3-й дивизіи полкамъ: Черниговскому, Муромскому и Селенгинскому приспѣть и утвердиться.

Вскорѣ прибыла непріятельская артиллерія, и канонада съ обѣихъ сторонъ усилилась чрезвычайно. Ваше Высокопревосходительство изволили прибыть къ сражающимся войскамъ. Появилась непріятельская кавалерія, и какъ туча возлегла на правомъ крылѣ своемъ. Всю бывшую при корпусахъ кавалерію, кромѣ 1-го корпуса, надобно было по необходимости употребить на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Силы непріятеля были превосходны, мѣстоположеніе въ его пользу. Позади нашей кавалеріи болотистый ручей, трудная переправа артиллеріи. Но бригада подъ командою генерала-маіора князя Гуріела, быстро вытѣснившая непріятельскую пѣхоту изъ лѣсу, къ которому прилежала его кавалерія, сдѣлала атаки ея нерѣшительными, робкими; паче же Перновскій полкъ съ генералъ-маіоромъ Чоглоковымъ, выстроенный въ колоннѣ, среди самаго непріятеля, подкрѣпляя нашу кавалерію, удвоялъ ея силу. 24 орудія сдѣлали ее непреодолимою. По силамъ непріятельской кавалеріи, казалось, должно было

одной лишь быть атакѣ и вмѣстѣ съ нею истребленіе лѣваго нашего крыла, но по храбрости войскъ нашихъ, каждая атака обращаема была въ бѣгство, какъ съ потерею, равно со стыдомъ непріятеля. Кавалеріею и казаками приказалъ я командовать генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову. Съ обѣихъ сторонъ повторенныя атаки и отраженія продолжались довольно долго. Въ сіе время прибыла 17 дивизія генералъ-лейтенанта Олсуфьева и, утомленные въ дѣлѣ арріергардомъ генералъ-адъютанта барона Корфа полки употреблены были въ подкрѣпленіе праваго крыла, какъ пункта, отъ главныхъ непріятеля атакъ удаленнаго. На центрѣ усилились батареи непріятеля, но противостоявшіе неустрашимо 3-й дивизіи полки: Черниговскій, Муромскій и Селенгинскій, удержа мѣсто, отразили непріятеля, который, бросясь на большую дорогу, привелъ въ замѣшательство часть войскъ, оную прикрывавшихъ. Въ должности дежурнаго генерала-флигель-адъютанта полковникъ Кикинъ, адъютантъ мой, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручикъ Граббе и, состоявшій при мнѣ, штабъ-ротмистръ Деюнкеръ, адъютантъ генерала Милорадовича, собравъ разсѣянныхъ людей, бросились съ барабаннымъ боемъ въ штыки и въ короткое время очистили дорогу, возстановя тѣмъ связь между частями войскъ. Не успѣвшій въ намѣреніи непріятель отклонилъ атаку и устремилъ послѣднее усиліе на правое наше крыло. Батарея наша изъ четырехъ орудій была сбита, и я, не ввѣряя утомленнымъ полкамъ 17-й дивизіи возстановленіе прервавшагося порядка, лейбъ-гренадерскій полкъ, въ присутствіи Вашего Высокопревосходительства, повелъ самъ на батарею непріятельскую. Полковникъ Желтухинъ, дѣйствуя отлично храбро, опрокинулъ все, что встрѣтилось ему на пути. Я достигалъ уже батареи, но сильный картечный огонь, храброму сему полку пресѣкшій путь, привелъ его въ разстройство. Атаки непріятеля, однако же, прекратились. Полкъ занялъ прежнее свое мѣсто, и съ обѣихъ сторонъ возгорѣлся сильный ружейный огонь. Екатеринославскій гренадерскій полкъ пришелъ въ помощь, и полки 17-й дивизіи участвовали больше стрѣлками. Генералъ-маіоръ Тучковъ 3-й, опрокинувъ сильную непріятельскую колонну и увлеченный успѣхомъ, во время, къ ночи уже клонящееся, взятъ въ плѣнъ. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, не взирая на сильный повсюду непріятельскій огонь, оттѣснилъ непріятеля на всѣхъ пунктахъ праваго крыла на большое разстояніе, мѣсто сраженія, и даже далѣе, удержалъ за нами. Онъ учредилъ посты, отпустилъ артиллерію, снялъ войска съ позиціи въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, и армія безпрепятственно отступила къ Дорогобужу и соединилась со 2-ю арміею.

Списки объ отличившихся чиновникахъ, господами начальниками на имя Вашего Высокопревосходительства препровожденные, имѣю честь представить, съ моей стороны довѣренность Вашего Высокопревосходительства стараясь заслужить справедливостію моего донесенія.“

Въ продолженіе сраженія были минуты, въ которыя не возможно было допускать увѣренности въ счастливомъ окончаніи онаго. Я послалъ къ Великому Князю записку, что необходимо ускорить движеніе къ переправѣ чрезъ Днѣпръ и тотчасъ перейти его, дабы сражающіяся войска не встрѣтили препятствій при переправѣ, ибо надлежало ожидать, что непріятель будетъ насъ преслѣдовать стремительно.

Командующій арріергардомъ баронъ Корфъ, далеко еще не дошедши до большой дороги, замѣтилъ, что непріятель не только не понуждалъ его къ скорѣйшему отступленію, напротивъ старался, занимая перестрѣлкою, его задерживать, въ томъ вѣроятно, предположеніи, что отбросить сражающіяся наши войска отъ пункта соединенія дорогъ, и арріергардъ нашъ останется отрѣзаннымъ. Не имѣли успѣха сіи соображенія его, и арріергардъ прибылъ къ войскамъ.

8-го числа арріергардомъ командовалъ генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ [1]) (Павелъ Александровичъ): 1-й кавалерійскій корпусъ и гренадерскіе полки: Павловскій, С-Петербургскій и Таврическій, съ достаточною артиллеріею его составляли. Судя по силамъ, употребленнымъ въ сраженіи, по кратковременности его, нельзя было потерю непріятеля полагать чрезвычайною, но таковою утверждали ее всѣ, доставшіеся намъ, плѣнные офицеры. Итакъ непріятель ограничился однимъ за нами наблюденіемъ. Большую часть дня я оставался съ арріергардомъ, страшась и за слабость его состава, и сомнѣваясь въ искусствѣ начальствующаго имъ. Не вдалекѣ назади главнокомандующій приказалъ, на случай подкрѣпленія, имѣть готовыя войска.

Медленно отступающій арріергардъ я оставилъ далеко и, поздно уже возвратясь къ арміи, удивленъ былъ, найдя ее еще не переправившеюся за Днѣпръ; ибо опоздавшій со своею колонною генералъ Дохтуровъ занималъ переправу. Можно почесть весьма счастливымъ случаемъ, что непріятель не пришелъ къ переправѣ въ одно

[1]) Быстрый ходъ по службѣ не допустилъ нужной опытности, не представились случаи обнаружить особенныя способности военнаго человѣка. Изъ всѣхъ наилучшихъ качествъ, украшающихъ Строганова, военныя не суть превосходнѣйшія. Никому не уступая въ отважности, готовый встрѣчать опасность; но не среди звука оружія можетъ возгремѣть имя его.

время съ нами, чему, по положенію мѣста, трудно было препятствовать, или не иначе, какъ съ чувствительнымъ весьма уономъ.

9-го числа вся 1-я армія, соединясь за Днѣпромъ, пришла къ селенію Усвятье. Днемъ прежде, 2-я армія расположилась недалеко отъ Дорогобужа. Въ составъ арріергарда поступили многіе егерскіе полки и кавалерія. Ими командовалъ генералъ-маіоръ баронъ Розенъ, состоя въ полномъ распоряженіи генерала-отъ-кавалеріи Платова, которому приказано оставаться у самой переправы долѣе, дабы собрались люди усталые. Сильныя партіи должны отправиться вверхъ по Днѣпру, наблюдая, чтобы не безпокоилъ непріятель отправленные изъ Смоленска обозы и транспорты чрезъ Духовщину на Дорогобужъ. Всѣ прочія тяжести и всѣ раненые отправлены изъ Духовщины въ Вязьму и были внѣ опасности.

10-го числа войска имѣли растахъ. Арріергардъ былъ далеко. Главнокомандующій, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и княземъ Багратіономъ, сопровождаемые всѣми корпусными командирами и многими изъ генераловъ, осматривали выбранную полковникомъ Толемъ для арміи позицію. Главнокомандующій замѣтилъ ему, что на правомъ флангѣ находится высота, съ которой удобно дѣйствовать на протяженіе первой линіи, и что надлежитъ избѣжать сего недостатка. На предложеніе его занять высоту редутомъ, ему указано на озерцо между высотою и конечностію линіи, препятствующее давать подкрѣпленіе редуту и даже способствовать ему дѣйствіемъ батарей, расположенныхъ ниже его. Если устроить обширное укрѣпленіе, на оборону его обращенная часть войскъ будетъ свидѣтелемъ сраженія, участія въ немъ не принимая. Вытѣсненная, можетъ лишиться средствъ отступленія. Полковникъ Толь отвѣчалъ, что лучшей позиціи быть не можетъ, и что онъ не понимаетъ, чего отъ него требуютъ, давая разумѣть, что онъ знаетъ свое дѣло. Главнокомандующій выслушалъ его съ неимовѣрною холодностію, но князь Багратіонъ напомнилъ ему, что, отвѣчая начальнику и, сверхъ того, въ присутствіи брата Государя, дерзость весьма не у мѣста, и что за то надлежало бы слишкомъ снисходительному главнокомандующему надѣть на него солдатскую суму, и что онъ, мальчишка, долженъ бы чувствовать, что многіе не менѣе его знакомы съ предметомъ. Найденъ также лѣвый флангъ позиціи весьма порочнымъ, и по тому войска, не занимая позиціи, перешли на ночлегъ, не доходя Дорогобужа, а полковнику Толю приказано расположить ихъ на другой день подлѣ города. Между тѣмъ село Усвятье заняла пѣхота арріергарда. Передовые посты были уже не далеко и тѣснимы непріятелемъ. Отрядъ генералъ-адъютанта Васильчикова, оставшійся на лѣвомъ флангѣ прежней позиціи, всту-

пилъ въ дѣло, и корпусъ генералъ-лейтенанта Раевскаго готовъ былъ ему въ помощь, но кончилось незначущею перестрѣлкою, и далѣе ничего не предпринялъ непріятель. Арріергардъ атамана Платова остался въ с. Усвятьѣ и отрядъ генералъ-адъютанта Васильчикова въ прежнемъ мѣстѣ, на лѣвомъ крылѣ.

Атаманъ Платовъ сказывалъ мнѣ о показаніи взятаго въ плѣнъ унтеръ-офицера польскихъ войскъ, что, будучи у своего полковника на ординарцахъ, вицѣлъ онъ два дня сряду пріѣзжавшаго въ лагерь польскій, подъ Смоленскомъ, нашего офицера въ большихъ серебряныхъ эполетахъ, который говорилъ о числѣ нашихъ войскъ и весьма невыгодно о нашихъ генералахъ. Разговорились мы съ генераломъ Платовымъ о другихъ, не совсѣмъ благонадежныхъ и совершенно безполезныхъ, людяхъ, осаждающихъ главную квартиру и, между прочими, о флигель-адъютантѣ полковникѣ Вольцогенѣ, къ которому замѣчена была особенная привязанность главнокомандующаго. Атаманъ Платовъ, въ веселомъ расположеніи ума, довольно смѣшными въ своемъ родѣ шутками говорилъ мнѣ: „Вотъ, братъ, какъ надобно поступать. Дай мысль поручить ему обозрѣніе французской арміи и направь его на меня, а тамъ ужъ мое дѣло, какъ разлучить нѣмцевъ. Я дамъ ему провожатыхъ, которые такъ покажутъ ему французовъ, что въ другой разъ онъ ихъ не увидитъ“. Атаманъ Платовъ утверждалъ, что знаетъ другихъ, достойныхъ равной почести. „Не мѣшало бы, сказалъ онъ, если бы князь Багратіонъ прислалъ къ нему г. Жамбара, служащаго при начальникѣ Главнаго штаба, графѣ Сен-При, въ распоряженія котораго онъ много вмѣшивается“. Много посмѣявшись съ атаманомъ Платовымъ, я говорилъ ему, что есть такіе чувствительные люди, которыхъ можетъ оскорбить подобная шутка, и филантропы сіи, облекаясь наружностію человѣколюбія, состраданія, выставляютъ себя защитниками правъ человѣка.

Обѣ арміи находились у Дорогобужа. Отрядъ 2-й арміи на правомъ берегу Днѣпра, противъ города, смѣненъ корпусомъ генералъ-лейтенанта Багговута. Полки кавалерійскіе, въ командѣ генералъ-маіора графа Сиверса, замѣщены драгунскимъ полкомъ полковника Крейца и частію казаковъ. Позиція занята была стѣсненная и обращенная въ противную сторону. Главнокомандующими замѣчена грубая ошибка полковника Толя: не доставало мѣста для расположенія войскъ, при другихъ ея недостаткахъ. Ему сдѣланъ жесточайшій выговоръ, исправить ошибки поручено другому. Послѣдствій отъ того не было, и намѣреніе ожидать непріятеля вскорѣ отмѣнено. Полковникъ Толь, отличныя имѣющій познанія своего дѣла, не могъ впасть въ подобную ошибку иначе, какъ разстроенъ будучи

строгимъ замѣчаніемъ князя Багратіона за неприличные, излишне смѣлые, отвѣты его главнокомандующему, военному министру. Чрезмѣрное самолюбіе его поражено было присутствіемъ многихъ весьма свидѣтелей.

1-я армія осталась до вечера; 2-я армія тотчасъ начала выступать и потянулась вверхъ по лѣвому берегу рѣки Осьмы, дабы занять идущую отъ стороны Ельни дорогу и не дать непріятелю воспользоваться ею, также и для удобнѣйшаго движенія обѣихъ армій. Князь Багратіонъ имѣлъ неосторожность приказать арріергарду своей арміи слѣдовать за нею. Командующій онымъ, генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, отходя, оставилъ, однако же, небольшой отрядъ конницы съ генералъ-маіоромъ Панчулидзевымъ (Черниговскаго драгунскаго полка), для удержанія связи съ главнымъ арріергардомъ атамана Платова и чтобы скрыть отступательное движеніе нашихъ войскъ. Генералъ-маіоръ Панчулидзевъ отошелъ, не извѣстя атамана Платова. Непріятель занялъ его мѣсто на флангѣ нашего арріергарда и небольшою частію конницы наблюдалъ его движеніе. Она, обманувшись дорогою, обошла генералъ-маіора Панчулидзева, совсѣмъ того не желая, и нашлась между имъ и арміею. Встрѣтившись внезапно и не безъ опасенія, открыли одинъ другому путь свободный, не сдѣлавши выстрѣла.

Во время пребыванія арміи при Дорогобужѣ, непріятель въ нѣкоторыхъ силахъ, далеко оставя за собою нашъ арріергардъ, прошедши по дорогѣ, называемой старою Смоленскою, въ трехъ верстахъ отъ города расположился на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Безпечная охраненіемъ арріергарда наша армія не знала о столько близкомъ присутствіи непріятеля, но и онъ ничего предпринять не смѣлъ противъ силъ нашихъ въ совокупности. Сіе происшествіе можетъ служить наставленіемъ, что если арріергарды въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, они всѣ должны быть подчинены одному начальнику, для содержанія общей между ними связи. Бываютъ случаи, что, по мѣрѣ обширности цѣпи, въ составъ ея входящія разнаго рода войска имѣютъ своихъ частныхъ начальниковъ, которые не согласуютъ своихъ дѣйствій съ общимъ распоряженіемъ. Изъ самаго опыта усмотрѣвъ сіи неудобства, начальство удалило ихъ введеніемъ полезныхъ измѣненій.

При отступленіи арміи отъ Дорогобужа, арріергардъ атамана Платова имѣлъ горячее съ непріятелемъ дѣло. Пѣхота наша, состоявшая изъ егерей, получила новое право на уваженіе непріятеля, и данъ ему урокъ быть осмотрительнымъ, Послѣ многихъ неудачныхъ усилій, понесши примѣтный уронъ, непріятель остановился. Арріергардъ удержался въ позиціи и отступилъ, когда армія

довольно уже удалилась. Наконецъ прошелъ чрезъ Дорогобужъ, не болѣе двухъ верстъ, давши арміи время достигнуть до селенія Семлева. Никогда армія не бывала въ такомъ отдаленіи, и для того предположено остановиться два дня, для отдохновенія утомленнымъ войскамъ, и нужно было починить обувь солдатамъ. Было также въ виду, чтобы спасающіеся жители изъ городовъ и селеній, обозами своими затруднявшіе движеніе арміи, могли отойти далѣе. Въ первый день отдохновенія атаманъ Платовъ прислалъ занимать лагерь для арріергарда, донося, что, стремительно аттакующій его, непріятель допустилъ его остановиться въ восьми верстахъ, а въ ночи онъ придетъ въ селеніе Семлево. Причина столько скораго отступленія заключалась въ томъ, что пѣхота арріергарда не была употреблена въ продолженіе дня, и непріятеля должна была удерживать одна застава (такъ была названа) изъ двухъ сотъ казаковъ при одномъ есаулѣ. Мѣста были довольно лѣсистыя, и нѣсколькихъ стрѣлковъ достаточно, разгоняя казаковъ, безпрепятственно открывать себѣ путь.

1-я армія должна была оставить Семлево; равномѣрно отошла и 2-я армія, на одной съ нею высотѣ по лѣвую сторону находившаяся. Атаманъ Платовъ не разъ уже былъ замѣчаемъ нерадиво исполняющимъ свои обязанности, а князь Багратіонъ сказывалъ мнѣ, что, когда находился онъ съ нимъ при отступленіи изъ Литвы, онъ изыскалъ [1]) способъ возбуждать его къ предпріимчивости и дѣятельности чрезвычайной, провѣдавъ непреодолимое его желаніе быть графомъ. Мнѣ причиною недѣятельности его казалось просто незнаніе распоряжаться разнаго рода регулярнымъ войскомъ, особенно въ дѣйствіяхъ продолжительнаго времени. Быть начальникомъ казаковъ рѣшительнымъ и смѣлымъ не то, что быть генераломъ, отъ котораго требуется другой родъ распорядительности, въ связи съ искусствомъ непремѣнно. Атаманъ Платовъ, принадлежа къ числу людей весьма умныхъ и отлично проницательныхъ, не могъ не видѣть, что война 1812 года, въ свойствахъ своихъ, не сравнивается съ тѣми, въ которыхъ онъ болѣе многихъ другихъ оказалъ способностей.

Отъ генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича получено извѣстіе, что съ войсками, сформированными имъ въ городѣ Калугѣ, въ числѣ шестнадцати тысячъ человѣкъ, большею частію пѣхоты, по-

[1]) Поставляя на видъ одного изъ генераловъ войска Донского (Денисова), который, не будучи атаманомъ, имѣлъ графское достоинство. Я сдѣлалъ то же. Послѣ сего всегда спрашивалъ онъ меня о получаемыхъ повелѣніяхъ Императора и какія кому назначаемы были награды, при всей хитрости, не умѣя скрыть нетерпѣливыхъ ожиданій.

спѣшаетъ прибыть къ арміи. Снявъ ранцы и съ пособіемъ подводъ, пѣхота проходила не менѣе сорока верстъ въ сутки. Войска сіи нужны были для пополненія убыли въ полкахъ, особенно въ кавалеріи, безпрерывно употребляемой при арріергардѣ.

Атаману Платову приказано удерживать непріятеля сколько можно, не оставляя пѣхоты безъ дѣйствія. Генералъ-лейтенанту Багговуту [1]), идущему съ корпусомъ на правомъ флангѣ арміи, предписано наблюдать идущаго за нимъ въ большихъ силахъ непріятеля; его арріергарду имѣть связь съ передовыми войсками атамана Платова съ лѣвой стороны; съ правой съ Донскими полками генералъ-маіора Краснова, также преслѣдуемыми особенною частію войскъ по направленію отъ Духовщины. Отъ сихъ полковъ долженъ быть сильный постъ въ селѣ Покровѣ, гдѣ пересѣкаются дороги изъ Дорогобужа въ Сычевку и изъ Вязьмы въ Бѣлый.

Отправленъ отрядъ изъ двухъ драгунскихъ полковъ, двухъ гренадерскихъ баталіоновъ и четырехъ орудій конной артиллеріи въ командѣ генералъ-маіора Шевича, которому приказано, пройдя Вязьму, выйти на дорогу къ Духовщинѣ и подкрѣпить генералъ-маіора Краснова, дабы дать время обозамъ и тяжестямъ 1-й арміи пройти Вязьму, куда проникнувъ, небольшая партія могла бы произвести замѣшательство.

Отряду генералъ-адъютанта барона Винценгероде, весьма легкому по его составу, предоставлено дѣйствовать на флангѣ непріятеля и по возможности угрожать его тылу. Изъ расположенія его между Духовщиною и Бѣлымъ, въ случаѣ, если усилится непріятель, онъ долженъ отступить къ Сычевкѣ и давать о себѣ извѣстіе чрезъ генералъ-маіора Краснова.

Инженеръ генералъ-лейтенатъ Трузсонъ и обѣихъ армій генералъ-квартирмейстеры отправлены въ Вязьму, для изысканія позиціи арміямъ и укрѣпленія оной.

Всѣ вообще распоряженія принимали видъ важныхъ пріуготовленій. Начальнику артиллеріи приказано имѣть запасные парки ближе къ арміи.

Главнокомандующему, при рапортѣ моемъ, представилъ я въ подлинникѣ рапортъ полковника Толя, просившаго увольненія отъ должности генералъ-квартирмейстера, чувствуя, будто-бы, себя неспособнымъ отправлять оную. Я объяснилъ при томъ, что, имѣя

---

[1]) Непріятель захватывалъ всѣ возможныя дороги, желая огромныя силы свои имѣть на одной высотѣ и въ тѣснѣйшей связи между собою. Это представляло ему удобство угрожать части войскъ нашихъ быть обойденной и понуждало насъ необходимо раздробляться.

его подъ начальствомъ, я свидѣтелемъ былъ трудовъ его, усердія и дѣятельности; въ сраженіяхъ же онъ являлъ опыты предусмотрительности. Должность его не поручена никому другому, и онъ продолжалъ отправлять ее. Впрочемъ, непродолжительно было снисхожденіе главнокомандующаго къ просьбѣ моей, и онъ получилъ приказаніе выѣхать изъ арміи, и отправился въ Москву, гдѣ оставался безъ всякой должности.

Благовременно сдѣлалъ я распоряженія, чтобы раненые, находившіеся въ Вязьмѣ, были всѣ вывезены далѣе, По настоятельности главнаго по медицинской части инспектора, Вилліе, долженъ я былъ также дать направленіе раненымъ 2-й арміи, избѣгая столкновенія на одной дорогѣ. Москвѣ, столицѣ устрашенной, горестно было бы зрѣлище нѣсколькихъ тысячъ страждущихъ [1]).

Атаманъ Платовъ доставилъ взятаго въ плѣнъ французскаго полковника, посланнаго вице-королемъ Италіанскимъ къ Неаполитанскому королю, Мюрату, въ село Семлево, изъ котораго намѣревался онъ вытѣснить нашъ арріергардъ. Полковникъ, прибывшій изъ Италіи, первое знакомство съ русскими сдѣлалъ въ ихъ лагерѣ, принявъ его за бивуакъ свой.

Французы въ сей день весьма сильно атаковали нашъ арріергардъ. Пѣхота наша дралась упорно, непріятель съ большимъ урономъ оставилъ село Семлево въ нашихъ рукахъ. Часть успѣха принадлежитъ генералъ-маіору барону Розену, которому атаманъ Платовъ предоставилъ полное дѣйствіе.

Инженеръ генералъ-лейтенантъ Трузонъ не нашелъ позиціи, которая бы закрывала Вязьму. По превосходству силъ, непріятель могъ, обходя флангъ арміи, угрожать дорогѣ на Гжатскъ.

Главнокомандующій, пробывши одинъ день въ Вязьмѣ, переѣхалъ въ село Ѳедоровское, въ десяти верстахъ отъ города.

Раненыхъ отправлено большое количество; оставалось еще 1.600 человѣкъ; но, благодаря дѣятельности дежурнаго генерала Кикина, которому много вспомоществовалъ Ставраковъ, комендантъ главной квартиры, ни одинъ изъ нихъ не достался непріятелю. Успѣли даже увезти сто тысячъ аршинъ холста, который одинъ купецъ предложилъ на госпиталь, и 70 пудовъ разныхъ лѣкарствъ изъ вольной аптеки. Замѣтить надобно, что непріятель приближался, и купецъ, для оказанія великодушія защитникамъ отечества, ожи-

[1]) При отправленіи раненыхъ было цѣлію обойти Москву: дальнѣйшее о нихъ попеченіе и размѣщеніе въ военные госпитали возложено было на распоряженіе Военнаго Министерства непосредственно. Раненые, которые могли возвратиться въ скоромъ времени, содержались въ ближайшихъ госпиталяхъ.

далъ сигнала французской пушки. Главнокомандующій занималъ прекрасный домъ богатаго откупщика; въ погребѣ у него столоваго хорошаго вина болѣе нежели на 20 т. рублей, и ни за какую цѣну нельзя было достать одной бутылки. Откупщикъ опасался выказать, гдѣ оно было закопано. Впослѣдствіи расторопные французы дали свѣтъ сокрытымъ сокровищамъ, на сожалѣніе бережливому откупщику и, конечно, не менѣе всѣмъ уѣзднымъ собесѣдникамъ.

Позиція при селѣ Ѳедоровскомъ имѣла немалыя выгоды и уже воздвигнуты нѣкоторыя укрѣпленія. Недостатокъ воды—важнѣйшій порокъ ея. Озеро на лѣвомъ крылѣ арміи заключалось въ берегахъ болотистыхъ и топкихъ, съ трудомъ доступныхъ. Полковникъ Манфреди, по части пути сообщенія при арміи, сдѣлалъ насыпь, входящую въ озеро, но, по причинѣ отдаленія, была она для людей затруднительна. Непріятель, приблизясь къ позиціи, могъ овладѣть водопоемъ, въ чемъ воспрепятствовать ему не возможно было. Итакъ армія продолжала отступленіе.

Около селенія Царево-Займище усмотрѣна весьма выгодная позиція, и главнокомандующій опредѣлилъ дать сраженіе. Начались работы инженеровъ, и армія заняла боевое расположеніе. Мѣста открытыя препятствовали непріятелю скрывать его движенія. Въ рукахъ нашихъ возвышенія, давая большое превосходство дѣйствію нашей артиллеріи, затрудняли приближеніе непріятеля; отступленіе было удобно.

Много разъ армія наша, пріуготовляемая къ сраженію, перестала уже вѣрить возможности онаго, хотя желала его нетерпѣливо, но пріостановленное движеніе арміи, ускоряемыя работы показывали, что намѣреніе главнокомандующаго рѣшительно, и всѣ возвратились къ надеждѣ видѣть конецъ отступленія.

Получено извѣстіе о назначеніи генерала-отъ-инфантеріи, князя Голенищева-Кутузова главнокомандующимъ всѣми дѣйствующими арміями и о скоромъ прибытіи его изъ С.-Петербурга [1]). Почти въ слѣдъ за извѣстіемъ пріѣхалъ въ Царево-Займище князь Кутузовъ и принялъ начальство надъ 1-ю и 2-ю Западными арміями. Если единоначаліе не могло совершенно прекратить несогласія между командующими арміями, по крайней мѣрѣ, оно было уже безвредно и продолжалось подъ лучшими формами. Но возродило оно, ощутительнымъ образомъ, въ каждомъ изъ подчиненныхъ, надежду на прекращеніе отступленія, большую степень порядка и успѣхи. Не-

[1]) Всѣхъ тяготило безконечное отступленіе, и общее было желаніе рѣшительнаго боя. Казалось твердымъ намѣреніе Кутузова, хотя люди опытные усматривали неудобства мѣстоположенія.

справедливо было бы упрекать генерала Барклая-де-Толли отступленіемъ. При Смоленскѣ видно было превосходство силъ непріятельскихъ, и точнѣйшія полученныя свѣдѣнія дѣлали его необходимымъ.

Князь Кутузовъ, на пути своемъ къ арміи, приказалъ Московскому ополченію слѣдовать въ соединеніе съ арміею.

Главнокомандующій, справедливо недовольный безпорядочнымъ командованіемъ атамана Платова арріергардомъ, уволивъ его отъ онаго, позволилъ отправиться изъ арміи, и онъ находился въ Москвѣ, когда князь Кутузовъ далъ ему повелѣніе возвратиться къ Донскимъ войскамъ въ арміи. Арріергардъ порученъ генералъ-лейтенанту Коновницыну, и онъ, отступая отъ Вязьмы, упорно защищался на каждомъ шагу.

Первый приказъ князя Кутузова былъ объ отступленіи по направленію на Гжатскъ. Въ немъ объяснена была потребность присоединить идущія къ арміи подкрѣпленія.

Отъ Гжатска въ арріергардѣ было нѣсколько горячихъ сшибокъ съ чувствительною съ обѣихъ сторонъ потерею, но генералъ-лейтенантъ Коновницынъ доставлялъ арміи несравненно болѣе спокойствія, нежели прежде атаманъ Платовъ.

Въ Гжатскъ прибыли войска подъ командою генерала Милорадовича въ числѣ 16-ти тысячъ человѣкъ и раздѣлены по полкамъ.

Князь Кутузовъ вознамѣрился дать сраженіе близъ Колоцкаго монастыря [1]). Также производилось построеніе укрѣпленій, и также позиція оставлена. Она имѣла свои выгоды и не менѣе недостатковъ. Правый флангъ, составляя главнѣйшія возвышенія, господство-

---

[1]) Сомнительно, чтобы главнокомандующій не имѣлъ извѣстія о назначеніи князя Кутузова. Ускореніе работъ на занимаемой позиціи обнаруживаетъ намѣреніе его дать сраженіе до его пріѣзда. Какъ Военный Министръ, онъ зналъ, что армія никакихъ подкрѣпленій имѣть не будетъ, что Кутузовъ равными, какъ и онъ, распоряжая способами, не большую можетъ допускать надежду на успѣхъ; рѣшился предупредить его въ томъ, что, конечно, было поставлено на видъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ.

1805 года Кутузовъ съ малочисленной арміею, посланною въ помощь Австріи, совершилъ знаменитое отступленіе изъ Баваріи, среди сильныхъ ополченій непріятельскихъ, старавшихся отрѣзать ему пути. Командовалъ при Аустерлицѣ, гдѣ понесенныя несчастія не должны изгладиться изъ памяти русскаго, въ коихъ хотя не имѣлъ участія, бывши несогласенъ съ намѣреніемъ атаковать, понесъ, однако же, неблаговоленіе Государя, присутствовавшаго при арміи. Былъ военнымъ губернаторомъ въ Литвѣ, безъ уваженія. въ забвеніи. Впослѣдствіи главнокомандующимъ противъ турокъ, которыхъ, по ужасномъ ихъ пораженіи, заставилъ желать мира, подписалъ прелиминарные его пункты и, отозванный въ столицу, получилъ порученіе пріуготовить С.-Петербургское ополченіе (назначеніе, конечно, не

валъ мѣстами на протяженіи всей линіи, но если бы не возможно было удержать его, отступленіе дѣлалось затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что въ тылу лежала тѣсная и заселенная долина. Здѣсь оставленъ былъ арріергардъ, но въ 12 верстахъ назади избрана для обѣихъ армій позиція, при селеніи Бородинѣ, лежащемъ близъ Москвы рѣки. Знаменитость сего мѣста требуетъ нѣкотораго описанія. Впереди праваго фланга протекала въ крутыхъ берегахъ, мѣстами неприступныхъ, рѣчка Колоча; самый флангъ упирался въ лѣсъ, гдѣ сдѣланы большія засѣки; на обширномъ полѣ, прилежащемъ къ лѣсу, устроены укрѣпленія, охраняющія и конечность, и тылъ фланга. Поле, для дѣйствія кавалеріи удобное, обнаруживало всякое движеніе. Недалеко отъ Бородина, по большой дорогѣ, на высотѣ у селенія Горки, находилась батарея: подошва высоты обнесена окопомъ подъ защитою пѣхоты. Впереди село Бородино, занятое передовыми войсками, соединялось съ позиціею мостомъ чрезъ рѣчку Колочу. Въ центрѣ позиціи, предъ линіями войскъ, лежала главнѣйшая высота, господствующая окрестностію во всѣхъ направленіяхъ, и занята была сильною батареею отъ 2-й арміи. Здѣсь была конечность лѣваго фланга 1-й арміи. Предъ батареею, на картечный выстрѣлъ, простиралось чистое поле, пересѣченное широкою и глубокою долиною, совершенно отъ насъ сокрытою; до спуска въ сіе углубленіе, съ противоположной стороны, доходилъ весьма частый лѣсъ. Въ лѣвую сторону отъ батареи незначительныя возвышенія оборонялись построеннымъ твердымъ редутомъ [1]). Оконечность лѣваго крыла 2-й арміи обращалась къ обширному и весьма частому лѣсу, отдѣленному отъ редута тѣсною долиною, единственною для дѣйствія кавалеріи на всемъ крылѣ. На малое разстояніе, въ тылу войскъ, протягивалась глубокая лощина, неудобная для сообщеній. Въ верстѣ отъ лѣваго крыла проходила чрезъ лѣсъ старая почтовая на Можайскъ дорога, склоняясь въ обходъ позиціи.

Князь Кутузовъ, осматривая расположеніе войскъ, приказалъ отклонить лѣвое крыло такъ, чтобы глубокая лощина пролегала предъ его фронтомъ; конечность онаго, въ новомъ его мѣстѣ, приказалъ укрѣпить нѣсколькими флешами. За сею перемѣною редутъ, оставаясь далѣе пушечнаго выстрѣла, сдѣлался совершенно для насъ безполезнымъ, и потому защищать и удерживать его не нужно

весьма лестное). Въ настоящее время возведеніе его въ достоинство главнокомандующаго арміями противъ сильнаго и опаснаго врага, проникшаго въ Россію, было слѣдствіемъ общаго всѣхъ желанія, и хвала Государю, имѣвшему великодушіе не воспротивиться ему.

[1]) При селеніи Шевардинѣ.

было. Въ прямой линіи устроенія арміи сдѣланъ переломъ у самаго центра позиціи.

Августа 24 числа арріергардъ, стремительно атакованный, долго защищаясь противъ собравшихся превосходныхъ силъ непріятеля, долженъ былъ наконецъ вступить рано въ позицію. На лѣвомъ крылѣ часть арріергарда, составленная изъ войскъ 2-й арміи, отступила такъ поспѣшно и о движеніи своемъ не предваряя армію, что преслѣдующій непріятель появился на высотахъ прежде, нежели перемѣнена была позиція по указанію князя Кутузова. Передвиженіе проязводились предъ лицомъ непріятеля и, какъ ни быстро совершено, данъ былъ непріятелю поводъ къ атакѣ. Безполезный редутъ надлежало удерживать по необходимости, чтобы войскамъ дать время занять назначенную имъ линію, иначе могъ непріятель препятствовать и даже привести войска въ замѣшательство. По устроеніи ихъ должно было тотчасъ оставить редутъ. Командующій 27-ю дивизіею генералъ-маіоръ Невѣровскій не смѣлъ сдѣлать того безъ приказанія. Частный начальникъ, генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ, не усмотрѣлъ пользы его оставить. Продолжались атаки непріятеля на редутъ и лѣсъ, устойчиво нами защищаемые, и вскорѣ, превратясь въ дѣло чрезвычайно упорное, заставили большую часть войскъ 2-й арміи принять въ немъ участіе, и оно продолжилось до глубокой ночи. Видно было рѣшительное намѣреніе непріятеля овладѣть редутомъ, и не разъ, нами потерянный, былъ онъ возвращенъ штыками. Не разъ взяты были у непріятеля орудія, но огонь сильнѣйшихъ батарей исторгалъ ихъ изъ рукъ овладѣвшихъ ими. Атака на батареи нашихъ кирасиръ 2-й дивизіи имѣла полный успѣхъ, и взято нѣсколько пушекъ, но, обращаясь между лѣсомъ и высотами, сильно занятыми, дивизія подвергалась чувствительному урону. Отчаянно оборонявшая редутъ пѣхота должна была наконецъ оставить его въ рукахъ непріятеля съ малымъ числомъ орудій, и сраженіе прекратилось.

25-го августа арміи въ полномъ бездѣйствіи обозрѣвали одна другую. Въ ночи взятъ у насъ редутъ при селеніи Шевардинѣ; изъ него видно лѣвое наше крыло со всѣми недостатками мѣстности, недостроенными укрѣпленіями [1]), и не могло быть сомнѣнія, что оно будетъ предметомъ атакъ, и уже въ томъ направленіи замѣчены

---

[1]) Въ инженерныхъ паркахъ соединенныхъ армій не было достаточно шанцеваго инструмента и всѣ укрѣпленія вообще производились ничтожными способами частныхъ начальниковъ, назначаемыхъ для обороны ихъ. Военный министръ требовалъ изъ Москвы шанцевый инструментъ, но онъ доставленъ въ самый день сраженія. Безполезный въ настоящее время, обращенъ въ составъ запаса впослѣдствіи.

генераломъ Беннигсеномъ главныя силы непріятеля, хотя по превосходству повсюду было ихъ достаточно. Исправляя должность начальника главнаго штаба всѣхъ дѣйствующихъ войскъ при князѣ Кутузовѣ, онъ предложилъ, какъ мѣру предосторожности, сократить линію заблаговременно, оставя на правомъ крылѣ, въ лѣсу и засѣкахъ, нѣсколько егерскихъ полковъ, два пѣхотные корпуса, безполезно стоящіе по близости, передвинуть къ центру, дабы могли воспомоществовать 2-й арміи; предложеніе не уважено!

Непріятель на лѣвомъ своемъ флангѣ устраивалъ Италіянскую армію въ оборонительное положеніе; воздвигались окопы и батареи противъ довольно открытой мѣстности, удобной для наступательнаго дѣйствія нашей конницы въ большомъ количествѣ.

Рано утромъ князь Кутузовъ осматривалъ армію. Не всюду могли проходить большія дрожки, въ которыхъ его возили. Не многіе изъ генераловъ и малая свита его сопровождали; я ѣхалъ у колеса, для принятія приказаній. Генералъ Беннигсенъ [1]) остановилъ его у возвышенія, господствующаго надъ окрестностію, на которомъ конечность крыла 2-й арміи (праваго) занимала только-что начатое укрѣпленіе, вооруженное 12-ю батарейными и 6-ю легкими орудіями. Прикрытіемъ служила пѣхотная дивизія корпуса генерала Раевскаго [2]). Возвышеніе это называлъ генералъ Беннигсенъ ключемъ позиціи, объясняя необходимость употребить возможныя средства удерживать его, ибо потеря его можетъ быть причиною гибельныхъ послѣдствій. Князь Кутузовъ ограничился тѣмъ, что, не измѣняя положенія 1-й арміи въ самомъ мѣстѣ прикосновенія къ ней 2-й арміи, приказалъ лѣвое ея крыло довольно далеко отклонить назадъ, отъ чего конечность избѣгала внезапныхъ атакъ скрывающагося въ лѣсу непріятеля и возможности быть обойденною. Но въ то же время преломленіе линіи, образуя исходящій уголъ, давало непріятелю выгоду продольныхъ рикошетныхъ выстрѣловъ. Никакихъ болѣе не сдѣлавши распоряженій, князь Кутузовъ возвратился въ квартиру.

26-го августа. Насталъ, наконецъ, желанный день!

Скрывающееся въ туманѣ солнце продолжило до шести часовъ утра обманчивое спокойствіе. Первые лучи его освѣтили то мѣсто,

---

[1]) Главнокомандующій противъ Наполеона въ 1806 и 1807 годахъ, до заключенія мира въ Тильзитѣ. Изъ современныхъ военачальниковъ нашихъ неоспоримо опытнѣйшій, обладающій знаніемъ военнаго ремесла, изученнаго на основаніи глубокой теоріи. Императрицѣ Екатеринѣ II онъ былъ извѣстенъ съ полковничьяго чина не одною отличною храбростію.

[2]) По этому называли укрѣпленіе батареею, иногда люнетомъ Раевскаго.

гдѣ, съ полнымъ самоотверженіемъ, готовы русскіе принять безтрепетно неравный бой!

Здѣсь, величественная Москва, участь твоя ввѣряется жребію. Еще нѣсколько часовъ и, если твердою грудью русскихъ не будетъ отвращена грозящая тебѣ опасность, развалины укажутъ мѣсто, гдѣ, во времена благоденствія, ты горделиво воздымалась!

Боевое устроеніе 1-й и 2-й нашихъ армій.

На конечности праваго крыла, въ лѣсу, засѣкахъ и укрѣпленіи, три егерскихъ полка, которые, не принимая прямого участія въ дѣйствіи, потеряли нѣсколько человѣкъ съ самыхъ отдаленныхъ батарей безъ цѣли сдѣланными выстрѣлами. Отъ нихъ, по направленію къ центру, пѣхотные корпуса: II-й генералъ-лейтенанта Багговута, IV-й генералъ-лейтенанта графа Остермана-Толстого; и VI генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова, заключалъ протяженіе 1-й арміи. Далѣе по отклоненной назадъ линіи войска 2-й арміи: VII корпусъ генералъ-лейтенанта Раевскаго; VIII корпусъ генералъ-лейтенанта Бороздина и, на конечности лѣваго крыла, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Горчакова 2-го дивизіи: сводная гренадерская генералъ-маіора графа Воронцова и 27-я пѣхотная генералъ-маіора Невѣровскаго.

Въ составъ общаго резерва для армій назначены: вся вообще кавалерія; исключается небольшая ея часть при пѣхотныхъ корпусахъ и гвардейская конница; III-й пѣхотный корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го; 2-я гренадерская дивизія принца Карла Мекленбургскаго; пѣхота V-го гвардейскаго корпуса Великаго Князя Константина Павловича [1]) въ командѣ генералъ-лейтенанта Лаврова; гвардейскій резервный кавалерійскій корпусъ генералъ-адъютанта Уварова и атаманъ Платовъ съ полками войска Донского на правомъ крылѣ 1-й арміи. Московское ополченіе, въ числѣ двадцати пяти тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ пиками, прибывшее за два дня, раздѣлено по корпусамъ, для принятія раненыхъ, не отвлекая для того людей отъ фронта [2]).

Въ шесть часовъ утра замѣчено движеніе въ непріятельскихъ

---

[1]) Великій Князь отправленъ военнымъ министромъ съ донесеніемъ къ Императору о состояніи арміи, вѣроятно, по испрошенному предварительно соизволенію. По взаимнымъ отношеніямъ нѣтъ сомнѣнія, что военный министръ не желалъ присутствія его въ арміи.

[2]) Раненые отправлялись въ учрежденные прежде военные госпитали. Для отвоза ихъ въ губерніяхъ, занятыхъ непріятелемъ, сняты станціи съ почтовыхъ трактовъ съ исправными повозками, полнымъ числомъ погонщиковъ и лошадей. Не менѣе шести сотъ троекъ находилось при главной квартирѣ для разныхъ потребностей.

войскахъ противъ праваго нашего крыла, и вскорѣ началась атака на село Бородино. Впереди его, гвардейскаго егерскаго полка баталіонъ, содержавшій передовые посты, опрокинутъ и, менѣе нежели въ полчаса, весь полкъ въ замѣшательствѣ отброшенъ до моста черезъ рѣчку Колочу, и по лѣвому ея берегу разсыпались стрѣлки его во множествѣ. Стоявшій противъ моста 1-й егерскій полкъ стремительно бросился впередъ, обратилъ непріятеля и пропустилъ гвардейскихъ егерей, которые тотчасъ отосланы въ свою дивизію [1]). Опасно было положеніе 1-го егерскаго полка, отдаленнаго отъ прочихъ войскъ, почему приказано командиру онаго [2]), не занимая села Бородина, отойти за рѣчку и сжечь мостъ. Стоявшая близъ него рота легкой артиллеріи отогнала стрѣлковъ, и тѣмъ ограничилось дѣйствіе на этомъ пунктѣ. Видно было, что не здѣсь ожидать надлежало важнѣйшихъ предпріятій.

Вдругъ загорѣлся на лѣвомъ нашемъ крылѣ пушечный и ружейный огонь. Двинулись страшныя громады силъ и, не взирая на сопротивленіе наше, въ ужасающемъ видѣ медленными подойдя шагами, овладѣли укрѣпленіями нашими впереди села Семеновскаго. Не долго, однако же, могли удерживаться въ нихъ: изгнанные, съ безпримѣрнымъ урономъ отступили. Раздраженный неудачею, непріятель собралъ разсѣянныхъ, присоединилъ къ нимъ свѣжія войска и возобновилъ нападеніе. Полки наступающіе, разрушаемые губительнымъ огнемъ нашихъ батарей и пѣхоты, шли безтрепетно впередъ. Дивизіи графа Воронцова и Невѣровскаго встрѣтили ихъ штыками, и любимое оружіе русскаго солдата одно могло продлить сопротивленіе. Изъ рукъ въ руки переходили батареи: потеря съ нашей стороны свыше вѣроятія, и графъ Воронцовъ раненъ; командиръ сводной гренадерской бригады, полковникъ князь Кантакузенъ, изгоняя непріятеля изъ захваченнаго имъ укрѣпленія, убитъ. Распоряжающійся сими войсками на конечности лѣваго крыла арміи, генералъ-лейтенантъ князь Горчаковъ 2-й (Андрей Ивановичъ) получилъ рану.

Главнокомандующій князь Багратіонъ, одушевляя войска, идущія впередъ, своимъ присутствіемъ, чувствуетъ себя пораженнымъ, и избѣгая вреднаго дѣйствія на духъ боготворящихъ его войскъ,

---

[1]) Въ баталіонѣ на аванпостахъ до того была велика безпечность, что многіе нижніе чины спали, снявши мундиры. Прочихъ баталіоновъ неравной степени была неосторожность, но не много менѣе безпорядковъ. Доселѣ храброму полку не было упрека.

[2]) Полковникъ Карпенко неустрашимый, но умственныя его способности ограничиваются понятіемъ повелѣнія: „Впередъ!“ Послѣдняго не всегда выжидаетъ.

скрываетъ терзающую его боль, но ослабѣвая отъ истекающей крови, въ глазахъ ихъ едва не упадаетъ съ лошади. Въ мгновеніе пронесся слухъ о его смерти, и войскъ не возможно удержать отъ замѣшательства. Никто не внемлетъ грозящей опасности, никто не брежетъ о собственной защитѣ: одно общее чувство—отчаяніе! Около полудня 2-я армія была въ такомъ состояніи, что нѣкоторыя части ея не иначе, какъ отдаля на выстрѣлъ, возможно было привести въ порядокъ.

Прибылъ съ донесеніемъ къ князю Кутузову полковникъ князь Кудашевъ и обстоятельно представилъ положеніе 2-й арміи.

Князь Кутузовъ далъ повелѣніе корпусу графа Остермана идти туда поспѣшнѣе и соединиться съ корпусомъ Багговута, не за долго передъ симъ посланнымъ; отправлены полки гвардейской пѣхотной дивизіи. Гинералу-отъ-инфантеріи Дохтурову поручилъ начальство надъ войсками 2-й арміи и всѣми вообще находящимися на лѣвомъ крылѣ. Мнѣ приказалъ отправиться немедленно во 2-ю армію, снабдить артиллерію снарядами, въ которыхъ оказался недостатокъ. Удостоилъ меня довѣренности представить ему замѣчанія мои, если усмотрю средства полезныя въ мѣстныхъ обстоятельствахъ настоящаго времени.

Извѣстно мнѣ было, что начальникъ главнаго штаба 2-й арміи, графъ Сенъ-При, раненъ и, не многихъ весьма имѣя знакомыхъ между замѣнившими прежнихъ начальниковъ, ожидалъ я встрѣтить большія затрудненія, и чтобы не появиться вполнѣ безполезнымъ, предложилъ начальнику артиллеріи 1-й арміи, графу Кутайсову, назначить въ распоряженіе мое три конно-артиллерійскія роты съ полковникомъ Никитинымъ, извѣстнымъ отличной своей храбростію. Во весь карьеръ неслись роты изъ резерва, и Никитинъ уже при мнѣ за приказаніемъ.

Между тѣмъ генералъ Тучковъ, видя совершенное разстройство 2-й арміи, потерявшей главнаго и важнѣйшихъ частныхъ начальниковъ, и что невозможно разсчитывать на твердое сопротивленіе раздробленныхъ частей ея [1]), велѣлъ III-му его корпусу немедленно войти въ бой, занялъ конечность лѣваго крыла арміи 1-ю гренадерскою дивизіею и успѣлъ стать на Можайской старой почтовой дорогѣ, гдѣ, близъ селенія Утицы, находились уже польскія войска,

---

[1]) Если бы, по настоянію генерала Беннигсена, II и IV корпуса, прежде сраженія, поставлены были ближе и въ непосредственное сношеніе со 2-ю арміею, при содѣйствіи ихъ, войска, ее составляющія, не одни противостали бы непрестанно возобновляемымъ съ чрезвычайными усиліями атакамъ непріятеля. Армія не подверглась бы ужасному раздробленію. Не такъ далеки были соображенія князя Кутузова, и то доказали послѣдствія.

предводимыя княземъ Понятовскимъ. Началась канонада противъ слабой нашей батареи, стоявшей на курганѣ, и остановлены быстрые шаги непріятеля къ успѣхамъ. Допустить его и утвердиться на этомъ пунктѣ было для насъ опасно. Генералъ Тучковъ 1-й, лично указывая путь храбрымъ гренадерамъ 1-й дивизіи подъ картечнымъ огнемъ, удержалъ мѣсто, охранилъ укрѣпленіе, но тяжелая, нанесенная ему, рана не допустила подвига болѣе прочнаго. При селеніи Утицѣ 3-я пѣхотная дивизія, опрокинувъ стрѣлковъ, долго боролась съ подкрѣплявшими ихъ массами. Мужество генерала Коновницына явилось въ сей день въ полномъ его блескѣ. Подъ начальство его поступилъ III-й пѣхотный корпусъ. Генералъ Багговутъ со II-мъ корпусомъ вышелъ на старую Можайскую дорогу.

Когда посланъ я былъ во 2-ю армію, графъ Кутайсовъ желалъ непремѣнно быть со мною. Дружески убѣждалъ я его возвратиться къ своему мѣсту, напомнилъ ему замѣчаніе князя Кутузова, съ негодованіемъ выраженное, за то, что не бываетъ при немъ, когда наиболѣе ему надобенъ [1]): не принялъ онъ моего совѣта и остался со мною.

Приближаясь ко 2-й арміи, увидѣлъ я правое крыло ея на возвышеніи, которое входило въ расположеніе корпуса Раевскаго. Оно было покрыто дымомъ и охранявшія его войска разсѣянныя. Многимъ изъ насъ извѣстно было и слишкомъ очевидно, что важный пунктъ этотъ, по мнѣнію генерала Беннигсена, не возможно оставить во власти непріятеля, не подвергаясь самымъ вреднымъ послѣдствіямъ. Я немедленно туда обратился. Гибельна была потеря времени, и я приказалъ изъ ближайшаго VI-го корпуса Уфимскаго пѣхотнаго полка 3-му баталіону маіора Демидова идти за мною развернутымъ фронтомъ, думая остановить отступающихъ.

Долго, при неравныхъ средствахъ, слабое укрѣпленіе наше держалось противъ сосредоточеннаго огня сильныхъ непріятельскихъ батарей, но при находящихся въ немъ восемнадцати орудіяхъ не было уже ни одного заряда, и угасшій огонь ихъ облегчилъ приближеніе французовъ. По тѣснотѣ укрѣпленія, весьма мало пѣхоты помѣщалось во внутренности его; стоявшая снаружи, истребляемая картечью, разсѣяна. Недостаточны были способы для защиты мѣстности, при всѣхъ усиліяхъ извѣстнаго неустрашимостію генералъ-маіора Паскевича, командующаго дивизіею. Позицію осматривалъ генералъ Раевскій, но лично не находился во время атаки, которая произведена совершенно внезапнымъ образомъ.

[1]) Графъ Кутайсовъ съ самоотверженіемъ наблюдалъ за дѣйствіемъ батарей, давая имъ направленіе, находился повсюду, гдѣ присутствіе начальника необходимо, преимущественно, гдѣ наиболѣе угрожала опасность.

Подойдя къ небольшой углубленной долинѣ, отдѣляющей занятое непріятелемъ возвышеніе, нашелъ я егерскіе полки 11, 19 и 40-й, служившіе резервомъ. Не смотря на крутизну восхода, приказалъ я егерскимъ полкамъ и 3-му баталіону Уфимскаго полка атаковать штыками, любимымъ оружіемъ русскаго солдата. Бой яростный и ужасный не продолжался болѣе получаса: сопротивленіе встрѣчено отчаянное, возвышеніе отнято, орудія возвращены, и не было слышно ни одного ружейнаго выстрѣла.

Израненный штыками, можно сказать, снятый со штыковъ, неустрашимый бригадный генералъ Бонами получилъ пощаду [1]); плѣнныхъ не было ни одного, изъ всей бригады спаслись бѣгствомъ не многіе [2]). Признательность генерала за оказанное ему уваженіе была совершенна. Уронъ со стороны нашей весьма великъ и далеко несоразмѣрный числительности атаковавшихъ баталіоновъ [3]). Три конно-артиллерійскія роты, прибывшаго со мною полковника Никитина, много содѣйствовали успѣху. Расположенныя по лѣвую сторону отъ возвышенія, долго обращали онѣ на себя огонь непріятельскихъ батарей сильнѣйшаго калибра.

Графъ Кутайсовъ разстался со мною при самомъ началѣ атаки возвышенія, и я уже не видалъ его болѣе. Не встрѣтился со мною и генералъ Паскевичъ, котораго разбросанная дивизія, по сторонамъ возвышенія, толпами нестройными погналась за спасающимися, и, какъ слышно было, ихъ видѣли вмѣстѣ среди толпы. По занятіи возвышенія я приказалъ бить сборъ, и ко мнѣ явился раненый полковникъ Савоини, съ малымъ числомъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Опасаясь, что опрокинутыя толпы наши приведутъ за собою сильнаго непріятеля и онъ лишитъ насъ пріобрѣтенныхъ успѣховъ, послалъ я адъютантовъ моихъ и другихъ офицеровъ, дабы поспѣш-

---

[1]) Я отправилъ его въ городъ Орелъ и просилъ отца моего имѣть непрерывно особенное о немъ попеченіе.

[2]) Не разъ случалось мнѣ видѣть, какъ бросаются подчиненные за идущимъ впередъ начальникомъ: такъ пошли и за мною войска, видя, что я приказываю самимъ ихъ полковымъ командирамъ. Сверхъ того, я имѣлъ въ рукѣ пукъ Георгіевскихъ лентъ со знаками отличія военнаго ордена, бросалъ впередъ по нѣсколько изъ нихъ, и множество стремилось за ними. Являлись примѣры изумляющей неустрашимости. Внезапность происшествія не дала мѣста размышленію; совершившееся предпріятіе не допускало возврата. Неожиданная мною встрѣча съ егерскими полками. Предпріятіе перестало быть безразсудною дерзостію, и моему счастію не мало было завиствующихъ!

[3]) Полки въ дѣйствующихъ арміяхъ состояли изъ двухъ баталіоновъ, средній второй баталіонъ отдѣлялся для составленія резервной арміи, формирующей собираемыхъ по губерніямъ рекрутъ.

нѣе возвратить ихъ и тѣмъ обнаружить лежащую впереди мѣстность [1]). Послѣ жестокой схватки баталіоны мои были малочисленны, при орудіяхъ въ укрѣпленіи ни одного заряда, нападеніе угрожало очевидно. Всюду, гдѣ есть опасность, находился главнокомандующій—военный министръ. Внимательно наблюдая за дѣйствіями, онъ видѣлъ положеніе мое и, не ожидая требованія помощи, прислалъ немедленно батарейную роту и два полка пѣхоты, такъ что подъ руками у меня было все готово, и въ излишествѣ. Сосредоточивъ достаточныя силы, онъ предотвратилъ попытки Италіянской арміи.

Ставши довольно твердою ногою и замѣнивъ свѣжими войсками утомленныя, я отправилъ ихъ въ резервъ; три конно-артиллерійскія роты съ полковникомъ Никитинымъ, понесшія уронъ въ неравномъ бою, обратилъ въ прежнее ихъ мѣсто.

На лѣвомъ нашемъ крылѣ прибыла изъ резерва 2-я гренадерская дивизія принца Карла Мекленбургскаго, служившая большою помощію, но вскорѣ онъ раненъ.

Генералъ Дохтуровъ повсюду среди опасности ободрялъ своимъ присутствіемъ войска, свидѣтели его неустранимости и твердости [2]); но замѣнить не могъ князя Багратіона, его быстрой распорядительности, вѣрованія въ него приверженныхъ ему войскъ. По свойству мѣстности, сражаясь частями, кирасирскіе полки и вообще конница наша быстротою атакъ имѣла очевидныя выгоды на своей сторонѣ, но лишалась ихъ отъ многочисленности непріятеля и возобновляемыхъ имъ свѣжими силами нападеній. Преслѣдуя опрокинутую, являлся онъ предъ полками нашей гвардіи. Измайловскій и Литовскій, устроенные въ карре, стояли твердо, но не остановили его залпы, многіе нашли смерть на штыкахъ, и значительный уронъ могъ одинъ понудить удалиться. Тогда же полки: Преображенскій подверглись дѣйствію артиллеріи, Семеновскій несравненно съ меньшею потерею, Финляндскій разсыпанъ былъ въ стрѣлкахъ.

Облегчая дѣйствія 2-й арміи, нѣсколько прежде приказалъ князь Кутузовъ генералъ-адъютанту Уварову съ гвардейскимъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ и атаману Платову со всѣми казаками и ихъ артиллеріею дѣйствовать на лѣвый флангъ непріятеля. Вне-

---

[1]) Нѣкоторые изъ адъютантовъ военнаго министра и служащихъ при немъ, также и чиновники Главнаго штаба, сдѣлали мнѣ честь находиться при мнѣ, и заслуги ихъ по истинѣ выше всякой похвалы.

[2]) Не въ тѣхъ войнахъ, которыя удивляли Европу славою нашего оружія, испытаны его способности; не подъ знаменами безсмертнаго Суворова, не на поляхъ Италіи, не среди тѣснинъ и пропастей Альпійскихъ горъ, пожиналъ онъ лавры!

запное появленіе произвело общее въ лагерѣ движеніе: стремительно собиралась пѣхота, выдвигалась артиллерія, со многихъ позицій направлены въ помощь отряды. По всей линіи дѣйствія непріятеля были менѣе настойчивы, и многимъ изъ насъ казалось это время отдохновеніемъ. Командующій гвардейскою легкою кавалерійскою дивизіею, генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ, слѣдуя собственному соображенію обстоятельствъ, не могъ извлечь изъ нихъ никакой пользы; остановилъ полки, открылъ батареи далекія и слабыя, потерялъ время, и потомъ, хотя подъ сильнымъ огнемъ, отважно пошли полки за ручей Войну, протекающій въ крутыхъ берегахъ въ рѣчку Колочу; Италіянская армія была вся подъ ружьемъ, нѣкоторыя части ея устроены въ карре, и въ одномъ изъ нихъ находился вице-король Италіянскій [1]).

Атамана Платова совершенно одинаковы были соображенія и не болѣе распорядительности. Войска наши не пріобрѣли успѣха, мало нанесли вреда и подверглись урону. Генералу Уварову приказано возвратиться, атаманъ Платовъ за нимъ послѣдовалъ [2]).

Временно смягчившійся бой возгорѣлся съ обѣихъ сторонъ; громъ болѣе тысячи орудій артиллеріи производилъ непрерывный ревъ; не слышны были ружейные выстрѣлы; повсюду, гдѣ возможно было, кавалерія замѣняла пѣхоту. На старой Можайской дорогѣ II-й корпусъ неустрашимаго Багговута, въ борьбѣ съ превосходнымъ непріятелемъ, удерживался съ твердостію, но слабая наша батарея противъ селенія Утицы была уже въ его рукахъ; чрезвычайная густота лѣса была единственнымъ препятствіемъ обойти его съ тылу. Очевидно было, что не иначе могъ онъ удержаться въ расположеніи своемъ, развѣ при чрезвычайныхъ пособіяхъ. Недостаточны были средства наши, и князь Кутузовъ, пребывающій постоянно на батареѣ у селенія Горки, не видя близко мѣстъ, гдѣ явно было, сколько сомнительно и опасно положеніе наше, допускалъ надежду на благопріятный оборотъ. Военный министръ, все обозрѣвая самъ, давалъ направленіе дѣйствіямъ, и ни одно обстоятельство не укрывалось отъ его вниманія.

---

[1]) Карре, служащее убѣжищемъ, и возводимыя укрѣпленія объясняютъ, что лѣвое крыло французской арміи признается пунктомъ, подверженнымъ опасности.

[2]) Въ тылу арміи соединены били экипажи главной квартиры Наполеона, знатнѣйшихъ особъ, канцелярія министровъ, письменныя дѣла штабовъ главныхъ частныхъ начальниковъ, подвижные госпитали, артиллерійскіе парки, пекарни, огромные обозы съ запасами разнаго рода. Замѣтно было смятеніе между ними. Платовъ, угрожая имъ, понудилъ бы, для охраненія ихъ, употребить значительное количество кавалеріи.

Въ третьемъ часу по полудни, находясь на занятомъ мною возвышеніи, обезпеченный съ избыткомъ всѣми средствами къ оборонѣ, я получилъ извѣстіе о смерти графа Кутайсова. Верховая лошадь его прибѣжала въ лагерь, сѣдло и чепракъ на ней обрызганы кровью и мозгомъ [1]). Не долго послѣ я получилъ рану и принужденъ удалиться [2]). Но прежде изъ ближайшаго VI-го корпуса вызвалъ я командующаго дивизіею, генералъ-маіора Лихачева [3]), и онъ заступилъ мое мѣсто.

Переставъ быть дѣйствующимъ очевидцемъ, продолжаю я описаніе происшествій, заимствуя свѣдѣнія отъ участвовавшихъ въ нихъ и лицъ, мною собственно употребленныхъ для наблюденій, которыя сообщаемы мнѣ были до конца сраженія. Не одно со стороны моей любопытство могло быть побужденіемъ; успѣхъ былъ не невозможенъ; обстоятельства, сопровождающія ходъ дѣла, указывали неизбѣжность пожертвованій.

Пѣхота наша на лѣвомъ флангѣ, предводимая Милорадовичемъ, Коновницынымъ и графомъ Остерманомъ, генералами испытанной неустрашимости, при чрезвычайныхъ усиліяхъ, должна была оставить въ рукахъ непріятеля потерянныя укрѣпленія, и, большія встрѣчая затрудненія въ дѣйствіи, не взирая на все то, успѣла твердостію своею оборону нашу сдѣлать менѣе сомнительною. VII корпусъ генералъ-лейтенанта Раевскаго, при малочисленности своей, удерживалъ свое мѣсто и сообщеніе обѣихъ армій съ примѣрною непоколебимостію. Въ четвертомъ часу по полудни почти

---

[1]) Въ лѣта цвѣтущей молодости, среди блистательнаго служенія, занимая важное мѣсто, пресѣклась жизнь его. Не однимъ ближнимъ горестна потеря его: одаренный полезными способностями, могъ онъ впослѣдствіи оказать отечеству великія услуги. Мнѣ предоставлено было судьбою познакомить его съ первыми войны опасностями (1806). Вѣчнымъ будетъ сожалѣніе мое, что онъ не внялъ убѣжденіямъ моимъ возвратиться къ своему мѣсту, и если бы не желаніе непремѣнное быть со мною, быть можетъ, не палъ онъ безполезною жертвою. На другой день офицеръ, принявшій его упадающаго съ лошади уже безъ дыханія, доставилъ мнѣ ордена и саблю, которыя отправилъ я къ родному его брату.

[2]) Картечь, поразившая на смерть унтеръ-офицера, прошедъ сквозь его ребра, пробила воротникъ моей шинели, разодрала воротникъ сюртука, но шелковый на шеѣ платокъ смягчилъ ударъ контузіи. Я упалъ, нѣкоторое время былъ безъ чувствъ, шея была синяго цвѣта, большая вокругъ опухоль, и сильно помяты на шеѣ жилы. Меня снесли съ возвышенія, и отдыхъ возвратилъ мнѣ чувства.

[3]) Командовалъ егерскимъ полкомъ на Кавказской линіи подъ начальствомъ знаменитаго князя Циціанова. Офицеръ въ равной степени неустрашимый и предпріимчивый; нынѣ командующій дивизіею въ VI пѣхотномъ корпусѣ.

повсюду прекратились атаки пѣхоты, или ничего не обнаруживали рѣшительнаго. Ихъ замѣнили дѣйствія кавалеріи. Мѣстоположеніе не представляло пространства для большихъ массъ. Частныя атаки давали намъ большое преимущество, которое могла преодолѣвать одна многочисленность и возможность замѣнять свѣжими войсками утомленныя. Не могли французы сравниться съ нами въ стремительности атакъ легкой нашей кавалеріи. Полки лейбъ-гвардіи кавалергардскій и конный, также прочіе кирасирскіе полки, дѣйствовали съ особеннымъ мужествомъ.

Въ пять часовъ по полудни, послѣ жестокой борьбы непріятельской кавалеріи съ нашею, отрѣзанный отъ сообщенія съ прочими войсками люнетъ, который защищалъ генералъ-маіоръ Лихачевъ слабою своею дивизіею, отовсюду окруженный большими силами, не могъ долго противиться и впалъ во власть непріятеля. Генералъ-маіоръ Лихачевъ взятъ въ плѣнъ и потеряно нѣсколько пушекъ. Опасаясь со стороны нашей усилій возвратить люнетъ, непріятель не рѣшился занять высоты артиллеріею, которая могла нанести величайшій вредъ, и по тому только войска наши остались въ прежнемъ расположеніи. II-й корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута употребленъ былъ на оконечности лѣваго нашего крыла, дабы не допустить непріятеля обойти насъ старою почтовою дорогою. Много способствовало намъ лѣсистое мѣстоположеніе, ибо непріятель встрѣчалъ затрудненіе употребить большія силы. Въ концѣ дня, однако же, II-й корпусъ потерялъ много разстоянія и могъ бы даже лишиться связи съ прочими войсками, что, по темнотѣ ночи, не тотчасъ было замѣчено.

Такимъ образомъ прекратился бой Бородинскій. Князь Кутузовъ приказалъ объявить войскамъ, что завтрашній день онъ возобновляетъ сраженіе [1]). Не возможно выразить болѣе признательности къ подвигамъ войскъ, какъ увѣренностію въ мужествѣ и твердости ихъ во всякомъ случаѣ! Начальники и подчиненные, вообще всѣ, приняли объявленіе съ восторгомъ!

Получивши обстоятельное донесеніе, что II-й корпусъ отброшенъ, и лѣвое наше крыло открыто совершенно, князь Кутузовъ отмѣнилъ намѣреніе, и приступлено къ составленію диспозиціи объ отступленіи. Резервная артиллерія, раненые и всѣ тяжести отправлены немед-

---

[1]) Адъютантъ мой, артиллеріи поручикъ Граббе, былъ посланъ съ симъ объявленіемъ. Въ нѣсколькихъ полкахъ приглашаемъ онъ былъ сойти съ лошади, офицеры цѣловали за радостную вѣсть, нижніе чины приняли ее съ удовольствіемъ.

ленно, желая облегчить ожидаемыя препятствія, ибо дороги отъ мѣстъ, занимаемыхъ арміею, соединялись въ одну, приближаясь къ Можайску; при самомъ городѣ неудобный по крутизнѣ спускъ, не допускающій скорости движенія, и къ тому еще ночь непродолжительная. Отступленіе произошло довольно порядочно.

Въ день битвы Бородинской россійское воинство увѣнчало себя безсмертною славою! Огромное превосходство силъ непріятельскихъ по необходимости подчиняло дѣйствіямъ оборонительнымъ, ему не свойственнымъ. Потеря отличныхъ начальниковъ, во множествѣ товарищей, все казалось соединившимся противъ него, но, конечно, не было случая, въ которомъ оказано болѣе равнодушія въ опасности, болѣе терпѣнія, твердости, рѣшительнаго презрѣнія смерти. Успѣхъ, долгое время сомнительный, но чаще клонившійся на сторону непріятеля, не только не ослабилъ духъ войскъ, но воззвалъ къ напряженіямъ, едва силы человѣческія не превосходящимъ. Въ этотъ день все испытано, до чего можетъ возвыситься достоинство человѣка. Любовь къ отечеству, преданность Государю, никогда не имѣли достойнѣйшихъ жертвъ; безпредѣльное повиновеніе, строгость въ соблюденіи порядка, чувство гордости быть отечества защитникомъ, не имѣли славнѣйшихъ примѣровъ!

Непріятель одержалъ побѣду, не соотвѣтствующую его ожиданіямъ, и утомленный отчаяннымъ сопротивленіемъ находилъ отдохновеніе необходимымъ, и когда прошло уже нѣсколько часовъ дня, началъ преслѣдовать весьма медленно арріергардъ нашъ въ командѣ атамана Платова, составленный изъ регулярныхъ войскъ съ артиллеріею и всѣхъ полковъ войска Донского [1]).

Въ Можайскѣ нашли мы всѣхъ раненыхъ прошедшаго дня и большіе обозы 2-й арміи, также множество повозокъ Московскаго ополченія, и съ этого времени начались въ арміи разнаго рода, доселѣ незнаемые, безпорядки. Нестройно двигались арміи по одной дорогѣ, съ боковъ тѣснимыя обозами.

Государю представлено донесеніе о совершенной побѣдѣ. Князь Кутузовъ видѣлъ невозможность спасти Москву; хитро пріуготовлялъ къ тому общее мнѣніе; онъ высказывалъ, что потеря Смоленска была преддверіемъ паденія Москвы, не скрывая намѣренія набросить невыгодный свѣтъ на дѣйствія главнокомандующато военнаго министра, въ которомъ и не любящіе его уважали большую опытность, заботливость и отличную дѣятельность.

---

[1]) Взятый на перестрѣлкѣ плѣнный показалъ, что взятая ими возвышенность (которую защищалъ генералъ Лихачевъ) была оставлена ночью въ томъ предположеніи, что русскіе овладѣютъ ею. Казаки были на ней ночью, и о томъ донесено атаману Платову.

Съ прибытія къ арміямъ князя Кутузова извѣстны мнѣ были непріятности, дѣлаемыя имъ Барклаю-де-Толли, который негодовалъ на безпорядокъ въ дѣлахъ, принявшихъ необыкновенный ходъ. Съ начала приказанія князя отдавались начальникамп Главнаго штаба, мнѣ и генералъ-адъютанту графу Сенъ-При, чрезъ полковника Кайсарова, исправляющаго при немъ должность дежурнаго, чрезъ многихъ другихъ, и даже чрезъ капитана Скобелева, не рѣдко одни другимъ противорѣчащія, изъ которыхъ происходили недоразумѣнія, запутанности и непріятныя объясненія. Случалось иногда, что приказанія доставлялись непосредственно къ корпуснымъ и частнымъ начальникамъ, которые, приступая къ исполненію, извѣщали, для доклада главнокомандующимъ, когда войска выступили изъ лагеря, или возвращались. Приказанія объявляемы были также генералъ-квартирмейстеромъ 1-й арміи Толемъ [1]), гвардіи полковникомъ княземъ Кудашевымъ [2]).

Послѣ сраженія при Бородинѣ осталось одно именованіе 2-й арміи: войска присоединены къ 1-й арміи, главные штабы составляли одинъ; я остался въ прежнемъ званіи.

27-го числа августа армія имѣла ночлегъ не далеко отъ Можайска. Занявшій городъ, арріергардъ атамана Платова былъ изъ него вытѣсненъ непріятелемъ, но въ сей день онъ не преслѣдовалъ далѣе.

28 числа армія продолжала отступленіе, непріятель преслѣдовалъ сильнѣе, и въ арріергардѣ была схватка довольно горячая.

Князь Кутузовъ показывалъ намѣреніе, не доходя Москвы, собственно для спасенія ея, дать еще сраженіе. Частные начальники были о томъ предувѣдомлены. Генералу барону Беннигсену поручено избрать позицію; чины квартирмейстерской части его сопровождали. Кто могъ имѣть свѣдѣнія о средствахъ непріятеля, о нашей потерѣ, конечно, не находилъ того возможнымъ; многіе, однако же, ожидали, и самъ я вѣрилъ нѣсколько. Нескромны были обѣщанія князя Кутузова: „скорѣе пасть при стѣнахъ Москвы, нежели предать ее въ руки враговъ“. Не обманулся ими начальствующій въ Москвѣ, генералъ-

---

[1]) Полковникъ Толь, офицеръ отличныхъ способностей, пользовался особеннымъ благоволеніемъ князя Кутузова, который, выказывая свою прозорливость, говорилъ, что бывши главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ Толя предвидѣлъ въ немъ необыкновенныя дарованія военнаго начальника. Узналъ его впослѣдствіи, ничего не предвидѣлъ!

[2]) Князь Кудашевъ, зять Кутузова, много теряющій тѣсною этою связью; ибо на счетъ ея относится по большей части то, что, по строгой справедливости, принадлежитъ его достоинствамъ.

отъ-инфантеріи, графъ Ростопчинъ, который, хотя дѣлалъ извѣстною переписку свою съ княземъ Кутузовымъ, показывалъ видъ спокойствія и безопасности, но всѣхъ менѣе тому вѣрилъ. Москву старался пріуготовить къ такому состоянію, чтобы непріятель не могъ извлечь изъ нея ничего для себя полезнаго.

Я позволилъ себѣ нѣкоторыя предположенія, о которыхъ не сообщилъ никому, въ той увѣренности, что по недостатку опытности въ предметѣ, требующемъ обширныхъ соображеній, могли они подвергаться большимъ погрѣшностямъ. Я думалъ, что армія наша отъ Можайска могла взять направленіе на Калугу и оставить Москву. Непріятель не смѣлъ бы занять ее слабымъ отрядомъ, не рѣшился бы отдѣлить большихъ силъ, въ присутствіи нашей арміи, за которой долженъ былъ слѣдовать непремѣнно. Конечно, не обратился бы къ Москвѣ со всею арміею, оставя тылъ ея и сообщеніе подверженными опасности.

Если бы непріятель, наблюдая движеніе наше на Москву, со всѣми силами пошелъ по направленію на Калугу, намъ предстояли другого рода неудобства. Изъ Калуги онъ доставалъ бы продовольствіе, въ большомъ количествѣ заготовленное. Съ арміею адмирала Чичагова и войсками подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Тормасова сношенія наши подверглись бы медленности. Богатѣйшія провинціи, снабжающія армію потребностями, были бы отрѣзаны. Непріятель сохранялъ въ полной безопасности прежнія свои сообщенія, отклонивъ ихъ изъ Смоленска, чрезъ Ельню, по направленію къ Калугѣ, мѣстами не опустошенными войною. Москва могла быть спасена такимъ образомъ, но армія наша поставлена въ необходимость дать сраженіе, прежде нежели усилена была свѣжими подкрѣпленіями и во множествѣ излѣчившимися ранеными. Сраженіе надобно было выиграть противъ арміи, мало еще разстроенной, сравнительно съ нашею, по ея числительности.

Наполеонъ, занявъ Москву, вѣроятно, думалъ поразить Россію ужасомъ и положить скорѣйшій конецъ войнѣ трудной и жестокой. Не зналъ онъ хорошо мужественнаго характера Императора Александра; не зналъ свойствъ русскаго народа, твердаго въ опасности, въ несчастіи терпѣливаго, и Богъ, мститель ненасытимаго властолюбія Наполеона, назначилъ Москву быть гробомъ величія его и славы!

Армія наша, тѣснимая непріятелемъ, имѣя арріергардъ въ безпрерывномъ огнѣ и всѣ мѣста, ею перейденныя, не находя довольно твердыми позиціями, ни на одной изъ нихъ не остановясь, приблизилась къ самымъ предмѣстіямъ Москвы.

Мѣсто, на которомъ предположено было устроить армію, про-

стиралось отъ урочища Фили, впереди селенія того же имени, чрезъ рѣчку Карповку и на Воробьевы горы. Позиція была осмотрѣна полковникомъ Толемъ и имъ найдена довольно хорошею. Трудно предположить, чтобы князь Кутузовъ не видѣлъ ея слишкомъ ощутительныхъ недостатковъ; но, желая увѣрить въ рѣшительномъ намѣреніи своемъ дать сраженіе, онъ показывалъ видъ согласія съ мнѣніемъ полковника Толя, и разсуждая количество войскъ, несоразмѣрное обширности мѣстоположенія, вознаградить избыткомъ артиллеріи.

1-го числа сентября, рано по утру, вмѣстѣ съ прибывшими войсками къ селенію Фили, пріѣхалъ князь Кутузовъ, и тотчасъ приказалъ строить на возвышеніи, называемомъ Поклонная гора, обширный редутъ и у самой большой дороги батареи, назначая ихъ быть конечностію праваго фланга; лежащій недалеко по правую сторону лѣсъ наполнить егерями, прочія войска расположить по ихъ мѣстамъ. Въ присутствіи окружающихъ его генераловъ, спросилъ онъ меня, какова мнѣ кажется позиція? Почтительно отвѣчалъ я, что, по одному взгляду, невозможно судить положительно о мѣстѣ, назначаемомъ для шестидесяти, или болѣе, тысячъ человѣкъ, но что весьма замѣтные въ немъ недостатки допускаютъ мысль о невозможности на немъ удержаться. Князь Кутузовъ взялъ меня за руку, ощупалъ пульсъ и сказалъ: „здоровъ ли ты“? Подобный вопросъ оправдываетъ сдѣланное съ нѣкоторою живостію возраженіе. Я сказалъ, что драться на немъ онъ не будетъ, или будетъ разбитъ непремѣнно. Ни одинъ изъ генераловъ не сказалъ своего мнѣнія, хотя немногіе могли догадываться, что князь Кутузовъ никакой въ томъ нужды не имѣетъ, желая только показать рѣшительное намѣреніе защищать Москву, совершенно о томъ не помышляя. Князь Кутузовъ, снисходительно выслушавъ замѣчаніе мое, съ изъявленіемъ ласки приказалъ мнѣ осмотрѣть позицію и ему донести. Со мною отправились полковникъ Толь и генеральнаго штаба Кроссаръ.

По тщательномъ обозрѣніи я доложилъ князю вкратцѣ слѣдующія замѣчанія: мѣстоположеніе отъ праваго фланга къ центру имѣетъ довольно большую наклонность, частію для насъ выгодную, частію подъ сильнымъ огнемъ. Его разрѣзываетъ рѣчка Карповка, крутоберегая къ сторонѣ Воробьевыхъ горъ; взъѣзды на нихъ неудобны, требуютъ времени для исправленія. Устроенные на рѣчкѣ мосты подвергаются непріятельскимъ батареямъ; удаленные отъ нихъ, умедлятъ сообщеніе между войскъ. Лѣвый флангъ арміи, занимая вершину Воробьевыхъ горъ, долженъ имѣть весьма сильныя укрѣпленія, защищаемыя главною частью войскъ, ибо на противо-

лежащей равнинѣ можетъ непріятель расположить тридцать и болѣе тысячъ войскъ, готовыхъ къ атакѣ. Въ тылу у насъ Москва рѣка, единственное отступленіе фланговымъ движеніемъ въ рѣчкѣ Карповкѣ. Князь Кутузовъ, выслушавъ, приказалъ сдѣлать вторичное обозрѣніе, и по возвращеніи я доложилъ ему, что, расположивъ армію на Воробьевыхъ горахъ, перехватя Калужскую дорогу впереди заставы, можно удержать за собою Серпуховскую дорогу и отступить на нее, проходя малую часть Замоскворѣчья. Въ заключеніе я сказалъ, что позиція чрезвычайно невыгодна, отступленіе очень опасно и трудно арріергарду удержаться столько времени, чтобы армія успѣла отдалиться. Отступленіе войскъ, защищающихъ Можайскую дорогу, не иначе какъ черезъ городъ, неудобно согласовать съ общимъ движеніемъ арміи. Князь Кутузовъ, выслушавши мое объясненіе, ничего не сказалъ, а войска продолжали устраиваться по прежнему его приказанію. VI-й корпусъ генерала Дохтурова направленъ на Воробьевы горы; работа окоповъ продолжалась.

Я нашелъ у князя генерала графа Растопчина, съ которымъ онъ (какъ я узналъ) долго очень объяснялся. Увидѣвши меня, графъ отвелъ въ сторону и спросилъ: „Не понимаю, для чего усиливаетесь вы непремѣнно защищать Москву, когда, овладѣвъ ею, непріятель ничего не пріобрѣтетъ полезнаго. Принадлежащія казнѣ сокровища и все имущество вывезены; изъ церквей, за исключеніемъ немногихъ, взяты драгоцѣнности, богатыя золотыя и серебряныя украшенія. Спасены важнѣйшіе государственные архивы. Многіе владѣльцы частныхъ домовъ укрыли лучшее свое имущество. Въ Москвѣ останется до пятидесяти тысячъ самаго бѣднѣйшаго народа, не имѣющаго другаго пріюта“. Весьма замѣчательны послѣднія его слова. „Если безъ боя оставите вы Москву, то, вслѣдъ за собою, увидите ее пылающую! [1])“ Графъ Растопчинъ уѣхалъ, не получивъ рѣшительнаго отзыва отъ князя Кутузова. Ему по сердцу было предложеніе графа Растопчина, но не за долго предъ симъ клялся онъ своими сѣдыми волосами, что непріятелю нѣтъ другого пути къ Москвѣ, какъ чрезъ его тѣло. Онъ не остановился бы оставить Москву, если бы не ему могла быть присвоена первая мысль о томъ. Данная имъ клятва его не удерживала, не у преддверія Москвы можно было помышлять о боѣ; не доставало времени

[1]) Конечно, званіе мое обратило вниманіе его на меня; до того гордый вельможа не зналъ меня. Вѣжливо отвѣчалъ я: „В. С.-во, видите во мнѣ исполнителя воли начальника, не допускающаго свободы разсужденія“. Онъ не скрылъ отъ меня подозрѣнія, что Кутузовъ далекъ отъ желанія дать сраженіе.

сдѣлать необходимыя укрѣпленія: едва-ли достаточно было, чтобы порядочно расположить армію, и 29-го числа августа имъ подписано повелѣніе калужскому губернатору о направленіи транспортовъ съ продовольствіемъ изъ Калуги на Рязанскую дорогу.

Князь Кутузовъ подробно разсказалъ мнѣ разговоръ его съ графомъ Растопчинымъ и, со всею простотою души своей и невинностью, увѣрялъ меня, что до сего времени онъ не зналъ, что непріятель пріобрѣтеніемъ Москвы не снищетъ никакихъ существенныхъ выгодъ, и что нѣтъ, конечно, причинъ удерживать ее съ чувствительною потерею, и спросилъ, какъ я думаю о томъ? Избѣгая вторичнаго испытанія моего пульса, я молчалъ; но когда приказалъ онъ мнѣ говорить, подозрѣвая готовность обойтись безъ драки, я отвѣчалъ, что прилично было бы арріергарду нашему, въ честь древней столицы, оказать нѣкоторое сопротивленіе.

День клонился къ вечеру, и еще не было никакихъ особенныхъ распоряженій. Военный министръ призвалъ меня къ себѣ, съ отличнымъ благоразуміемъ и основательностію истолковалъ мнѣ причины, по коимъ полагаетъ онъ отступленіе необходимымъ, пошелъ къ князю Кутузову и мнѣ приказалъ идти за собою. Никому лучше военнаго министра не могли быть извѣстны способы для продолженія войны, и какими изъ нихъ въ настоящее время пользоваться возможно; чтобы употребить болѣе благонадежные, надобно выиграть время, и для того оставить Москву необходимо.

Князь Кутузовъ, внимательно выслушавъ, не могъ скрыть восхищенія своего, что не ему присвоена будетъ мысль объ отступленіи, и, желая сколько возможно отклонить отъ себя упреки, приказалъ къ восьми часамъ вечера созвать г.г. генераловъ на совѣтъ [1]).

Въ селеніи Фили, въ своей квартирѣ, принялъ князь Кутузовъ собравшихся генераловъ. Совѣтъ составили: главнокомандующій, военный министръ, Барклай-де-Толли, генералъ баронъ Беннигсенъ, генералъ Дохтуровъ, генералъ-адъютантъ Уваровъ; генералъ-лейтенанты: графъ Остерманъ-Толстой, Коновницынъ и Раевскій; послѣдній пріѣхавшій изъ арріергарда, бывшаго уже не въ далекомъ отстояніи отъ Москвы, почему генералъ Милорадовичъ не могъ отлучиться отъ него. Военный министръ началъ объясненіе настоящаго положенія дѣлъ слѣдующимъ образомъ: „позиція весьма невыгодна; дождаться въ ней непріятеля опасно; превозмочь его, располагающаго превосходными силами, болѣе нежели сомнительно. Если бы

---

[1]) Князь, конечно, не полагалъ, чтобы извѣстно было сужденіе на счетъ его знаменитаго Суворова, который говорилъ: „Его и Рибасъ не обманетъ“ Впрочемъ, въ нынѣшнее время многіе его угадываютъ!

послѣ сраженія могли мы удержать мѣсто, но такой же потерпѣли уронъ, какъ при Бородинѣ, то не будемъ въ состояніи защищать столько обширнаго города. Потеря Москвы будетъ чувствительною для Государя, но не будетъ внезапнымъ для него происшествіемъ, къ окончанію войны его не наклонитъ и рѣшительная воля его продолжать ее съ твердостію. Сохранивъ Москву, Россія не сохраняется отъ войны жестокой, разорительной; но, сберегши армію, еще не уничтожаются надежды отечества, и война, единое средство къ спасенію, можетъ продолжаться съ удобствомъ. Успѣютъ присоединиться, въ разныхъ мѣстахъ за Москвою пріуготовляемыя, войска; туда же благовременно перемѣщены всѣ рекрутскія депо. Въ Казани учрежденъ вновь литейный заводъ; основанъ новый ружейный заводъ Кіевскій; въ Тулѣ оканчиваются ружья изъ остатковъ прежняго металла. Кіевскій арсеналъ вывезенъ; порохъ, изготовленный въ заводахъ, передѣланъ въ артиллерійскіе снаряды и патроны и отправленъ внутрь Россіи". Военный министръ предпочиталъ взять направленіе на городъ Владиміръ, въ намѣреніи сохранить сообщеніе съ С.-Петербургомъ, гдѣ находилась Царская Фамилія. Князь Кутузовъ приказалъ мнѣ, начиная съ младшаго въ чинѣ, по прежнему порядку, объяснить мое мнѣніе. Совершенно убѣжденный въ основательности предложенія военнаго министра, я осмѣлился замѣтить одно направленіе на Владиміръ не согласующимся съ обстоятельствами. Царская Фамилія, оставя Петербургъ могла назначить пребываніе свое во многихъ мѣстахъ, совершенно отъ опасности удаленныхъ [1]), не порабощая армію невыгодному ей направленію, которое нарушало связь нашу съ полуденными областями, изобилующими разными для арміи потребностями, и чрезвычайно затрудняло сообщеніе съ арміями генерала Тормасова и адмирала Чичагова. Не рѣшился я, какъ офицеръ, не довольно еще извѣстный, страшась обвиненія соотечественниковъ, дать согласіе на оставленіе Москвы, и не защищая мнѣнія моего, вполнѣ неосновательнаго, предложилъ атаковать непріятеля. Девять сотъ верстъ безпрерывнаго отступленія не располагаютъ его къ ожиданію подобнаго со стороны нашей предпріятія; что внезапность сія, при переходѣ войскъ его въ оборонительное состояніе, безъ сомнѣнія, произведетъ между ними большое замѣшательство, которымъ его свѣтлости, какъ искусному полководцу, предлежитъ воспользоваться, и

[1]) Великому князю Константину Павловичу доказывалъ я о совершенно безопасномъ пребываніи въ Петербургѣ, въ опроверженіе словъ его: „Сестра Екатерина Павловна не знаетъ, гдѣ во время родовъ можетъ быть покойна". Я осмѣлился предложить, шутя, закладъ, и видно изъ происшествій, что могла она не оставлять Петербурга.

что это можетъ произвести большой оборотъ въ нашихъ дѣлахъ. Съ неудовольствіемъ князь Кутузовъ сказалъ мнѣ, что такое мнѣніе даю я потому, что не на мнѣ лежитъ отвѣтственность. Слишкомъ поспѣшно изъявилъ онъ свое негодованіе, ибо не могъ сомнѣваться, что многихъ мнѣнія будутъ гораздо благоразумнѣйшія, на которыя могъ онъ опираться. Генералъ-адъютантъ Уваровъ далъ однимъ словомъ согласіе на отступленіе. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ былъ мнѣнія атаковать. Оно принадлежало ему, какъ офицеру предпріимчивому и неустрашимому, но не была испытана способность его обнимать обширныя и многосложныя соображенія. Генералъ Дохтуровъ говорилъ, что хорошо бы идти навстрѣчу непріятелю, но послѣ потери въ Бородинскомъ сраженіи многихъ изъ частныхъ начальниковъ, на мѣста которыхъ поступившіе другіе, мало извѣстные, будучи, по необходимости, исполнителями распоряженій, не представляютъ достаточнаго ручательства въ успѣхѣ ихъ, и потому полагаетъ отступить. Генералъ баронъ Беннигсенъ, извѣстный знаніемъ военнаго искусства, болѣе всѣхъ современниковъ испытанный въ войнѣ противъ Наполеона, далъ мнѣніе атаковать, подтверждающее изложенное мною. Увѣренный, что онъ основалъ его на вѣрнѣйшихъ разсчетахъ правдоподобія въ успѣхѣ, или, по крайней мѣрѣ, на возможности не быть подавленными въ сопротивленіи, много я былъ ободренъ имъ, но, конечно, были удивленные предложеніемъ. Генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ былъ согласенъ отступить, но, опровергая предложеніе дѣйствовать наступательно, спросилъ барона Беннигсена, можетъ ли онъ удостовѣрить въ успѣхѣ? Съ непоколебимою холодностію его и едва обратясь къ нему, Беннигсенъ отвѣчалъ: „если бы не подвергался сомнѣнію предлагаемый сужденію предметъ, не было бы нужды сзывать совѣтъ, а еще менѣе надобно было бы его мнѣніе“. Пріѣхавшему послѣ всѣхъ, генералъ-лейтенанту Раевскому приказано мнѣ было пересказать разсужденіе военнаго министра и мнѣніе каждаго изъ членовъ совѣта. Онъ изъявилъ согласіе на отступленіе. Всѣмъ одинаковаго мнѣнія служило руководствомъ предложеніе военнаго министра, безъ всякаго со стороны ихъ объясненія причинъ, и, конечно, не могло быть мѣста болѣе основательному разсужденію. Раздѣляя его вполнѣ, князь Кутузовъ приказалъ сдѣлать диспозицію къ отступленію. Съ приличнымъ достоинствомъ и важностію, выслушивая мнѣніе генераловъ, не могъ онъ скрыть удовольствія, что оставленіе Москвы было требованіемъ, не дающимъ мѣста его волѣ, хотя, по наружности, желалъ онъ казаться готовымъ принять сраженіе.

Въ десять часовъ вечера армія должна была выходить двумя

колоннами: одна, подъ командою генералъ-адъютанта Уварова, чрезъ заставу и Драгомиловскій мостъ. При ней находился князь Кутузовъ. Другая колонна, подъ начальствомъ генерала Дохтурова, проходила чрезъ Замоскворѣчье на Каменный мостъ. Обѣ колонны направлены чрезъ Рязанскую заставу. Переправы, тѣсныя улицы, большіе за арміею обозы, приближенные въ ожиданіи сраженія, резервная артиллерія и парки, и въ то же время толпами спасающіеся жители Москвы, до того затрудняли движеніе войскъ, что армія до самаго полудня не могла выйти изъ города.

Князь Кутузовъ послалъ меня къ генералу Милорадовичу, чтобы онъ, сколько возможно, удерживалъ непріятеля, или бы условился съ нимъ, дабы имѣть время вывезти изъ города тяжести. У Драгомиловскаго моста съ частію войскъ арріергарда нашелъ я генералъ-лейтенанта Раевскаго, которому сообщилъ я данное мнѣ приказаніе, для передачи его генералу Милорадовичу [1]).

Арріергардъ нашъ былъ преслѣдуемъ; генералъ Милорадовичъ скорѣе отступалъ, потому что непріятель, усиливаясь противъ отряда генералъ-адъютанта барона Винценгероде, показывая намѣреніе ворваться въ городъ, могъ прійти въ тылъ арріергарду. Онъ послалъ сказать непріятельскому генералу Себастіани, что если думаетъ онъ преслѣдовать въ самыхъ улицахъ города, то его ожидаетъ жесточайшее сопротивленіе и, защищаясь въ каждомъ домѣ, прикажетъ онъ наконецъ зажечь городъ. Въ условленное время вступилъ непріятель безъ боя, и обозы арміи, равно какъ и самихъ жителей, выходили безпрепятственно; всѣ заставы заняты.

Я наблюдалъ, какое дѣйствіе произведетъ надъ войсками оставленіе Москвы, и замѣтилъ съ радостію, что солдатъ не терялъ духа, не допускалъ ропота. Начальниковъ поражала потеря древней столицы [2]). Въ Москвѣ было уже мало жителей, и по большей части не имѣющихъ пристанища въ другомъ мѣстѣ. Домы были пусты и заперты; обширныя площади уподоблялись степямъ; въ нѣкоторыхъ улицахъ не встрѣчалось человѣка. Въ рѣдкой изъ церквей не было молящихся жертвъ, остающихся на произволъ

---

[1]) Сойдя съ лошадей, поговорили мы нѣкоторое время; смотря на Москву, погрустили объ ней. Впереди ничто не представлялось намъ утѣшительное, и большой перемѣны въ положеніи нашемъ предвидѣть было не возможно. Отъ князя Кутузова чего-то ожидали, но не съ полною предавались довѣренностію.

[2]) Нижніе чины Московскаго гарнизоннаго полка, извѣстнаго нѣкогда подъ именемъ Архаровскаго, переженившіеся, съ семействами, занимавшіеся торгомъ и ремеслами, совершенно подобные янычарамъ, выходили изъ Москвы въ порядкѣ, пѣсельники впереди!

враговъ безчеловѣчныхъ. Душу мою раздиралъ стонъ раненыхъ, оставляемыхъ во власти непріятеля. Въ городѣ Гжатскѣ князь Кутузовъ далъ необдуманное повелѣніе свозить отовсюду больныхъ и раненыхъ въ Москву, которыхъ она до того не видала, и болѣе двадцати тысячъ ихъ туда отправлено [1]). Съ негодованіемъ смотрѣли на это войска. На полѣ сраженія иногда видитъ солдатъ остающихся товарищей, не разумѣетъ другой причины, какъ недостатокъ средствъ къ ихъ сохраненію. Но въ Москвѣ, гдѣ есть способы успокоить раненаго воина, жизнію искупающаго отечество, гдѣ богачъ въ нѣгѣ вкушаетъ сладкій покой за твердою его грудью, гдѣ подъ облака возносятся гордые чертоги его, воинъ омываетъ кровію своею послѣднія ступени его лѣстницы, или послѣднія истощаетъ силы на каменномъ помостѣ двора его. Оскорбительное равнодушіе столицы къ бѣдственному состоянію солдатъ не охладило, однако же, усердія ихъ, и всѣ готовы были на ея защиту.

Итакъ армія прошла наконецъ Москву.

Не далеко за городомъ нашелъ я князя Кутузова и доложилъ ему о переданномъ мною повелѣніи его генералу Милорадовичу. Вскорѣ за тѣмъ слышны были въ Москвѣ два взрыва и обнаружился большой пожаръ. Я вспомнилъ слова графа Растопчина, сказанныя мнѣ наканунѣ, и Москва стыдъ поруганія скрыла въ развалинахъ своихъ и пеплѣ! Собственными нашими руками разнесенъ пожирающій ея пламень. Напрасно возлагать вину на непріятеля и оправдываться въ томъ, что возвышаетъ честь народа. Россіянинъ каждый частно, весь народъ вообще, великодушно жертвуетъ общей пользѣ. Въ добровольномъ разрушеніи Москвы усматриваютъ враги предзнаменованіе ихъ бѣдствій. Всѣ доселѣ народы, счастію Наполеона болѣе пятнадцати лѣтъ покорствующіе, не явили подобнаго примѣра. Судьба сберегла его для славы россіянъ! Пятнадцать лѣтъ побѣждая всѣ противоборствующіе народы, въ торжествѣ проходилъ Наполеонъ столицы ихъ; чрезъ Москву назначенъ путь къ паденію славы его и могущества! Въ первый разъ устрашенная Европа осмѣлилась увидѣть въ немъ человѣка!

Армія наша имѣла ночлегъ и растахъ 3-го числа, въ 15 верстахъ отъ Москвы. Арріергардъ, пройдя спокойно чрезъ Рязанскую заставу и расположивъ передовые посты въ трехъ верстахъ отъ города, ночевалъ по близости.

Переправа арміи чрезъ Москву рѣку у Боровскаго перевоза, по множеству обозовъ спасающихся изъ Москвы жителей, совершилась съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ и въ неимовѣрномъ безпо-

---

[1]) Распоряженіе, не соотвѣтствующее его прозорливости!

рядкѣ. Слышны были пушечные выстрѣлы въ арріергардѣ, но непріятель не тѣснилъ его. Здѣсь отмѣнено было, предложенное военнымъ министромъ, направленіе на Владиміръ, и рѣшено выйти на Тульскую дорогу [1]). Мысль сія принадлежитъ генералу барону Беннигсену, и онъ настаивалъ, чтобы скорѣе перейти на Калужскую дорогу. Смѣлое и рѣшительное фланговое сіе движеніе, по близости непріятеля не безопасное, совершено безпрепятственно, и армія, въ самое ненастное время, гнусными проселочными дорогами, была у города Подольска. Здѣсь, безъ всякой надобности, князь Кутузовъ пробылъ двое сутокъ, не переходя на Калужскую дорогу не отъ того, чтобы увѣренъ онъ былъ, что непріятель не можетъ предупредить его. За одну сію ошибку непріятель сдѣлалъ двѣ грубѣйшія. Удержанный въ Москвѣ грабежемъ, пьянствомъ и распутствомъ, онъ имѣлъ въ виду одну отступающую нашу армію, и ни о чемъ не заботился. По медленности движенія нашего изъ Москвы, онъ, правымъ берегомъ Москвы рѣки, могъ предупредить насъ на переправѣ, или, по крайней мѣрѣ, отбросить насъ на Рязань, преграждая всѣ прочіе пути. Сверхъ того, принявъ за арріергардъ нашей арміи небольшой казачій отрядъ, въ командѣ храбраго полковника Ефремова, преслѣдовалъ его къ Бронницамъ, и поздно увидѣвъ себя обманутымъ, возвратился поспѣшно въ Москву, но армія была уже на Калужской дорогѣ, у селенія Красной Пахры.

Фланговое движеніе наше къ Подольску прикрывалъ корпусъ генералъ-лейтенанта Раевскаго; далѣе впереди его находился отрядъ генералъ-маіора Дорохова, отъ котораго казаки, подъ начальствомъ полковника Иловайскаго 2-го (Тимоѳея), опрокинувъ часть французской конницы, вогнали ее въ селеніе и атаковали съ тылу, много истребили и взяли въ плѣнъ. Первый ударъ встрѣтила она, не допущенная устроиться въ порядокъ.

Армія наша совершенно спокойно дошла до селенія Красной Пахры, но, нашедши позицію неудобною, слѣдовала далѣе на Вороново и далѣе до Тарутина. Арріергардъ расположился въ с. Красной Пахрѣ, наблюдаемый до того весьма слабымъ, ничего не предпринимавшимъ, непріятелемъ, и потому довольно оплошно размѣщены были передовые наши посты. Не были высылаемы разъѣзды. Недалеко отъ лагеря, отдѣленнаго непроходимымъ оврагомъ, находился прекрасный господскій домъ съ обширнымъ садомъ, который

---

[1]) Многіе присвоивали себѣ это соображеніе, но оно принадлежитъ собственно генералу Беннигсену, что мнѣ извѣстно со всѣми, сопровождавшими мелочными, обстоятельствами. Князь Кутузовъ желалъ отнести это любимцу своему Толю.

посѣтивши генералъ Милорадовичъ, начальствующій арріергардомъ, едва не попался въ плѣнъ [1]).

Вскорѣ послѣ, въ схваткѣ съ кавалеріею, лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ совершенно разбилъ два эскадрона драгунъ гвардіи Наполеона.

Близъ селенія Мочи арріергардъ былъ сильно тѣснимъ непріятелемъ; трудная позади переправа у селенія Воронова была причиною большого въ войскахъ безпорядка, и правому флангу угрожала опасность быть отрѣзаннымъ. До того странно было распредѣленіе войскъ арріергарда, что генералъ-лейтенантъ Раевскій, полагая имѣть впереди себя кавалерію, не зналъ, что съ цѣлымъ корпусомъ пѣхоты и всею батарейною артиллеріею проводилъ ночь, составляя собою передовые посты. Кавалерія, не завися отъ него, не почла нужнымъ закрыть корпусъ собою, и если никакихъ не произошло отъ того послѣдствій, то единственно потому, что арріергардъ долженъ былъ назавтра отойти назадъ.

21-го числа сентября армія прибыла въ селеніе Тарутино. Послѣ упорнаго дѣла у деревни Чириково, непріятель заставилъ арріергардъ нашъ отойти на послѣднія возвышенія въ виду изъ Тарутина, въ разстояніи трехъ верстъ.

22-го числа въ арміи при селеніи Тарутино производились земляныя работы, для укрѣпленія позиціи. Непріятель съ жестокостію возобновилъ атаки свои противъ нашего авангарда; генералъ Милорадовичъ отражалъ ихъ мужественно. Не возможно было уступить одного шагу; ибо позади, на большое пространство къ сторонѣ лагеря продолжающаяся покатость оканчивалась рѣчкою, и непріятель, овладѣвши возвышеніями, могъ видѣть всякое движеніе въ нашемъ лагерѣ, а по рѣчкѣ расположа передовые свои посты, препятствовать водопою. Во время сраженія со стороны нашей сохраненъ былъ отличный порядокъ. Непріятель, перемѣняя направленіе атакъ своихъ, всегда былъ предупреждаемъ силами соразмѣрными, которыя, соединяясь съ чрезвычайною быстротою, не допустили воспользоваться малѣйшею выгодою; резервы не вступали въ дѣло. Генералъ-маіоръ Шевичъ, съ искусствомъ распоряжаясь кавалеріею на правомъ

---

[1]) Милорадовичъ, довольствующійся избою, вздумалъ роскошествовать и занялъ подъ свою квартиру великолѣпный домъ, пригласилъ къ обѣду многихъ изъ генераловъ, въ полной увѣренности весело отдохнуть отъ трудовъ. Въ это время эскадронъ непріятельскій, прошедши черезъ садъ, приблизился къ дому; другой былъ въ резервѣ. Стоявшій на дворѣ конвой успѣлъ сѣсть на коня и отразилъ ближайшій эскадронъ, другой не пришелъ на помощь. Схваченные въ плѣнъ показали, что эскадроны были прусскіе.

флангѣ, выигралъ даже нѣкоторое разстояніе; французскіе кирасиры не могли сдержать стремительнаго нападенія нѣсколькихъ эскадроновъ гвардейскихъ нашихъ уланъ, которыхъ пики притуплены были о ихъ желѣзную броню. 1-й егерскій полкъ, въ командѣ полковника Карпенка, открывалъ себѣ штыками путь къ успѣхамъ; артиллерія была превосходна; двѣ батарейныя роты съ подполковникомъ Гулевичемъ, не будучи никакъ охраняемы, закрывали собою движеніе войскъ, и непріятель ничего не предпринялъ противъ нихъ. Около вечера непріятель отступилъ на всѣхъ пунктахъ и не подалеку расположился лагеремъ. Въ продолженіе войны обстоятельства, возлагая на насъ горькую необходимость отступленія, облегчали непріятелю достиженіе его намѣреній. Здѣсь въ первый разъ безвозмездны были его усилія!

По окончаніи сраженія войска авангарда возвратились въ соединеніе съ арміею; на мѣстѣ оставлена сильная кавалерія съ нѣсколькими конными батареями.

На другой день совершенное спокойствіе въ лагерѣ непріятельскомъ заставляло думать, что ожидается прибытіе большихъ силъ. Напротивъ, отъ сего дня, на нѣкоторое время, безъ всякаго условія прервались дѣйствія, и не сдѣлано ни одного выстрѣла. Г.г. генералы и офицеры съѣзжались на передовыхъ постахъ съ изъявленіемъ вѣжливости, что многимъ было поводомъ къ заключенію, что существуетъ перемиріе [1]).

Лагерь при Тарутинѣ былъ укрѣпленъ тщательно. Фронтъ прикрытъ сильными батареями; на лѣвомъ крылѣ, внѣ лагеря, открытое мѣсто, удобное для дѣйствія кавалеріи. Ощутительны также были и невыгоды позиціи: лагерь весьма тѣсный, внутри его перемѣщеніе войскъ затруднительно, по множеству землянокъ и избъ; къ лѣвому

---

[1]) Государь Императоръ былъ симъ недоволенъ, и въ письмѣ къ князю Кутузову собственноручно выразилъ, сколько неприличны подобныя свиданіи съ генералами, и въ особенности приказалъ замѣтить генералу барону Беннигсену, что ему это болѣе другихъ непозволительно.

Генералъ Милорадовичъ не одинъ разъ имѣлъ свиданіе съ Мюратомъ, королемъ Неаполитанскимъ. Изъ разговоровъ ихъ легко было замѣтить, что въ хвастовствѣ не всегда французамъ принадлежало первенство. Если бы можно было забыть о присутствіи непріятеля, казалось бы свиданье ихъ представленіемъ на ярмаркѣ, или подъ качелями. Мюратъ являлся, то одѣтый по-гишпански, то въ вымышленномъ преглупомъ нарядѣ, съ собольей шапкою, въ глазетовыхъ панталонахъ. Милорадовичъ—на казачьей лошади, съ плетью, съ тремя шалями яркихъ цвѣтовъ, не согласующихся между собою, которыя, концами обвернутыя около шеи, во всю свою длину развѣвались по волѣ вѣтра. Третьяго подобнаго не было въ арміяхъ!

крылу прилежащія возвышенія въ пользу непріятеля; отдѣляющій ихъ ручей, въ крутыхъ берегахъ, кавалеріи нашей, въ случаѣ дѣйствія на той сторонѣ, не представлялъ удобнаго отступленія. Если бы непріятель атаковалъ позицію и былъ отбитъ повсюду, то, отступая подъ огнемъ батарей, расположенныхъ имъ на возвышенномъ берегу рѣчки, господствующемъ всею долиною, и не болѣе какъ въ трехъ стахъ саженяхъ встрѣчая насъ картечью, могъ остановить успѣхи наши. Мы, со стороны своей, впереди позиціи, не имѣли противоставить наши батареи. Ничто не могло побуждать непріятеля атаковать сильно укрѣпленную позицію, а еще менѣе съ праваго ея крыла, какъ того многіе ожидали. Довольно было непріятелю показать силы на Калужской дорогѣ, которую мы слабо наблюдали, и мы оставили бы Тарутино.

По совершеніи арміею фланговаго движенія, когда прибыла она въ городъ Подольскъ, генералъ баронъ Беннигсенъ, предлагалъ расположиться у г. Боровска, или въ укрѣпленномъ при Малоярославцѣ лагерѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе безпокоило бы непріятеля и намъ доставляло выгоды, особенно, когда его кавалерія истощалась отъ недостатка фуража, когда умножившіеся партизаны наши наносили ей вредъ и истребленіе. Не взирая на это, кажется, не совсѣмъ безполезно было уклониться отъ сего предложенія; ибо непріятель пребываніе наше у Тарутина сносилъ терпѣливѣе, нежели у Малоярославца, или паче у Боровска. Онъ не уважилъ слабый отрядъ генералъ-маіора Дорохова, имѣя противъ него небольшую часть войскъ въ г. Вереѣ, далъ намъ время для отдохновенія, возможность укомплектовать арміи, поправить изнуренную конницу, учредить порядочное доставленіе всякаго рода припасовъ. Словомъ, возродилъ въ насъ надежды, силы на противоборствіе и даже на преодолѣніе потребныя. Если бы съ тѣми силами, которыя имѣли мы подъ Москвою, не соединяясь съ пришедшими впослѣдствіи подкрѣпленіями, съ двадцатью шестью полками прибывшихъ съ Дону казаковъ, въ разстроенномъ состояніи конницы, съ войсками, продолжительнымъ отступленіемъ утомленными, остановились мы въ Боровскѣ, тѣмъ скорѣе атаковалъ бы насъ непріятель, и былъ въ необходимости то сдѣлать, дабы отдалить насъ отъ своихъ сообщеній, и безъ того подверженныхъ опасности отъ возстающихъ во многихъ мѣстахъ поселянъ, раздраженныхъ грабежемъ и неистовствомъ.

Вскорѣ по оставленіи Москвы докладывалъ я князю Кутузову, что артиллеріи капитанъ Фигнеръ предлагаетъ доставить свѣдѣніе о состояніи французской арміи въ Москвѣ и, буде есть, какія чрезвычайныя пріуготовленія въ войскахъ; князь далъ полное соизволеніе.

Въ штабѣ арміи приказалъ я дать ему подорожную въ Казань, не переставая признавать главную квартиру врагомъ всякой тайны.

Возвратившись изъ Москвы, онъ явился въ Подольскѣ къ генералъ-лейтенанту Раевскому, который, въ прошедшую съ турками войну, знавши Фигнера храбрымъ и предпріимчивымъ офицеромъ [1]), не усомнился въ показаніи его, что ему приказано отъ меня, у перваго изъ частныхъ начальниковъ, къ которому найдетъ онъ возможность пройти, просить о назначеніи ему небольшого кавалерійскаго отряда, для дѣйствія на коммуникаціяхъ непріятеля, и тотчасъ же отправился на дорогу между Можайскомъ и Москвою. Онъ прибылъ къ арміи въ Тарутино. Князь Кутузовъ былъ весьма доволенъ первыми успѣхами партизанскихъ его дѣйствій, нашелъ полезнымъ умножить число партизановъ, и вторымъ послѣ Фигнера назначенъ гвардейской конной артиллеріи капитанъ Сеславинъ, и послѣ него вскорѣ гвардіи полковникъ князь Кудашевъ. Въ короткое время ощутительна была принесенная ими польза. Плѣнные въ большомъ количествѣ приводились ежедневно; не проходили транспорты и парки безъ сильнаго прикрытія; французы на фуражированіе не иначе выходили, какъ съ пѣхотою и пушками, никогда не возвращались безъ потери. На всѣхъ сообщеніяхъ являлись отряды партизановъ; жители служили имъ вѣрными проводниками, доставляли обстоятельныя извѣстія, и, наконецъ, взявъ сами оружіе, большими присоединялись къ нимъ толпами. Фигнеру первому справедливо можно приписать возбужденіе поселянъ къ войнѣ, которая имѣла пагубныя для непріятеля слѣдствія.

Въ Москвѣ скудные найдены французами припасы, и чрезъ короткое время войска даже половинной дачи продовольствія не получали, никакихъ особенныхъ мѣръ предпринимаемо не было, и

---

[1]) При выходѣ изъ Москвы Фигнеръ досталъ себѣ французскій билетъ, какъ хлѣбопашецъ г. Вязьмы, возвращающійся на жительство. Переодѣтый въ крестьянскомъ платьѣ, взятъ онъ въ проводники небольшимъ отрядомъ идущимъ отъ Можайска. Цѣлый переходъ слѣдуетъ съ нимъ, высматриваетъ, что пѣхоту составляютъ выздоровѣвшіе изъ госпиталей, сопровождающіе шесть орудій итальянской артиллеріи, идущей изъ Павіи. Съ ночлега Фигнеръ бѣжалъ; ибо въ лѣсу, не далеко отъ дороги, скрытъ былъ отрядъ его, и онъ рѣшился сдѣлать нападеніе. Все взято было почти безъ сопротивленія. Въ числѣ плѣнныхъ былъ полковникъ, уроженецъ изъ Ганновера. Я былъ свидѣтелемъ свиданія его съ генераломъ барономъ Беннигсеномъ, знакомымъ его съ самой юности, по связи семействъ ихъ.

совершенное во всемъ бездѣйствіе изобличало надежды Наполеона на миръ, въ которомъ мнилъ онъ начертать условія. Не знаю достовѣрно, въ чемъ могли состоять оныя, но легко понимали всѣ, что присланный отъ Наполеона генералъ Лористонъ, передъ войною бывшій посломъ при нашемъ дворѣ, конечно имѣлъ порученіе объяснить желаніе прекратить войну. Москва, древняя столица, собственными руками превращенная въ пепелъ, доказывала, что нѣтъ тяжелыхъ пожертвованій для русскаго народа и готовность его отомстить за войну несправедливую, войною жестокою. Генералъ Лористонъ пріѣхалъ чрезъ нѣсколько дней послѣ прибытія арміи въ Тарутино. Въ самое это время, между прочими, и я находился въ квартирѣ Кутузова, но всѣмъ намъ приказано выйти. Послѣ носилась молва, будто князь обѣщалъ довести до свѣдѣнія Государя положить конецъ войнѣ, долженствующей возгорѣться съ бо́льшимъ противъ прежняго съ ожесточеніемъ. Хитрый военачальникъ уловилъ довѣрчивость посланнаго, и онъ отправился въ ожиданіи благопріятнаго отзыва. Такимъ образомъ дано время отдохновенія утомленнымъ войскамъ, прибыли новонабранныя и обучались ежедневно, кавалерія поправилась и усилена, артиллерія въ полномъ комплектѣ.

Въ Тарутинѣ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при князѣ Кутузовѣ. Справедливо пріобрѣлъ онъ извѣстность отлично храбраго и твердаго въ опасности офицера, но многіе обманулись, ожидавшіе въ немъ соотвѣтствующихъ способностей и распорядительности. Въ царствованіе Екатерины II служилъ онъ полковникомъ и командовалъ полкомъ; долго потомъ живши въ отставкѣ, возвратился онъ на службу; войны настоящаго времени представили ему новую сцену, на которой, при чрезмѣрномъ честолюбіи и неукротимомъ желаніи возвыситься, одной храбрости было уже недостаточно; онъ, какъ человѣкъ очень умный и еще болѣе хитрый, ловко умѣлъ пользоваться слабостію князя, въ чемъ способствовалъ ему полковникъ Толь, сильное имѣвшій вліяніе, съ которымъ вошелъ онъ въ тѣсную связь. Послѣ производства князя Кутузова генералъ-фельдмаршаломъ за Бородинское сраженіе, нашелъ онъ нужнымъ имѣть при себѣ дежурнаго генерала, съ намѣреніемъ, какъ угадывать легко, не допускать близгаго участія въ дѣлахъ (по новому положенію о дѣйствующихъ арміяхъ) генерала барона Беннигсена, къ которому отношенія его были очень непріязненны, но званіе, послѣднимъ носимое, необходимо къ нему приближало.

Получено извѣстіе о кончинѣ достойнѣйшаго и незабвеннаго

князя Багратіона. Въ память его осталось имя 2-й арміи на нѣкоторое время, но она уже не существовала.

23-го числа сентября военный министръ, генералъ Барклай-де-Толли, оставилъ армію и чрезъ Калугу отправился далѣе. Не стало терпѣнія его: видѣлъ съ досадою продолжающіеся безпорядки, негодовалъ за недовѣрчивое къ нему расположеніе, невнимательность къ его представленіямъ [1]). Мнѣ извѣстно было намѣреніе его удалиться, и потому, не задолго предъ отъѣздомъ его, подалъ я рапортъ, что, чувствуя себя къ отправленію моей должности неспособнымъ, прошу возвратить меня въ армію. Представленный въ подлинникѣ рапортъ мой фельдмаршаломъ оставленъ безъ отвѣта. Вмѣстѣ съ Барклаемъ-де-Толли уѣхалъ директоръ собственной его канцеляріи, флигель-адъютантъ, гвардіи полковникъ Закревскій, офицеръ отлично благородныхъ свойствъ, съ которымъ былъ я въ отношеніяхъ совершенно дружескихъ, раздѣляя и горести неудачной войны, и пріятныя въ ней минуты. Остался одинъ близкій мнѣ человѣкъ, исправляющій должность дежурнаго генерала, флигель-адъютантъ, полковникъ Кикинъ, почтенный благородными свойствами, искренно мною уважаемый. Едва-ли кому могъ я нравиться, бывши точнымъ исполнителемъ воли взыскательнаго начальника, и я не видѣлъ доброжелательствующихъ мнѣ, но завидующихъ многихъ. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, въ новой должности своей, встрѣтившись съ дѣлами, совершенно ему незнакомыми, затрудняющими его, нашелъ облегченіе въ томъ, что препровождалъ ихъ ко мнѣ огромными кучами, чтобы на нихъ надписывалъ я приличествующія разрѣшенія. Нѣкоторое время исполнялъ я это изъ уваженія къ нему, не взирая на чрезмѣрную ограниченность его способностей. Но когда самолюбіе воспрещало ему раздѣлять труды со мною, и онъ думалъ продолжать мои занятія, для него весьма выгодныя, я объяснилъ ему, что не нахожу удовольствія изыскивать зависимости, когда могу ея избавиться. Не скрывалъ въ то же время сожалѣнія, что должности его обширной и многосложной онъ исправить не въ состояніи.

---

[1]) На другой день послѣ Бородинскаго сраженія, главнокомандующій Барклай-де-Толли, самымъ лестнымъ для меня образомъ одобривъ дѣйствія мои въ сраженіи, бывши ближайшимъ свидѣтелемъ ихъ, и говоря о многихъ обстоятельствахъ, сказалъ мнѣ: „Вчера я искалъ смерти и не нашелъ ея“. Имѣвши много случаевъ узнать твердый характеръ его и чрезвычайное терпѣніе, я съ удивленіемъ видѣлъ слезы на глазахъ его, которыя онъ скрыть старался. Сильны должны быть огорченія!

Коновницынъ со врожденною ему хитростію, искусно придавая ей наружность простосердечія, говорилъ всѣмъ, что вопреки его желанія, сколько ни старался онъ уклониться отъ возложенной на него должности, не могъ успѣть въ томъ. Напротивъ, онъ въ восхищеніи былъ отъ назначенія.

До сего доклады фельдмаршалу дѣлалъ я, и приказанія его мною отдаваемы были, но при новомъ вещей порядкѣ, одни только чрезвычайные случаи объяснялъ я ему лично и замѣтилъ, сколько много перемѣнилось прежнее его особенно благосклонное ко мнѣ расположеніе [1]). Пронырствомъ не искалъ я обратить его къ себѣ милости и воспользовался возможностію переѣхать жить въ ближайшую отъ главной квартиры маленькую деревню; къ фельдмаршалу являлся не иначе какъ по его приказанію; съ Коновницынымъ видался не рѣдко, но чаще переписывался, отталкивая порученія его, которыя я не имѣлъ обязанности исполнять, и въ перепискѣ со мною онъ, конечно, не выигрывалъ. Безъ ошибки могу предположить, что онъ вредилъ мнѣ въ тайнѣ и прочнѣе! Природа мало создаетъ людей, у которыхъ наружность всегда спокойная, неразгадываемая. Коновницынъ имѣетъ лицо, на всякаго рода впечатлѣнія одинаково составленное, на которомъ является измѣнническое равнодушіе, улыбка уловляющей простоты, располагающая къ откровенности. Однако не можетъ онъ покорить—чувства завистливости: оно обнаруживается блѣдностію, покрывающею лицо его.

Въ такихъ отношеніяхъ былъ я съ Коновницынымъ, который охладилъ ко мнѣ расположеніе полковника Толя, въ дружбѣ коего доселѣ не имѣлъ я причины сомнѣваться; обоимъ имъ надобно было полное на князя Кутузова вліяніе, и они вмѣстѣ успѣли поселить вражду между нимъ и генераломъ Беннигсеномъ. Уменьшившіяся мои занятія заставили меня повторить рапортъ

---

[1]) Въ главную квартиру, при селеніи Красной Пахрѣ, присланъ отъ Государя генералъ-адъютантъ князь Волконскій собрать подробныя свѣдѣнія о состояніи армій. Отъ него узналъ я, что, отправляя изъ Петербурга Кутузова къ арміямъ, Государь отдалъ ему подлинныя мои къ нему письма, дабы могъ онъ составить нѣкоторое понятіе о дѣлахъ и обстоятельствахъ до прибытія его на мѣсто. Это истолковало мнѣ совсѣмъ не прежнее расположеніе ко мнѣ Кутузова, сколько, впрочемъ, ни было оно прикрыто благовидною, со стороны его, наружностію. Предъ отъѣздомъ своимъ князь Волконскій объявилъ мнѣ, что Государь, желая узнать, отъ чего Москва оставлена безъ выстрѣла, сказалъ: „Спроси Ермолова: онъ долженъ это знать“. По просьбѣ его я обѣщалъ ему записку, но съ намѣреніемъ уѣхалъ изъ главной квартиры.

мой объ удаленіи отъ должности, но безъ успѣха; итакъ остался я принадлежащимъ главной квартирѣ, свидѣтелемъ чванства разныхъ лицъ, возникающей знатности, интригъ, пронырства и происковъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ партизанами, видно было, что непріятельскій авангардъ, состоящій въ командѣ Неаполитанскаго Короля, Мюрата, до самой Москвы не имѣлъ никакихъ войскъ въ подкрѣпленіе и потому не могъ во-время имѣть помощи. Фельдмаршалъ рѣшился атаковать его. Невозможно было устранить отъ составленія диспозиціи генерала Беннигсена, начальника главнаго штаба всѣхъ дѣйствующихъ армій; не хотѣлось допустить участія въ успѣхѣ, въ чемъ, по превосходству силъ нашихъ, не было сомнѣнія; онъ же, сверхъ того, предлагалъ вести самъ войска, назначенныя къ первой атакѣ. Положеніе мѣста тщательно осмотрѣно. сдѣлана диспозиція; первыя войска, назначенныя къ дѣйствію, выступили изъ лагеря въ ночи на 6 число октября, всѣ прочія 6-го числа, предъ разсвѣтомъ, переправились за рѣчку Нару и были въ готовности. 1-й кавалерійскій корпусъ генералъ-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, впереди котораго генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ со многими полками донскихъ казаковъ, должны были обходить лѣвый флангъ непріятеля и по возможности дѣйствовать въ тылъ; въ то же самое время на оконечность фланга направлена была атака генералъ-лейтенанта Багговута съ II пѣхотнымъ корпусомъ, въ слѣдъ за которымъ шелъ IV корпусъ генералъ-лейтенанта графа Остермана-Толстого; резервомъ для нихъ служилъ III корпусъ пѣхотный генералъ-адъютанта графа Строгонова; VI корпусъ генерала Дохтурова назначенъ въ центръ; лѣвое крыло, подъ начальствомъ генерала Милорадовича, составлено изъ VII корпуса генерала-лейтенанта Раевскаго и войскъ, бывшихъ въ авангардѣ. Въ резервѣ были вся гвардія и кирасирскіе полки; фельдмаршалъ при нихъ находился.

Вскорѣ по разсвѣтѣ услышаны были рѣдкіе пушечные выстрѣлы. Непріятель, расположенный спокойно, безъ всякой предосторожности, при внезапномъ ударѣ казаковъ, пришелъ въ замѣшательство и, не допущенный устроиться въ порядокъ, защищался слабо. II корпусъ безъ затрудненія вышелъ изъ лѣсу и ударилъ. Казаки, съ храбрымъ полковникомъ Сысоевымъ, бросились на пушки и взяли нѣсколько орудій. При самомъ началѣ сраженія, изъ первыхъ выстрѣловъ, убитъ ядромъ генералъ-лейтенантъ Багговутъ [1]), IV кор-

[1]) Извѣстный блистательною храбростію и предпріимчивостію, уважаемый за отлично благородныя его свойства, фельдмаршалъ далъ повелѣніе

пусъ генералъ-лейтенанта графа Остермана, по недостатку распорядительности съ его стороны, не прибылъ во-время къ своему назначенію и въ дѣлѣ почти не участвовалъ. Сраженіе могло кончиться несравненно съ большею для насъ выгодою, но вообще мало было связи въ дѣйствіи войскъ. Фельдмаршалъ, увѣренный въ успѣхѣ, оставался при гвардіи, собственными глазами ничего не видалъ; частные начальники распоряжались по произволу. Огромное количество кавалеріи нашей, близко къ центру и на лѣвомъ крылѣ, казалось болѣе собраннымъ для парада, красуясь стройностію болѣе, нежели быстротою движенія. Можно было не допустить непріятеля соединить разсѣянную по частямъ его пѣхоту, обойти и стать на пути его отступленію; ибо между лагеремъ его и лѣсомъ было не малое пространство. Непріятелю дано время собрать войска, свезти съ разныхъ мѣстъ артиллерію, дойти безпрепятственно до лѣсу и пролегающею чрезъ него дорогою отступить чрезъ селеніе Вороново. Непріятель потерялъ 22 орудія до 2.000 плѣнныхъ, весь обозъ и экипажи Мюрата, короля Неаполитанскаго. Богатые обозы были лакомою приманкою для нашихъ казаковъ: они занялись грабежемъ, перепились и препятствовать непріятелю въ отступленіи не помышляли.

За день предъ симъ непріятель имѣлъ свѣдѣніе о намѣреніи нашемъ сдѣлать нападеніе; войска были въ готовности и строгая повсюду осторожность въ продолженіе всей ночи, но ожиданіе было напрасно. Нынѣшнюю ночь непріятелемъ сдѣлано распоряженіе объ отступленіи артиллеріи и обозамъ дано было повелѣніе; войска собраны на своихъ мѣстахъ. Адъютантъ, присланный съ приказаніемъ къ начальнику артиллеріи, нашедши его спящимъ, не хотѣлъ разбудить его, не знавши важности приказанія и, подобно прошедшему дню, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, войска были распущены и отдыхали, и потому наши войска нашли ихъ почти сонными, стражу оплошную, лошадей въ кавалеріи неосѣдланныхъ.

дежурному генералу Коновницыну отправиться и, по обозрѣніи, что происходитъ, ему донести; мнѣ также приказалъ ѣхать и остаться при дѣйствующихъ войскахъ. Мнѣ встрѣтились случаи, въ которыхъ нашелъ я нужнымъ употребить имя фельдмаршала: видѣлъ, что дѣлалось и что должно быть сдѣлано. Генералъ баронъ Беннигсенъ, назначивъ войскамъ праваго крыла цѣль ихъ дѣйствій, не взялъ на себя общихъ распоряженій, полагая, что ими озаботится самъ фельдмаршалъ, которому подробно объяснилъ обстоятельства, лично находившись при атаковавшихъ войскахъ и давши имъ направленіе.

Первое наступательное дѣйствіе арміи нашей въ продолженіе кампаніи весьма ободрило войска наши и противное вліяніе произвело на непріятеля, который наказанъ за дерзость стоять противъ насъ съ силами столько слабыми и въ далекомъ разстояніи отъ прочихъ его войскъ.

Съ мѣста сраженія, верхомъ у колеса дрожекъ фельдмаршала, сопровождалъ я его до лагеря, и изъ словъ его легко могъ понять, въ какомъ смыслѣ готовился онъ сдѣлать донесеніе Государю [1]). На другой день, не дожидая рапорта генерала Беннигсена, который, по начертанному имъ плану, предводилъ войска, назначенныя къ атакѣ, и началъ сраженіе, не сказавши ему ничего, отправилъ донесеніе. Съ сего времени непріязнь между ними усилилась. Вѣроятно, не отдано ему должной справедливости и объ насъ, подчиненныхъ его, не упоминается!

Генералъ-маіоръ Дороховъ, съ отрядомъ на лѣвомъ крылѣ нашемъ находящійся, донесъ, что занялъ городъ Верею, взялъ штурмомъ устроенный въ немъ редутъ и защищающій его непріятельскій гарнизонъ, и что поспѣшавшій къ нему на помощь отрядъ отступилъ.

Партизаны Сеславинъ и Фигнеръ, осмотрѣвши непріятеля при селеніи Ѳоминскомъ, обратились къ генералъ-маіору Дорохову, прося его съ отрядомъ подкрѣпить ихъ атаку. Обнадеженные имъ, начали они перестрѣлку, но онъ, прибывши одинъ, былъ свидѣтелемъ ихъ неудачи и, по несоразмѣрности средствъ, нѣкоторой потери. Партизанъ Фигнеръ объяснилъ о семъ поступкѣ дежурному генералу Коновницыну, но генералъ-маіоръ Дороховъ не только не подвергся замѣчанію, но не надѣясь на позволеніе непосредственно, по собственному распоряженію, овладѣть селомъ Ѳоминскимъ, сдѣлалъ слѣдующее представленіе, 9-го числа октября, что непріятель занимаетъ село Ѳоминское, деревню Котово, и небольшая часть силъ его расположена около города Боровска, что повсюду его не

---

[1]) Разговоръ его со мною начинался выраженіемъ, „голубчикъ“, особенно, когда намѣревался онъ не высказать настоящей мысли своей, и только по различной степени, всегда, впрочемъ, смягчаемаго звука голоса, можно было ожидать болѣе или менѣе притворства. Было уже темно, сокрыта игра его физіономіи и онъ свободнѣе. „Какой далъ Богъ славный намъ день! Непріятель потерялъ ужасно. Взято много пушекъ и, говорятъ, по лѣсамъ разбросано ихъ много; а плѣнныхъ—толпами ихъ гонятъ! Надобно собрать точныя свѣдѣнія“. Пушки всѣ и плѣнныхъ я видѣлъ. Непріятель не былъ тѣснимъ въ отступленіи и не былъ въ положеніи бросать пушки. Выслушавши разсказъ, я не обманусь, заключая, что донесеніе будетъ не безъ украшеній.

болѣе восьми тысячъ человѣкъ, и что онъ разобьетъ его, если къ отряду его прибавлено будетъ два полка пѣхоты съ артиллеріею. По дружественному расположенію, генералъ Коновницынъ, готовый исполнить его желаніе, доложилъ фельдмаршалу, но всегда осторожный, онъ разсудилъ за благо поручить исполненіе генералу-отъ-инфантеріи Дохтурову. Съ нимъ назначенъ VI пѣхотный корпусъ, 1-й кавалерійскій корпусъ генералъ-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, рота конной артиллеріи полковника Никитина и нѣсколько казачьихъ полковъ. Мнѣ приказано находиться при генералѣ Дохтуровѣ [1]).

Партизаны Сеславинъ и Фигнеръ отправлены прежде осмотрѣть, нѣтъ ли непріятеля близко къ селу Ѳоминскому, который могъ бы прійти на помощь.

Войска выступили 10 числа октября. Мелкій осенній дождь портилъ очевидно худую проселочную дорогу. Труденъ былъ переходъ, движеніе замедляла батарейная артиллерія, безпрестранно вытаскиваемая пѣхотою изъ грязи. Генералъ согласился на предложеніе мое оставить ее подъ небольшимъ прикрытіемъ, впредь до назначенія, куда ей слѣдовать. Легкая артиллерія при войскахъ была въ огромномъ количествѣ.

Присоединившійся съ своимъ отрядомъ, генералъ-маіоръ Дороховъ донесъ, что непріятель, въ числѣ двухъ тысячъ пѣхоты, отъ города Боровска преслѣдуетъ войска донского подполковника Власова съ тремя казачьими полками. Около деревни Котова бивуакъ на четыре тысячи человѣкъ. Близъ села Ѳоминскаго лагерь въ лѣсу, почему невозможно опредѣлить силъ; ночью видны огни, у моста чрезъ Нару стоитъ батарея.

Не доходя до селенія Котова, войска расположились на ночлегъ такъ, чтобы, на разсвѣтѣ взявши его, атаковать тотчасъ село Ѳоминское. Всѣмъ войскамъ запрещено разводить огни, чтобы зарево не обнаружило близкое ихъ пребываніе. 1-й кавалерійскій корпусъ и всѣ казачьи полки остановились впереди. Я былъ съ генералъ-адъютантомъ барономъ Меллеромъ.

Давно прошла полночь и сближалось время двинуть войска. Не было извѣстія отъ партизановъ, которые должны были отыскать меня. Вскорѣ услышанъ топотъ лошадей по грязной равнинѣ. На окликъ часового отозвался Сеславинъ. Совсѣмъ неожиданны были

---

[1]) Фельдмаршалъ, призвавши меня, встрѣтилъ обыкновеннымъ, ничего не значущимъ, привѣтствіемъ, „голубчикъ“; говорилъ, что желаетъ очень овладѣть селомъ Ѳоминскимъ, и заключилъ словами: „Ты пойдешь съ Дохтуровымъ; я буду покоенъ; увѣдомляй чаще о томъ, что будетъ!“

доставленныя имъ извѣстія, измѣнившія планъ всѣхъ вообще дѣйствій нашей арміи.

Въ четырехъ верстахъ не доходя села Ѳоминскаго, укрывшись въ лѣсу близъ дороги, Сеславинъ видѣлъ Наполеона съ огромною его свитою, за нимъ его гвардію и другія многочисленныя войска. Пропустивши ихъ, схватилъ нѣсколько плѣнныхъ и расторопнѣйшаго изъ нихъ, гвардейскаго унтеръ-офицера, привезъ съ собою, который показалъ слѣдующее: „Уже четыре дня, какъ мы оставили Москву. Маршалъ Мортье, съ его отрядомъ, по взорваніи Кремлевскихъ стѣнъ, присоединится къ арміи. Тяжелая артиллерія, кавалерія, потерявшая лошадей, и всѣ излишнія тяжести отправлены по Можайской дорогѣ, подъ прикрытіемъ корпуса польскихъ войскъ, въ командѣ генерала князя Понятовскаго. Завтра главная квартира императора въ городѣ Боровскѣ. Далѣе направленіе на Малоярославецъ“.

Немедленно доложено о томъ генералу Дохтурову, и тогда же дежурный штабъ-офицеръ корпуса отправленъ имъ съ донесеніемъ къ фельдмаршалу, спокойно пребывающему въ Тарутинѣ. Онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ генералъ-адъютанта барона Винценгероде, находящагося съ отрядомъ въ окрестностяхъ Москвы.

Если бы партизанъ Сеславинъ не могъ предупредить благовременно, VI пѣхотный корпусъ и прочія съ нимъ войска, при атакѣ села Ѳоминскаго, понесли бы неизбѣжно сильное пораженіе, и былъ бы Малоярославецъ безпрепятственно занятъ непріятелемъ.

Весьма благосклонно принялъ генералъ Дохтуровъ мое представленіе: вмѣстѣ съ разсвѣтомъ слѣдовать обратно и, присоединивъ оставленную батарейную артиллерію, поспѣшить въ Малоярославецъ. Согласился также, чтобы генералъ баронъ Меллеръ, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, конно-артиллерійскою ротою полковника Никитина и казачьими полками, произвелъ обозрѣніе къ сторонѣ Боровска и потомъ возвратился къ корпусу. Я отправился съ нимъ.

Туманно было утро, и не рано начали проясняться предметы. Мы увидѣли Боровскъ, окрестности его, занятыя войсками и артиллеріею въ большихъ силахъ; часть пѣхоты, вышедшую изъ города по почтовой дорогѣ; по рѣчкѣ Протвѣ, во многихъ мѣстахъ, конные пикеты, которые тотчасъ сбиты, но, подкрѣпленные скрытыми въ лѣсу резервами, усилили перестрѣлку. Генералъ баронъ Меллеръ, хотя и не желалъ, по краткости дня, завязать дѣло, принужденъ былъ, однако же, послать часть войскъ и половину конно-артиллерійской роты. Проскакавши съ версту молодымъ березникомъ, еще сохранившимъ листъ, представилась намъ не вдалекѣ

почтовая изъ Боровска дорога и на ней бивуакъ арміи Италіянскаго вице-короля Евгенія и французскій корпусъ маршала Даву. Не теряя времени, возвратились мы на лѣвый берегъ рѣчки Протвы. Войска Донского храбраго Сысоева полка, избранному расторопному офицеру приказалъ я съ нѣсколькими казаками непріятельскимъ берегомъ доѣхать до Малоярославца, узнать, что происходитъ въ городѣ, и ночью отыскать насъ на возвратномъ пути къ генералу Дохтурову. Гораздо за полночь догналъ онъ насъ и донесъ, что мостъ черезъ рѣчку Лужу, у самаго Малоярославца, разобранъ жителями, съ которыми онъ переговаривался чрезъ рѣчку. Отъ атамана Платова присланъ въ городъ разъѣздъ казаковъ. У моста стоятъ три баталіона непріятельской пѣхоты. Въ девять часовъ утра городничій и другіе гражданскіе чиновники были при своихъ мѣстахъ, но вскорѣ потомъ удалились, и въ городѣ большое смятеніе.

Прошедши всю ночь, съ краткими для отдохновенія привалами, рано по утру соединились мы съ VI корпусомъ [1]). Онъ расположенъ былъ близъ города, на дорогѣ въ Калугу. Съ лѣваго же фланга стоящей батарейной артиллеріи дѣйствіе направлено было на мостъ, который непріятель всячески старался исправить.

Первый полкъ, присланный генераломъ Дохтуровымъ, былъ 33-й егерскій. Долго противился онъ, выгодно расположенный на вершинѣ крутого отъ рѣчки подъема, но часть города, прилежащая къ мосту оставалась постоянно въ рукахъ непріятеля, и онъ успѣлъ, по набросаннымъ кладкамъ, перевезти въ городъ два орудія. Войска его умножались и начинали вступать въ улицы. Противолежащій берегъ покрылся войсками вице-короля Италіянскаго.

Въ помощь 33-му егерскому присланы, подъ командою полковника Вуича, 6 и 19-й егерскіе полки. Генералъ Дохтуровъ войска, находящіяся въ городѣ, поручилъ въ мое распоряженіе. Неустрашимо защищались они, но, преодолѣваемыя превосходствомъ, должны были отступить и, тѣснимые, съ трудомъ вывезли мы нашу артиллерію, и нашихъ не было уже въ городѣ. Непріятель занималъ крайнюю черту его, при ограниченномъ числѣ артиллеріи.

Въ это время, противъ праваго фланга нашего лагеря, появилась пѣхота, вѣроятно, высланная для обозрѣнія силъ нашихъ и расположенія ихъ: ибо въ короткое время, дѣйствіемъ батарей на-

---

[1]) Съ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ служили мы вмѣстѣ, въ однихъ чинахъ, прежде отечественной войны, въ дивизіи свѣтлѣйшаго князя Суворова, утонувшаго въ Рымникѣ, всегда хорошими пріятелями, теперь дѣйствуемъ мы единодушно.

шихъ, понуждена возвратиться въ городъ. По приказанію генерала Дохтурова, съ неимовѣрною быстротою явились ко мнѣ пѣхотные полки Либавскій и Софійскій. Каждый полкъ особенно приказалъ я построить въ полковыя колонны, лично подтвердилъ нижнимъ чинамъ не заряжать ружья и безъ крику „ура!“ ударить въ штыки. Генералъ-маіору Талызину назначилъ вести Либавскій полкъ; съ Софійскимъ послалъ полковника Халяпина. Вмѣстѣ съ ними пошли всѣ егерскіе полки. Атакѣ ихъ предшествовала весьма сильная канонада съ нашей стороны. Съ большимъ урономъ сбитый непріятель оставилъ намъ довольное пространство города, въ серединѣ котораго храбрый полковникъ Никитинъ [1]) занялъ возвышенность, гдѣ было кладбище, и на ней поставилъ батарейныя орудія. Долго непріятель не могъ употребить противъ насъ равнаго количества артиллеріи, вѣроятно, остерегаясь подвергнуться опасности, по затрудненію, въ случаѣ отступленія.

Прошло уже за половину дня. Большія массы войскъ французской арміи приблизились къ городу и расположились за рѣчкою Лужею; умножилась артиллерія, и атаки сдѣлались упорнѣе. Я приказалъ войти въ городъ Вильманстрандскому пѣхотному и 2-му егерскому полкамъ, составлявшимъ резервъ. Они способствовали намъ удержаться, но уже не въ прежнемъ выгодномъ расположеніи, и часть артиллеріи я приказалъ вывезти изъ города.

Испросивши позволеніе генерала Дохтурова, я поручилъ генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову, отъ имени моего, донести фельдмаршалу во всей подробности о положеніи дѣлъ нашихъ и о необходимости ускорить движеніе арміи, или городъ впадетъ во власть непріятеля. Армія стояла на рѣкѣ Протвѣ, у села Спасскаго. Непріятнымъ могло казаться объясненіе мое фельдмаршалу, когда свидѣтелями были многіе изъ генераловъ. Онъ отправилъ обратно графа Орлова-Денисова безъ всякаго приказанія.

Не съ большою благосклонностію принятъ былъ вторично посланный отъ меня (также многіе изъ генераловъ находились при фельдмаршалѣ), и съ настойчивостію объясненная потребность въ скорѣйшемъ присутствіи арміи могла имѣть видъ нѣкотораго замѣчанія, или упрека. Онъ съ негодованіемъ плюнулъ такъ близко къ стоявшему противъ него посланному, что тотъ досталъ изъ карма-

---

[1]) Состоявшіе въ распоряженіи его мои адъютанты: гвардіи поручикъ графъ-Визинъ, на передовыхъ постахъ наблюдалъ за движеніями непріятеля; артиллеріи поручикъ Поздѣевъ, сидя на ближайшей колокольнѣ, направлялъ дѣйствіе батареи на колонны, которыя, закрываемы будучи рядами домовъ, подвигались въ улицахъ.

на платокъ, и замѣчено, что лицо его имѣло болѣе въ немъ надобности.

Не безполезною, однако же, оказалась употребленная мною настойчивость, ибо къ тремъ часамъ прибылъ генералъ-лейтенантъ Раевскій съ своимъ корпусомъ [1]). Занявши съ праваго фланга довольно большую часть города и устроивъ свои резервы, онъ далъ возможность войскамъ, прежде тамъ бывшимъ, подвинуться впередъ.

Прежде вечера прибылъ фельдмаршалъ съ арміею [2]), которая заняла позицію по обѣимъ сторонамъ дороги, идущей въ Калугу, по возвышенностямъ, въ двухъ верстахъ съ половиною отъ города. Приказалъ генералъ-лейтенанту Бороздину 1-му вступить съ корпусомъ въ городъ, смѣнить утомленные полки, съ самаго начала сраженія защищавшіе городъ, послѣ чего и я не возвращался уже туда; приказалъ также, на ближайшій отъ черты города пушечный выстрѣлъ, строить нѣсколько редутовъ и тотчасъ приступить къ работамъ.

Съ величайшимъ упорствомъ дрались французы, и въ особенности тѣснимый корпусъ генерала Бороздина не могъ уже противостоять. Мѣсто его заняли свѣжія войска въ значительныхъ силахъ. Окончательно введены гренадерскіе полки, и почти до полуночи продолжалась жесточайшая борьба. Войсками распоряжался дежурный генералъ Коновницынъ, съ обычною его неустрашимостью

---

[1]) Давно уже былъ онъ близко къ Малоярославцу; но корпусъ его не иначе могъ выступить, какъ по собственному повелѣнію фельдмаршала; я видѣлъ его, какъ любопытнаго зрителя, пріѣзжавшаго прежде, и отъ него я зналъ, что корпусъ его не въ дальнемъ разстояніи.

[2]) Генералъ Дохтуровъ, изъ доставленныхъ извѣстій партизаномъ Сеславинымъ усмотрѣвъ невозможность атаковать село Ѳоминское, 11-го числа октября отправился обратно, чтобы поспѣшнѣе прибыть къ Малоярославцу. Донесеніе о томъ получилъ фельдмаршалъ рано утромъ того же 11-го числа.

Если бы немедленно выступившей изъ Тарутина арміи приказано было ускорить движеніе и не останавливаться въ селѣ Спасскомъ на рѣкѣ Протвѣ, она пришла бы къ Малоярославцу по крайней мѣрѣ три часа ранѣе, заняла бы ту же позицію на дорогѣ въ Калугу. Не надлежало приступать къ устроенію редутовъ, которые казались всѣмъ неумѣстными, и не только не умножать въ большомъ количествѣ свѣжія войска, для удержанія за собою города, напротивъ, полезно было вывести тѣ, которыхъ необходима была упорная защита до прибытія арміи. Это сократило бы потерю не одной тысячи человѣкъ, и доказывается тѣмъ, что Наполеонъ, имѣвши во власти городъ, видѣвши удаленіе арміи нашей, ничего предпринять не рѣшился, и ясно видно было, что не существовало ни малѣйшихъ пріуготовленій къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

и изъ послѣднихъ оставилъ городъ. Овладѣвшій имъ непріятель, въ крайней чертѣ его (въ опушкѣ) расположилъ артиллерію и въ продолженіе ночи ничего не предпринялъ!

13-го числа октября, поутру армія занимала ту же позицію. Атаманъ генералъ Платовъ, собравши на оконечности лѣваго нашего крыла большое количество Донскихъ войскъ, перешелъ рѣчку Лужу и ударилъ на непріятельскую конницу. Внезапное нападеніе произвело большой безпорядокъ и смятеніе. Казаки взяли плѣнныхъ, тринадцать пушекъ и одно знамя. Отступили тогда, какъ большія массы войскъ обратились на нихъ. При семъ случаѣ понесъ огромную потерю уланскій полкъ польской гвардіи.

Атаманъ Платовъ оставилъ нѣсколько полковъ, приказавши имъ находиться и по возможности дѣйствовать въ тылу непріятельской арміи.

По приказанію фельдмаршала, взятыя пушки и знамя провезены по лагерю, для показанія войскамъ.

Призвавши меня, князь Кутузовъ сказалъ о намѣреніи его отойти съ арміею по направленію на Калугу. Стараясь убѣдить его остаться въ позиціи, если не весь день, по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ, я долженъ былъ войти въ подробности и говорилъ, что съ самаго начала дня не умножена артиллерія въ опушкѣ города, ничто не обнаруживаетъ пріуготовленій къ дѣйствіямъ наступательнымъ. Не отъ Наполеона можно ожидать безразсудной рѣшительности атаковать нашу армію въ ея выгодной позиціи, имѣя въ виду городъ, въ маломъ числѣ тѣсныя улицы, повсюду неудобные къ рѣчкѣ спуски, пагубные, въ случаѣ отступленія, мосты подъ нашими выстрѣлами. Армія наша превосходила въ силахъ, особенно послѣ отправленія на Можайскъ польской арміи и большаго числа тяжелой артиллеріи[1]). Кавалерія наша свѣжая и въ хорошемъ состояніи; у непріятеля большой въ ней недостатокъ. Можно было подозрѣвать, что городъ занятъ однимъ авангардомъ, ибо главныя массы обозрѣны были за рѣчкою Лужею. Фельдмаршалъ настаивалъ доказать выгоду отступленія арміи. Меня спросилъ онъ, какъ я думаю. Я допускалъ движеніе арміи, но только на малое разстояніе, по направленію на Медынь. „Какъ можно это, въ виду непріятеля?“ Я отвѣчалъ, что Платовъ взялъ пушки на той сторонѣ рѣчки Лужи. „Я люблю говорить съ тобою, ибо никогда обстоятельства не представляются

[1]) Вскорѣ изъ показанія плѣнныхъ объяснилось, что князь Понятовскій съ польскою арміею и малымъ весьма числомъ кавалеріи находится при Наполеонѣ, но что вся прочая, вмѣстѣ съ французскою и всѣхъ другихъ союзниковъ конницею, отправлена спѣшенная изъ Москвы чрезъ Можайскъ.

тебѣ въ худомъ видѣ". Таковыми, конечно, казались они всякому. Я увѣренъ, что Кутузовъ не ожидалъ атаки со стороны Наполеона, не противорѣчилъ разсужденію моему, что недостаточно цѣлаго дня, чтобы продвинуть черезъ городъ всю армію съ ея артиллеріею, и необходимо имѣть пространство, гдѣ бы расположить ее въ какомъ-либо предварительномъ порядкѣ. Со всѣмъ тѣмъ армія на одинъ переходъ отошла по Калужской дорогѣ, гдѣ уже находился Кутузовъ 14-го числа октября, при самомъ началѣ дня. Оставленъ арріергардъ подъ начальствомъ генерала Милорадовича, составленный изъ II-го пѣхотнаго корпуса, бывшаго генерала Багговута; IV-го пѣхотнаго корпуса графа Остермана; кавалерійскаго корпуса генералъ-адъютанта барона Корфа, и нѣсколькихъ Донскихъ полковъ съ генералъ-маіоромъ Карповымъ.

14-го числа октября, предъ полуднемъ, высланъ изъ города небольшой отрядъ пѣхоты; бывшая при немъ артиллерія перестрѣливалась съ артиллеріею передовыхъ постовъ нашего арріергарда. Прочія войска не приняли въ томъ участія, и день кончился безъ послѣдствій [1]).

Ночью уже возвратился я въ главную квартиру и, отогрѣваясь въ своей избѣ, не имѣлъ нужды быть у фельдмаршала. Вдругъ неожиданно требуетъ онъ меня къ себѣ. Первыя слова его: „Милорадовичъ доноситъ, что непріятелемъ оставленъ Малоярославецъ и занятъ нашими войсками. Наполеонъ съ арміею въ пяти верстахъ за городомъ". Съ покорностію изъявилъ я ему, что безъ вниманія оставлена просьба моя не отдалять арміи къ Калугѣ. Фельдмаршалъ продолжалъ: „Непріятеля наблюдаютъ одни передовые казачьи посты. Милорадовичъ приказалъ генералъ-адъютанту барону Корфу съ кавалерійскимъ корпусомъ и донскими полками генерала Карпова слѣдовать за непріятелемъ, по исправленіи мостовъ чрезъ рѣчку Лужу, въ самомъ городѣ обоимъ пѣхотнымъ корпусамъ не сдѣлалъ назначенія. Отправляйся теперь же къ Милорадовичу, собери всѣ свѣдѣнія и извѣстія, назначь приличное направленіе войскамъ, и Милорадовичу объяви на то мое повелѣніе. Мнѣ обо всемъ давай знать подробно. Впредь до особеннаго приказанія оставайся у Милорадовича! Ты знаешь, голубчикъ, что въ рапортѣ не все можно писать, и потому увѣдомляй меня просто

[1]) Одинъ изъ генераловъ, командующій дивизіею, давалъ обѣдъ корпусному своему командиру, графу Остерману, гдѣ я находился также. На открытомъ мѣстѣ, воздухъ чрезвычайно свѣжій, не противился нѣкоторому умноженію тостовъ. Не рано кончилась бесѣда, и я, сѣвши въ телѣгу, приказалъ везти себя шагомъ, чтобы отдохнуть и даже уснуть немного, и спокойно отправился въ главную квартиру.

записками! Движеніе арміи я буду согласовать съ дѣйствіями авангарда.“ Отправляясь, я доложилъ фельдмаршалу, что, какъ уже объяснилось рѣшительное отступленіе Наполеона, то полезно усилить авангардъ, и выпросилъ генералъ-маіора Паскевича, извѣстнаго храбростію, съ командуемою имъ 26-ю пѣхотною дивизіею, и ему приказано тотчасъ слѣдовать. Милорадовича нашелъ я въ Малоярославцѣ и за ужиномъ у барона Корфа веселую бесѣду. Много оставалось еще ночи, и въ расположеніи войскъ не было никакой перемѣны. На томъ же мѣстѣ стоялъ лагерь Наполеона, вѣроятно, давая время собраться разбросаннымъ въ разныя стороны отрядамъ. Извѣстія отъ окрестныхъ жителей противорѣчили одни другимъ. Слышно было, что большія силы замѣчены къ сторонѣ Боровска и Вереи. Я объявилъ волю фельдмаршала, чтобы съ разсвѣтомъ II и IV пѣхотные корпуса выступили по направленію въ городъ Медынь. Съ началомъ дня кавалерійскій корпусъ, съ нимъ генералъ баронъ Корфъ и всѣ донскіе полки были въ виду непріятеля. Наполеонъ продолжалъ отступленіе, далеко въ правой сторонѣ оставляя городъ Верею, но точнаго направленія не легко было угадать. Не дошедши до Медыни, я получилъ свѣдѣнія, что атаманъ Платовъ преслѣдуетъ непріятеля, взялъ уже флангъ его, что посланный отъ него съ частію казаковъ генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ нанесъ совершенное пораженіе выступившему изъ Медыни отряду польскихъ войскъ.

Генералъ Милорадовичъ, ускоривъ движеніе свое, прошелъ чрезъ село Одоевское, село Кременское на рѣчкѣ Лужѣ и село Георгіевское, мѣстами спокойными, гдѣ жители не оставляли домовъ своихъ, и намъ ни въ чемъ не было недостатка.

Атаманъ Платовъ между тѣмъ, близъ Колоцкаго монастыря, на дорогѣ отъ Можайска въ Гжатскъ, отнялъ двадцать пять орудій безъ большихъ усилій; во множествѣ плѣнные доставались ежедневно; всякаго рода недостатки обнаруживали худое состояніе поспѣшно отступающей французской арміи. Преслѣдуя до Гжатска, Платовъ сближался съ авангардомъ Милорадовича, который доходилъ до села Никольскаго, на дорогѣ отъ Гжатска до Юхнова. Здѣсь установлено между нами сношеніе. Изъ села Георгіевскаго писалъ я фельдмаршалу, что армія можетъ сократить путь и прямо идти на городъ Вязьму, будучи совершенно закрытою авангардомъ. Онъ взялъ предложенное мною направленіе, но ничего не отвѣчалъ, и мы знали только, что армія изъ лагеря при селѣ Дичинѣ пошли на Медынь. По извѣстіямъ атамана Платова и по показаніямъ плѣнныхъ подтверждалось, что Наполеонъ, сопровождаемый своею гвардіею, идетъ впереди на цѣлыя сутки; три корпуса его

арміи вмѣстѣ, но въ величайшемъ безпорядкѣ. Начальствующій ими Евгеній, вице-король Италіянскій, видя всегда однихъ казаковъ, не подозрѣваетъ, чтобы на лѣвомъ флангѣ его могла быть пѣхота наша въ значительныхъ силахъ, скрытно наблюдавшая его въ близкомъ разстояніи отъ большой дороги. Недостатокъ кавалеріи у французовъ лишилъ ихъ возможности обозрѣвать окрестности.

Основательно заключалъ генералъ Милорадовичъ, что, отрѣзавъ у непріятеля единственную дорогу, стать съ однимъ авангардомъ противъ всей арміи было небезопасно: онъ рѣшился идти къ селенію Царево Займище, гдѣ хорошо извѣстное намъ мѣстоположеніе представляло намъ большія выгоды. На послѣднемъ переходѣ къ селенію, особенно подтверждено было начальникамъ идущихъ въ головѣ войскъ, чтобы мѣсто ночлега ихъ скрыто было непремѣнно; воспрещены были огни на бивуакѣ. Никогда не было болѣе необходимо присутствіе при нихъ самого Милорадовича, но вотъ что произошло.

При Милорадовичѣ находился отлично способный и храбрый полковникъ Потемкинъ, нѣчто въ родѣ начальника штаба. Въ этотъ день на переходѣ давалъ онъ обѣдъ Милорадовичу; восхваляемъ былъ искусный его поваръ; не безъ вниманія смотрѣли на щеголеватый фургонъ, въ которомъ хранился фарфоровый сервизъ и во множествѣ разные лакомые припасы. Было мѣсто и для шампанскаго. Полки проходили съ пѣснями и кричали „ура!“ Коротокъ былъ день, и ночлегъ не близокъ. Не доѣхавши еще до него, услышали мы ружейные выстрѣлы. Поспѣшно прискакавши, мы нашли сильную уже перестрѣлку. Начальникъ 4-й пѣхотной дивизіи, принцъ Евгеній Виртембергскій, вопреки распоряженію, не только не старался скрыть пребыванія своего, но такъ близко къ дорогѣ, по которой безпечно проходилъ непріятель, подвинулъ посты свои, что онъ долженъ былъ взять предосторожности, выслать стрѣлковъ и составленныя съ поспѣшностію массы въ особенномъ устройствѣ. Безразсудное дѣйствіе принца Евгенія, любимаго войсками, неустрашимаго, но мало способнаго къ соображеніямъ, хотя нѣсколько сложнымъ, поставило въ необходимость графа Остермана подкрѣпить его IV-мъ корпусомъ и всѣмъ прочимъ войскамъ приказать быть въ готовности. Непріятель, пользуясь темнотою продолжительной ночи, и не остановясь на ночлегъ, съ поспѣшностію продолжалъ движеніе, и мы лишились случая нанести ему сильное пораженіе. Генералъ Милорадовичъ, человѣкъ при дворѣ ловкій, сообразивъ, что принцъ Евгеній принадлежалъ царскому нашему дому, былъ къ нему весьма снисходительнымъ. Я, объяснивъ ему важность послѣдствій неисполненнаго распоряженія, сообщилъ, что

въ званіи моемъ я обязанъ донести обо всемъ фельдмаршалу, и увѣренъ былъ, что принцъ почиталъ его несравненно превосходящимъ ловкостію генерала Милорадовича.

Если бы непріятель не былъ встревоженъ неожиданнымъ нашимъ появленіемъ, онъ расположился бы на ночлегъ, и на другой день былъ бы атакованъ на маршѣ. Авангардъ могъ напасть на часть войскъ, соразмѣрную своимъ силамъ, и ее уничтожить.

Выступивши рано на другой день, мы нашли за селомъ Царево Займище весьма длинное дефиле, состоящее изъ высокой насыпи, по которой пролегала вязкая дорога, обсаженная огромными тополями. Видно было, какія представляла она затрудненія проходившему ночью непріятелю. Во многихъ мѣстахъ оставлены въ грязи тяжелыя орудія, фуры съ зарядами и обозы, или сброшены съ дороги, чтобы не препятствовали послѣдующимъ. Не менѣе двухъ часовъ употребили мы, чтобы авангардъ продвинуть чрезъ дефиле.

Послѣ записки моей фельдмаршалу, посланной изъ села Георгіевскаго, послалъ я другую, прося убѣдительно прійти съ арміею къ городу Вязьмѣ 22-го октября. Теперь, какъ видно, я вполнѣ оправданъ самими обстоятельствами, и, конечно, не иначе можемъ мы встрѣтить сопротивленіе, какъ приближаясь къ Вязьмѣ. Отъ имени фельдмаршала получилъ я письмо полковника Толя, въ которомъ чувствительно было негодованіе за настойчивость моихъ представленій, и что князь, конечно, предупредилъ бы самъ таковымъ распоряженіемъ, если бы чаще извѣщаемъ былъ о дѣйствіяхъ авангарда, и сообщилъ, что армія прибудетъ 21-го числа октября въ окрестности города Вязьмы.

Генералъ Милорадовичъ получилъ повелѣніе фельдмаршала 26-ю пѣхотную дивизію съ генералъ-маіоромъ Паскевичемъ [1]) и три кавалерійскіе полка отправить къ войскамъ атамана Платова, дѣйствующимъ по большой дорогѣ. Онъ желалъ [2]), чтобы я былъ съ нимъ, и 22-го числа я переѣхалъ къ нему.

---

[1]) Дивизія тогда находилась еще въ слѣдованіи къ авангарду.

[2]) Я готовъ былъ сдѣлать это по собственному побужденію, находя нужду въ отдохновеніи отъ безпорядковъ, какихъ не видывалъ я въ жизни моей, и съ которыми Милорадовичъ не могъ разлучиться на одну минуту. Въ ежедневной дислокаціи войскъ авангарда назначалась его квартира, и ни одного разу онъ въ ней не находился. Посылаемые за приказаніями офицеры, сталкиваясь по дорогамъ, его отыскивали. Въ квартирѣ Милорадовича помѣщался графъ Остерманъ, и я вмѣстѣ съ нимъ. Пробуждаясь не рѣдко ранѣе ихъ, въ той же избѣ, подъ ихъ глазами, писалъ Милорадовичу, сообщалъ распоряженія фельдмаршала, никакихъ отъ него не получая, и которыя, безъ сомнѣнія, присвоятъ себѣ его окружающіе.

Непріятель во весь день отступалъ поспѣшно, слабо защищаясь, и атаманъ Платовъ имѣлъ ночлегъ въ 27 верстахъ отъ города Вязьмы. Извѣстно было отъ плѣнныхъ, что непріятель намѣревался удерживать городъ, и что Наполеонъ впереди на разстояніи небольшого перехода. Милорадовичъ и Платовъ, желая вознаградить потерянные труды четырехъ переходовъ вѣрнымъ успѣхомъ при селеніи Царево Займище, не могли имъ воспользоваться, и потому назавтра, 22-го октября, условились дѣйствовать всѣми силами соединенно. Авангардъ, проселочною дорогою ускоривъ движеніе, долженъ быть въ готовности атаковать правый флангъ непріятеля, когда, отступая, придетъ онъ къ селу Ѳедоровскому. Платовъ тотъ день началъ преслѣдовать позже обыкновеннаго, разсчитывая, что авангардъ не прежде одиннадцати часовъ можетъ прійти къ назначенному мѣсту, отправилъ два отряда казаковъ съ артиллеріею, и при нихъ генералъ-маіоровъ Иловайскаго 5-го и Кутейникова. Изъ 26 пѣхотной дивизіи, бывшей еще въ нѣкоторомъ отдаленіи, посадивъ на конь 300 человѣкъ 5-го егерскаго полка, приказалъ прибыть поспѣшнѣе и самъ выступилъ съ ночлега въ семь часовъ. Непріятель показалъ арріергардъ слабый. Въ девять часовъ слышна была съ лѣвой стороны канонада, предполагаемая противъ отрядовъ Иловайскаго и Кутейникова, но вскорѣ они присоединились и извѣстили, что непріятель въ большихъ силахъ удерживаетъ движеніе авангарда. Прибыли посаженные на конь егеря, и съ чрезвычайною скоростію приближался генералъ-маіоръ Паскевичъ съ дивизіею. Атаманъ Платовъ поручилъ въ распоряженіе мое регулярныя войска, придавъ имъ нѣсколько казачьихъ полковъ. Непріятель упорно защищалъ выгодную возвышенность, умножилъ на ней силы. Я подвинулъ прибывшіе съ полковникомъ княземъ Вадбольскимъ кавалерійскіе полки, и началась канонада. Курляндскій драгунскій полкъ ударилъ на приближавшуюся пѣхоту и, не взирая на картечный огонь, разсѣялъ съ большимъ ея урономъ. Но полки наши не только оттѣснены были, но и самой батареѣ было угрожаемо. Въ это самое время прибѣжали полки 26 пѣхотной дивизіи, возстановили порядокъ и непріятеля весьма усилившагося отразили. Авангардъ Милорадовича, встрѣчая менѣе сопротивленія, подвинулся впередъ. Донскіе полки съ частію артиллеріи посланы обойти собравшуюся не въ большой массѣ непріятельскую конницу съ праваго ея фланга. Она не допустила атаки нашей кавалеріи, поддерживаема будучи сильною пѣхотою. Одну изъ ея колоннъ храбро атаковалъ и опрокинулъ Каргопольскій драгунскій полкъ. Войска атамана Платова вошли въ связь съ войсками авангарда, по всей линіи загорѣлась сильная канонада, и непріятель, упорно сопротивляясь, отступилъ

во всѣхъ пунктахъ, направляясь на лежащую не далеко гораздо лучшую позицію, сосредоточивъ свои силы. Сократилась и наша линія. Происходили между частей войскъ удачныя и не вполнѣ успѣшныя схватки. Казалось намъ всѣмъ, по времени, клонящемуся къ вечеру, по силамъ непріятеля, что, вспомоществуемый выгодою мѣстоположенія, онъ удержится до ночи и займетъ городъ для удобнѣйшаго отступленія. Но совершенно удивлены мы были, увидѣвъ, что, по мѣрѣ приближенія нашего, непріятель оставлялъ позицію. Быстро преслѣдовали войска наши, умножая на каждомъ шагу замѣшательство въ полкахъ непріятельскихъ и, не останавливаясь на лежащей предъ городомъ равнинѣ, соединился весь авангардъ генерала Милорадовича. Сильно занята была опушка города, и нѣкоторое время одна артиллерія была въ дѣйствіи. На конечности праваго нашего крыла войска донскія съ ихъ артиллеріею находились подъ личнымъ предводительствомъ атамана. Намъ извѣстно было, что фельдмаршалъ стоялъ съ арміею въ близкомъ разстояніи, но съ мѣста не двигался. Но въ продолженіе канонады нашей прибыла кирасирская дивизія съ гвардейскою конною артиллеріею и открыла батареи свои съ малымъ весьма вредомъ непріятелю, который примѣтно уменьшилъ принятыя имъ въ началѣ предосторожности, увидѣвъ одну только кавалерію. Командующій генералъ-адъютантъ Уваровъ благоразумно избѣгалъ безполезной потери въ лучшихъ полкахъ арміи, кавалергардскомъ и конной гвардіи. Тогда видѣлъ я генерала Беннигсена, который говорилъ мнѣ, что армія наша не далеко, что онъ здѣсь любопытнымъ зрителемъ происшествій. Въ то же время пріѣзжалъ Коновницынъ, но, въ званіи дежурнаго генерала, ни во что не вмѣшивался. Становилось уже темно, и генералъ Беннигсенъ, чувствуя холодъ, сказалъ, что отогрѣется чаемъ въ Главной квартирѣ.

Замѣчено, что слабѣе охраняема опушка города, и рѣшена общая атака по всей линіи. Со стороны авангарда назначенъ г. Милорадовичемъ начальникъ 11-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Чоглоковъ, и полки Перновскій и Кексгольмскій ударили въ штыки и вошли въ городъ. Встрѣтившая ихъ колонна гренадеръ италіянской арміи поражена и преслѣдована въ городѣ. Въ то же самое время и въ ближайшую улицу, изъ войскъ, порученныхъ атаманомъ въ мое распоряженіе, генералъ-маіоръ Паскевичъ съ 26 дивизіею, штыками открылъ себѣ путь по тѣламъ противоставшаго непріятеля, и, минуты не остановясь, перешелъ рѣку, преслѣдуя бѣгущихъ до крайней черты города. Самъ атаманъ Платовъ съ правой оконечности нашей вступилъ въ городъ и, перейдя за рѣку, занялъ большую часть онаго. Мгновенно ворвались въ городъ: состоявшій при

Милорадовичѣ адъютантъ мой, поручикъ Граббе, съ командою стрѣлковъ и двумя орудіями конной артиллеріи, а съ противоположной стороны партизаны Сеславинъ и Фигнеръ. Повсюду уступалъ непріятель; поспѣшно удаляясь, зажегъ нѣсколько домовъ, гдѣ была артиллерійская лабораторія, и пламя, распространясь, охватило большой военный госпиталь, сдѣлавшійся жертвою. Войска наши, занимая городъ, частію силъ расположились по наружности. Въ этотъ день взято нами въ плѣнъ: одинъ генералъ, много офицеровъ и нижнихъ чиновъ болѣе двухъ тысячъ, два знамени и нѣсколько пушекъ. Плѣнные показали, что ихъ было три корпуса: вице-короля Италіянскаго Евгенія, маршаловъ Даву и Нея, всего сорокъ тысячъ человѣкъ. Маршалъ Ней былъ уже въ 17 верстахъ за городомъ, но, услышавъ канонаду, возвратился въ помощь сражающимся. Говорятъ, но не утверждая, что и самъ Наполеонъ былъ въ городѣ, когда мы приближались къ нему, но отправился къ гвардіи своей и войскамъ, продолжающимъ отступленіе къ Смоленску.

Непріятель, оставивши городъ, занялъ ближайшее къ нему кладбище и на немъ учредилъ батарею. На главной площади города стояла наша пѣхота, большое число казаковъ при атаманѣ Платовѣ, и я вмѣстѣ съ нимъ. Огни бивуака служили цѣлью и часто не безъ вреда упадали ядра. Въ опушку города выслана рота артиллеріи, но мы должны были оставить площадь [1]).

Если бы стоявшая вблизи армія присоединилась къ авангарду, на первой позиціи былъ бы опрокинутъ непріятель; оставалось большое пространство для преслѣдованія; могли быть части войскъ совершенно уничтоженныя и гораздо прежде вечера городъ въ рукахъ нашихъ. Съ превосходствомъ силъ нашихъ не трудно было отбросить часть непріятеля на Духовщину и всегда предупреждать ее на худой дорогѣ въ слѣдованіи къ Смоленску.

Въ Вязьмѣ въ послѣдній разъ мы видѣли непріятельскія войска, побѣдами своими вселявшія ужасъ повсюду и въ самихъ насъ уваженіе. Еще видѣли мы искусство ихъ генераловъ, повиновеніе подчиненныхъ и послѣднія усилія ихъ.

На другой день не было войскъ, ни къ чему не служила опыт-

---

[1]) Фельдмаршалъ, узнавши, что Наполеонъ оставилъ Малоярославецъ, занятый уже нашими войсками, медленно двинулъ армію, въ двадцати верстахъ стоявшую при селеніи Дичинѣ, и усматривая, съ извѣстною своею прозорливостію, что огромное пространство, начинающееся жестокое время года, голодъ и всякаго рода лишенія уготовятъ гибель французской арміи, не намѣревался тѣснить ее. При Вязьмѣ же находилась гвардейская кирасирская дивизія, и конечно полагаетъ Государь, что могла быть въ дѣйствіи и вся армія! Тутъ всякій узнаетъ Кутузова!

ность и искусство генераловъ, исчезло повиновеніе солдатъ, отказались силы ихъ, каждый изъ нихъ болѣе или менѣе былъ жертвою голода, истощенія и жестокости погоды. Въ четырехъ верстахъ далѣе Вязьмы, на переправѣ чрезъ небольшой ручей, нашли мы нѣсколько брошенныхъ орудій. Поспѣшность въ отступленіи не происходила отъ того, чтобы авангардомъ нашимъ тѣснимъ былъ непріятель, всю ночь шедшій безпрепятственно.

23-го числа октября авангардъ въ прежнемъ его составѣ, подъ начальствомъ Милорадовича, при которомъ дано мнѣ приказаніе находиться, преслѣдовалъ непріятеля по большой дорогѣ на Дорогобужъ. Атаманъ съ казаками и ихъ конною артиллерію пошелъ въ правую сторону отъ большой дороги. Фельдмаршалъ съ арміею взялъ направленіе на городъ Ельню. Морозъ былъ необыкновенный!

Авангардъ, не сдѣлавъ выстрѣла до села Семлева, взялъ въ плѣнъ болѣе тысячи нижнихъ чиновъ и нѣсколько офицеровъ, совершенно изнуренныхъ и больныхъ. По всей дорогѣ разбросаны были пушки, зарядныя фуры и обозы безъ упряжи. Единственная пища людей была лошадиное мясо, но и того было мало, ибо чуть годныхъ лошадей брали подъ артиллерію. Непріятель отступилъ поспѣшно: отдыхалъ немного днемъ, не достигаемый нашимъ авангардомъ; въ ночи, тревожимый казаками, продолжалъ движеніе. Слѣды его означали разрушеніе спасающейся бѣгствомъ арміи.

Не дошедши восьми верстъ до города Дорогобужа, непріятель, переправясь за рѣчку Осьму, расположился на ночлегъ; мостъ сохраненъ былъ для послѣднихъ его войскъ. Передовые наши отряды, стремительно преслѣдуя ихъ, въ такое привели замѣшательство, что они, стѣсняясь на мосту, бросили пушки въ воду и лагерь подвергся близкому дѣйствію нашихъ орудій. Но сильная колонна непріятельской пѣхоты быстро кинулась чрезъ мостъ на нашу сторону, и не малая опасность угрожала нашимъ батареямъ.

Атаманъ Платовъ изъ Вязьмы отправился на Духовщину, по извѣстіямъ, что туда идетъ паркъ тяжелой артиллеріи, высланный въ Можайскъ предъ выступленіемъ Наполеона изъ Москвы. Медленно было его движеніе, по причинѣ огромнаго количества повозокъ подъ канцеляріями различныхъ штабовъ и экипажей множества чиновниковъ (non combattans). Прикрытіе состояло большею частію изъ войскъ арміи вице-короля Италіянскаго и прочихъ союзниковъ. Уклонясь отъ большой дороги, они почитали себя въ безопасности, не соблюдали порядка, ни малѣйшей осторожности. Внезапное появленіе тучи казаковъ съ самимъ атаманомъ Платовымъ привело все въ замѣшательство; никто не помышлялъ о защитѣ, всякій искалъ спасенія. Взяты въ плѣнъ: одинъ генералъ, занимающій

важное мѣсто въ арміи, всѣ чиновники, много нижнихъ чиновъ и многочисленная коллекція картъ и плановъ [1]). Казакамъ, при самой незначительной потерѣ, достались въ руки шестьдесятъ три орудія и богатая весьма добыча.

Атаманъ Платовъ, пришедши на правый берегъ Днѣпра, остановился противъ предмѣстія Смоленска, укрѣпленнаго французами. Наполеонъ съ гвардіею и вся армія занимали городъ.

Изъ Дорогобужа предписано генералу Милорадовичу съ авангардомъ слѣдовать къ арміи, а мнѣ приказано пріѣхать въ главную квартиру.

Отъ рѣки Осьмы до Дорогобужа генералъ-маіоръ Юрковскій съ двумя егерскими полками и легкою кавалеріею преслѣдовалъ непріятельскій арріергардъ, который, слабо защищаясь, оставилъ нѣсколько пушекъ. Далѣе, разбивши его у Соловьевой переправы, отнялъ много орудій и отъ Смоленска возвратился къ своему мѣсту, въ авангардъ.

Прежде прибытія арміи нашей въ городъ Ельню, генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ посланъ съ отрядомъ овладѣть французскими рекрутскими депо, расположенными въ разныхъ мѣстахъ окрестности, частію осмотрѣнными уже партизанами, Давыдовымъ, Фигнеромъ и Сеславинымъ.

Въ Ельнѣ находился генералъ-маіоръ князь Яшвиль (Владиміръ Михайловичъ), командовавшій милиціею Калужской губерніи. Узнавши о движеніи генерала Ожеро, онъ оставилъ городъ, но, настигнутый, долженъ былъ принять неравный бой противъ сильнаго рекрутскаго депо. Внезапно прибывшій генералъ графъ Орловъ-Денисовъ охранилъ милицію и, преслѣдуя генерала Ожеро, атаковалъ его, упорно защищавшагося въ занимаемомъ селеніи. Графу Орлову-Денисову содѣйствовали трое нашихъ партизановъ. Огнемъ артиллеріи нашей взорваны фуры съ патронами, и генералъ сдался. Взято плѣнными болѣе полутора тысячъ человѣкъ. Спѣшившій на помощь съ рекрутскою своею конницею, генералъ Шарпантье, потерявъ часть ея, отброшенную въ болото, удалился. Въ селеніи Клементинѣ сожжены магазины съ заготовленіями разнаго рода. Встрѣченный нашими партизанами съ рекрутскимъ пѣхотнымъ депо, генералъ Бараге д'Илье, узнавши о сдачѣ генерала Ожеро, размѣнявшись нѣсколькими ружейными выстрѣлами, поспѣшно отступилъ.

---

[1]) Изъ числа ихъ карту большей части Германіи, огромнаго размѣра, изящно въ всѣхъ подробностяхъ отдѣланную (рисованную и оттушеванную кистью), видѣлъ я у князя Волконскаго, начальника главнаго штаба Государя Императора. Наше депо картъ обогатилось такими съемками, каковыхъ тогда уже, конечно, не было во Франціи.

Въ движеніи отъ Смоленска до Москвы непріятельская армія, для обезпеченія сообщеній, располагала военные посты, достаточно укрѣпленные противъ внезапныхъ нападеній, въ церквахъ и отдѣльныхъ строеніяхъ, гдѣ удобно могли храниться запасы продовольствія и другія снабженія для войскъ, идущихъ къ арміи. Но беззаботливость до такой простиралась степени, что нигдѣ и никакихъ запасовъ заготовляемо не было.

Не прежде окрестные поселяне Москвы взялись за оружіе, какъ по занятіи ея Наполеономъ. Быстрое движеніе его арміи не давало времени тревожить деревни, лежащія близко по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Жители не покидали домовъ своихъ, производили прежнія сельскія работы и ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Непріятелю могли служить чрезвычайно важнымъ пособіемъ находящіяся въ тылу арміи селенія, если бы шедшія за нею нестройныя толпы развратной союзной сволочи воздерживаемы были отъ безчинствъ и разбоевъ. Между народомъ спокойнымъ и не раздраженнымъ, разсыпанныя ловкимъ образомъ деньги, въ уплату за доставляемые припасы, если бы и не могли предотвратить возстанія, то, конечно, не сдѣлалось бы оно общимъ и столько гибельнымъ; но даже нѣтъ сомнѣнія, что нашлись бы и готовые усердствовать.

Наполеонъ, видѣвши нашу армію въ грозномъ порядкѣ отступившую послѣ ужасной битвы Бородинской, Москву, оставленную безъ защиты, обреченную произвольно на истребленіе пламенемъ, долженъ былъ убѣдиться, что продолженіе войны неизбѣжно, и особенно, когда, долго ожидая тщетно предложеній о мирѣ со стороны фельдмаршала, прислалъ онъ съ объясненіями генерала Лористона [1]) въ главную его квартиру, селеніе Тарутино.

Правдоподобно было, что онъ умножитъ армію идущими свѣжими войсками, призваны будутъ недалеко расположенные сильные во множествѣ резервы. Но каждый далекъ былъ отъ мысли, чтобы такъ скоро и въ самое неблагопріятное время предпринялъ онъ отступленіе.

Главная квартира фельдмаршала была въ городѣ Ельнѣ; графу Остерману съ IV пѣхотнымъ корпусомъ приказано быть недалеко впереди, для наблюденій. Доходили слухи, что въ Смоленскѣ собраны огромные запасы, и фельдмаршалъ допускалъ мысль, что Наполеонъ, давши отдыхъ арміи, возстановитъ въ ней порядокъ; но, конечно, нелѣпыми казались ему толки главной квартиры, что если наша армія приблизится къ Красному, тогда Наполеонъ пой-

---

[1]) Бывшаго при нашемъ Дворѣ посломъ предъ самою войною, всѣми отлично уважаемаго за вѣжливое и обязательное обращеніе.

детъ изъ Смоленска, чрезъ Мстиславль, и въ городѣ Могилевѣ, присоединивши къ себѣ польскія войска генерала Домбровскаго, возьметъ дальнѣйшее направленіе къ Литвѣ, мѣстами не опустошенными.

Въ Смоленскѣ Наполеонъ не нашелъ никакихъ заготовленій, даже гвардіи его не доставало полныхъ раціоновъ; направился на Красный, занялъ его своею гвардіею и слабымъ корпусомъ маршала Даву, въ ожиданіи главныхъ своихъ силъ, которыя медленно двигались по большой дорогѣ, каждый корпусъ особенно, безъ всякой между собой связи, безъ взаимной обороны, въ совершенномъ разстройствѣ, со множествомъ людей безсильныхъ владѣть оружіемъ, до невѣроятности изнуренныхъ голодомъ.

Фельдмаршалу докладывалъ я, что изъ собранныхъ отъ окрестныхъ поселянъ показаній, подтвержденныхъ изъ Смоленска выходящими жителями, графъ Остерманъ доноситъ, что тому болѣе уже сутокъ, какъ Наполеонъ выступилъ съ своею гвадіею въ Красный. Не могло быть болѣе пріятнаго извѣстія фельдмаршалу, который полагалъ гвардію гораздо сильнѣйшую, составленную изъ приверженцевъ, готовыхъ на всякое отчаянное пожертвованіе. Выслушавши докладъ мой, онъ предложилъ генералу Беннигсену завтракать съ собою и, положивши на тарелку котлету, съ особенною привѣтливостію подалъ мнѣ ее и вмѣстѣ рюмку вина. Съ ними отправился я къ окошку, ибо по тѣснотѣ негдѣ было посадить меня. При семъ случаѣ баронъ Беннигсенъ представлялъ необходимость скорѣйшаго движенія арміи на Красный. Онъ удивленъ было грубою ошибкою Наполеона, который, если бы въ Смоленскѣ не потерялъ напрасно трое сутокъ, успѣлъ бы, по устроенному въ мѣстечкѣ Дубровнѣ мосту перейти на правый берегъ Днѣпра, не только не преслѣдуемый, ниже замѣченный нашими арміями [1]).

Приказано составить подъ начальствомъ генерала Милорадовича авангардъ изъ корпусовъ 1-го и 2-го кавалерійскихъ, II и IV пѣхотныхъ, сильной артиллеріи и нѣсколькихъ казачьихъ полковъ. На меня возложена обязанность находиться при авангардѣ.

Испрашивая снисхожденія къ чувству нѣкотораго самодовольствія со стороны моей, я долженъ объяснить, что оно произведено

---

[1]) По окончаніи завтрака, просилъ я генерала Беннигсена съ настойчивостью объяснить необходимость предложеннаго имъ. „Если бы не зналъ я тебя, Ермоловъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, съ самаго ребячества твоего, впослѣдствіи долгое время подъ начальствомъ моимъ, я могъ бы думать, что ты желаешь противнаго; ибо, что предлагаю я, по мнѣнію моему, полезное, по большой части оно приводится иначе въ исполненіе. Ты не можешь не знать этого“.

лестнымъ одобреніемъ генерала Беннигсена, когда изложилъ я ему соображеніе мое на счетъ предстоящихъ дѣйствій. Я полагалъ, что Наполеону выгоднѣе было выступить изъ Смоленска правымъ берегомъ Днѣпра. Морозы, скрѣпившіе болота, сдѣлали пути столько же удобными, какъ почтовая дорога. Направленіе на Смоляны оставляло въ сторонѣ городъ Оршу и Дубровну, сокращало разстояніе и ускоряло сближеніе съ маршаломъ Удино. Наполеону не могло быть извѣстно, что городъ Полоцкъ уже въ рукахъ нашихъ, и что происходитъ съ войсками, защищавшими его, и тѣми, которыя содѣйствовали гарнизону по сдачѣ города. Много было причинъ, побуждавшихъ къ поспѣшности.

Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ доносилъ, что, по болѣзни, не въ состояніи заниматься, бывшимъ въ его распоряженіи, отрядомъ, просилъ о передачѣ его. Не скрывая негодованія своего, онъ принималъ за оскорбленіе, что, при разбитіи рекрутскаго депо генерала Ожеро и разсѣяніи другихъ его частей, признано содѣйствіе нашихъ партизановъ, а не одному ему приписанъ весь успѣхъ. Въ командованіе отрядомъ его вступилъ генералъ-маіоръ Бороздинъ. Составленъ новый отрядъ изъ 19-го егерскаго полка, шести орудій артиллеріи и достаточнаго количества казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго. Приблизившись къ Красному, не соблюлъ онъ должной осторожности, полагая, что отступающій непріятель ничего не предприметъ. Ночью графъ Ожаровскій атакованъ стремительно гвардіею Наполеона въ большихъ силахъ. Велика была потеря въ храбромъ егерскомъ полку; особеннымъ счастіемъ уцѣлѣла артиллерія, и при общемъ замѣшательствѣ, темнота была спасительнымъ покровомъ. Молвѣ о случившейся неудачѣ старались дать желанное направленіе, что̀, впрочемъ, не препятствовало самимъ подробностямъ сдѣлаться извѣстными. Государю описано происшествіе съ выгоднѣйшимъ истолкованіемъ, и всѣ остались довольными! Непріятель самъ торжествовалъ побѣду въ своемъ лагерѣ. Итакъ прославленному вождю открытъ путь къ возобновленію подвиговъ!

Генералу Милорадовичу съ авангардомъ приказано уже было идти къ городу Красному.

Атаманъ Платовъ, по занятіи Вязьмы и блистательномъ набѣгѣ на Духовщину, гдѣ овладѣлъ огромнымъ паркомъ артиллеріи и другими важными предметами, явился предъ укрѣпленнымъ французами предмѣстьемъ города Смоленска, на правомъ берегу Днѣпра, когда Наполеонъ находился въ городѣ. Слѣдуя этимъ берегомъ, атаманъ полагалъ предупредить Наполеона въ Дубровнѣ, или Оршѣ, и, затрудняя его при переправѣ, сколько возможно замедлить его

движеніе, но узналъ, что, спокойно перешедши Днѣпръ, Наполеонъ, находится въ Оршѣ. Не могъ представить себѣ атаманъ Платовъ, чтобы армія наша, знавшая въ подробности состояніе непріятеля, съ неимовѣрною поспѣшностію уходящаго, не тронулась даже съ мѣста.

Ноября 3 числа авангардъ генерала Милорадовича, не дойдя десять верстъ до Краснаго, приблизился къ идущей изъ Смоленска большой дорогѣ. Мѣсто IV корпуса заступилъ VII корпусъ генерала Раевскаго. Часть кавалеріи авангарда вступила въ дѣло, непріятель скрылся въ лѣсъ. Взяты плѣнные и въ обозѣ богатая изъ Москвы добыча.

Въ этотъ день наша пѣхота мало была употреблена, и авангардъ отошелъ на ночлегъ въ ближайшее, разоренное селеніе, оставленное жителями. Передовые извѣщательные посты наблюдали дорогу.

Ноября 4 числа вице-король Италіянскій, слѣдовавшій изъ Смоленска съ остатками своей арміи, къ которой присоединено было нѣсколько частей другихъ войскъ, миновавши правую оконечность нашего авангарда, сошелъ съ большой дороги и рѣшительно атаковалъ VII пѣхотный корпусъ. Генералъ Раевскій съ свойственною твердостію встрѣтилъ непріятеля, которому картечный огонь нашей артиллеріи, въ количествѣ гораздо превосходномъ, наносилъ ужасный вредъ, но и корпусъ Раевскаго потерпѣлъ значительный уронъ. Прежде прошедшая въ Красный непріятельская колонна возвратилась на звуки выстрѣловъ въ тылъ слабой части 4-й пѣхотной дивизіи храбраго принца Евгенія Виртембергскаго, угрожая отличному Бѣлозерскому полку. Горяча была схватка, но приспѣли полки 1-го каралерійскаго корпуса генералъ-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, и колонна опрокинута въ разстройствѣ.

Въ то время, когда атака вице-короля Италіянскаго была отражена, и онъ принужденъ былъ удалиться, Московскій драгунскій полкъ, подъ командою неустрашимаго полковника Давыдова (Николая Владиміровича), врубился въ отдалившуюся колонну пѣхоты, изъ двухъ тысячъ человѣкъ; но до того изнурены были лошади въ полку, что изъ средины колонны не могли проникнуть до ея хвоста. Въ таковой же степени истощенія и усталости была непріятельская пѣхота, что не имѣла силъ не только защищаться, но даже двигаться, бросила оружіе и сдалась въ плѣнъ. Взятъ орелъ, принадлежавшій одному изъ знаменитыхъ полковъ. Успѣхъ оружія нашего въ дѣйствіи нынѣшняго дня могъ имѣть важнѣйшія послѣдствія, но наступившая темнота заставила войска отойти на отдохновеніе, для всѣхъ необходимое, на прежній ночлегъ. Расположенные

сторожевые казачьи посты извѣстили, что вице-король прошелъ ночью въ Красный.

Ноября 5-го числа на разсвѣтѣ авангардъ, возвратясь къ большой дорогѣ, сталъ параллельно ей, но къ Красному ближе прежняго. Войска наши въ этотъ день были очень умножены: присоединились дивизіи гренадерская и 3-я пѣхотная, полки гвардейской легкой кавалеріи и кирасирскіе.

Главной квартирѣ фельдмаршала служила прикрытіемъ гвардія. Изъ полковъ ея два пѣшіе съ артиллеріею, два полка кирасирскіе и казаки составляли отрядъ генералъ-маіора барона Розена (командира лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка). Подъ начальствомъ его находились отряды генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго и генералъ-маіора Бороздина. Составъ этого войска наименованъ авангардомъ, и ему назначено быть у селенія Доброе, весьма близко отъ Краснаго.

Усмотрѣнный вдали непріятель, въ продолженіе большой части дня, проходилъ отдѣльными толпами, изъ которыхъ рѣдкія были свыше двухъ тысячъ человѣкъ, въ совершенномъ разстройствѣ. Подъ огнемъ батарей нашихъ оставляли они орудія, бросали обозы и разсѣянные, съ огромною потерею, спасались въ лѣса. Нѣкоторыя отважно прошли далѣе, но пали подъ штыками дивизіи гренадерской графа Строгонова и 3-й пѣхотной. Одну изъ колоннъ атаковали полки лейбъ-гвардіи драгунскій, гусарскій и уланскій и, хотя нанесли ей чувствительный уронъ, но глубокій снѣгъ во рвахъ по бокамъ дороги не допустилъ истребить ее и, прикрываясь ружейнымъ огнемъ, не отклоняясь даже съ дороги, она прошла въ Красный.

Противъ генерала барона Розена, ближайшаго къ городу, высланы изъ него колонны. Не долго и не твердо противлялись онѣ, бросили пушки и удалились пораженныя. Упорно дрались части Наполеоновой молодой гвардіи и корпуса маршала Даву, но не выдержали они стремительнаго удара лейбъ-гвардіи егерскаго полка; когда баронъ Розенъ ворвался въ городъ, онъ взялъ оставленныя орудія, всѣ тяжести, экипажи маршала Даву, секретную его переписку и его маршальскій жезлъ. Войскамъ досталась богатая добыча.

Подвигомъ этимъ заключилось 5 число. Гвардія наша вошла въ Красный. Армія, сосредоточенная, провела ночь у самаго города. Баронъ Розенъ, имѣя подкрѣпленіе, могъ слѣдовать за непріятелемъ, наблюдая, по крайней мѣрѣ, за его дѣйствіями, но ему приказано не выходить изъ города.

Ноября 6-го числа, съ началомъ дня, замѣченъ непріятель, идущій отъ Смоленска. Долго густой туманъ мѣшалъ опредѣлить его число, но схваченные плѣнные показали, что будетъ проходить маршалъ Ней съ арріергардомъ, составленнымъ изъ остальныхъ людей всѣхъ вообще корпусовъ, довольно значительной артиллеріи и конницы съ девятьсотъ человѣкъ соединенныхъ одиннадцати полковъ разныхъ націй, всего до пятнадцати тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ корпусъ самого маршала, весьма уже малолюдный, отличался примѣрнымъ порядкомъ.

Генералъ Милорадовичъ, съ VII пѣхотнымъ и 1 кавалерійскимъ корпусами, занялъ позицію на самой дорогѣ, предъ Краснымъ въ четырехъ верстахъ. Позади были его резервы, фронтъ прикрывали сильныя батареи, не далеко отъ спуска въ долину, въ которой переправа. Подходя къ этому мѣсту, маршалъ Ней поставилъ батарею на противолежащей высотѣ, но она не долго выдерживала дѣйствіе нашей артиллеріи. Тогда, выславши большое число стрѣлковъ, заставилъ нашихъ стрѣлковъ отдалиться, исправилъ переправу и рѣшился пробиваться. Долгое время разстилался густой туманъ по землѣ; скрываемыя имъ три колонны подвигались подъ картечнымъ огнемъ нашимъ съ неимовѣрною твердостію, въ глубокомъ молчаніи, ни одного не дѣлая выстрѣла. Батареи наши были уже связаны, и оставалось пѣхотѣ прекратить путь ихъ. Храбрый генералъ-маіоръ Паскевичъ, командующій дивизіею VII пѣхотнаго корпуса, съ двумя полками оной, стремительно ударилъ на одну изъ колоннъ, нанесъ ей ужасное пораженіе и разметалъ слабые ея остатки. На другую колонну бросился Павловскій гренадерскій полкъ и не съ меньшимъ урономъ ее опрокинулъ и разсѣялъ. При третьей колоннѣ шли пять орудій. Быстра была атака лейбъ-гвардіи уланскаго полка на колонну. Орудія остались, не сдѣлавъ выстрѣла, но согласно поддержанный ружейный огонь пѣхоты ограничилъ гораздо меньшимъ числомъ удары конницы, и колонна избѣгла истребленія. Маршалъ Ней, самъ предводившій войска, убѣдившись въ невозможности соединиться съ своею арміею, принужденъ былъ, въ крайнемъ положеніи своемъ, укрываться въ лѣсу. Еще были у него войска, еще была артиллерія. Наполеонъ, хотя и не далеко былъ отъ Краснаго, ничего, однако же, не предпринялъ въ помощь маршалу Нею. Ничто лучше не объясняло положенія Наполеона, но арміи нашей не возбудило дѣятельность. Непоколебимъ пребывалъ фельдмаршалъ, и занятіемъ арміи были однѣ остатки погибающаго Нея.

Въ продолженіе сраженія генералъ Милорадовичъ, для развлеченія силъ непріятеля, приказалъ генералъ-адъютанту барону Корфу

кавалерійскій его корпусъ [1]) подвинуть впередъ. Онъ представилъ, что охраняетъ правое крыло авангарда. Такое же повелѣніе другія войска исполнили безъ затрудненія. Имѣя порученіе наблюдать за дѣйствіями противъ скрывающагося въ лѣсу Нея, лично могъ я видѣть, сколько неудобно было вдаваться въ глубину лѣса по разбросаннымъ тропинкамъ; приказалъ я, прекративъ безполезную перестрѣлку, дѣйствовать артиллеріею въ приличныхъ случаяхъ. Я донесъ генералу Милорадовичу, что вышедшія изъ опушки лѣса непріятельскія колонны, соединившись, взяли направленіе на нашу позицію, остановились не далеко отъ батарей нашихъ и отправили отъ себя для переговоровъ офицера, который объявилъ, что число всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ колоннѣ и сдающихся плѣнными, болѣе шести тысячъ человѣкъ; оружіе у нихъ далеко неравное числу людей, пушки ни одной.

Ужасенъ былъ видъ на нихъ близкаго разрушенія отъ голода. Весьма немногихъ сохранить возможно было.

Фельдмаршалъ разрѣшилъ сдѣланное прежде генераломъ Розеномъ представленіе выступить съ отрядомъ для наблюденія; въ составъ его назначены полки гвардейской пѣхоты, два полка кирасиръ и три казачьихъ полка войска Донского. Но всѣмъ казалась чуждою всякаго соображенія мысль воспретить генералу Розену идти далѣе первой почтовой станціи, въ селеніе Ляды.

Маршалъ Ней, послѣ сдачи значительной части его войскъ, видя гибельное свое положеніе, рѣшился на отчаянное предпріятіе, перейти чрезъ Днѣпръ, какъ единственное средство спасенія.

Генералъ Милорадовичъ, отдѣливъ часть войскъ, для собранія въ одно мѣсто разбросаннаго по лѣсамъ непріятеля, возвратился въ Красный, и я сопровождалъ его.

Ноября 7-го числа сдѣлалъ я представленіе фельдмаршалу: уси-

---

[1]) Нерѣдко, досадуя, слыхалъ я надъ барономъ Корфомъ насмѣшки оскорбительныя, будто, въ случаѣ дѣйствій наступательныхъ, всегда находилъ онъ предлежащіе ему пути трудными, неудобными, и тѣ же самые пути казались ему весьма годными, когда непріятель дѣлалъ движеніе впередъ. Генералъ баронъ Корфъ отличался вѣжливостію въ обращеніи, постоянствомъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ и пользовался большимъ уваженіемъ сослуживцевъ.

Не подвергающійся сомнѣнію въ смѣлости, генералъ-лейтенантъ князь Долгоруковъ (Сергѣй Николаевичъ) вызвалъ заключеніе, что командиромъ корпуса могъ онъ быть при князѣ Кутузовѣ. Прозорливый царедворецъ не рѣшится подозрѣвать неспособности въ человѣкѣ, имѣющимъ у двора связи. Искусная классификація родовъ (фамилій) не безполезнымъ была для него соображеніемъ.

ливъ отрядъ генерала Розена, приказать ему идти впередъ, и просилъ поручить его мнѣ.

Съ особенною благосклонностію выслушавъ меня, изъявилъ соизволеніе, и немедленно сдѣлана перемѣна въ составѣ отряда. По собственному назначенію его поступили лейбъ-гвардіи егерскій и Финляндскій полки, кирасирскіе полки Его и Ея Величествъ, гвардейская пѣшая артиллерія и батарейная рота конной артиллеріи. Присоединенные батальоны пѣхоты, въ числѣ 12-ти, имѣли при себѣ полевыя орудія.

Долго не имѣвши случая видѣть никого изъ лицъ, обладающихъ главнѣйшимъ вліяніемъ на дѣла, слышалъ я, что генералъ-квартирмейстеръ Толь съ настойчивостію доказывалъ необходимость наблюденія къ сторонѣ Днѣпра и селенія Сырокоренья, но дежурный генералъ Коновницынъ, далеко не равныхъ способностей для соображеній дальновидныхъ и сложныхъ, отвергъ его предложеніе, и, конечно, ему обязанъ маршалъ Ней своимъ спасеніемъ. Безпрепятственно дошедши до селенія Сырокоренья, рѣшился онъ на отчаянное предпріятіе: перейти Днѣпръ по льду. Недостаточно сильны были морозы, и ледъ гнулся подъ ногами. Оставивъ на берегу десять пушекъ, мало весьма тяжестей, Ней пустился, сопровождаемый до полуторы тысячъ человѣкъ; за нимъ вели верховую, его единственную, лошадь.

Нерѣшительныя и медленныя дѣйствія арміи при Красномъ, фельдмаршалъ, въ донесеніи Государю, представилъ баталіями, данными въ продолженіе нѣсколькихъ дней, тогда какъ сраженія корпусовъ были отдѣльныя, не всѣми ихъ силами въ совокупности, не въ одно время, не по общему соображенію. Робкимъ дѣйствіямъ надобно было дать благовидное окончаніе, и какое можетъ быть лучше баталій? а онѣ составились по произволу. Вмѣстѣ съ тѣмъ поставлены на видъ потери и разстройство непріятельской арміи, готовыя пораженія, и даже не отвергалась мысль совершеннаго ея уничтоженія при переправѣ черезъ рѣку Березину, куда адмиралъ Чичаговъ обращенъ со всѣми его силами.

Отправляясь къ порученному мнѣ отряду, получилъ я наставленіе фельдмаршала въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Голубчикъ, будь остороженъ, избѣгай случаевъ, гдѣ ты можешь понести потерю въ людяхъ!“—„Видѣвши состояніе непріятельскихъ войскъ, отвѣчалъ я ему, которыя гонитъ, кто хочетъ, не входитъ въ мой разсчетъ отличиться подобно графу Ожаровскому“. Свѣтлѣйшій воспретилъ переходить Днѣпръ, но переслать часть пѣхоты, если атаманъ Платовъ найдетъ то необходимымъ. Ручаясь за точность исполненія, я перекрестился, но долженъ признаться, что тогда же

рѣшился поступить иначе. Его желаніе было, чтобы Наполеона полагали не далеко, и что онъ готовъ преслѣдовать его.

Атаманъ Платовъ намѣревался затруднить непріятеля при переправѣ чрезъ Днѣпръ въ Дубровнѣ, или Оршѣ, но уже прошелъ онъ безпрепятственно.

Съ возможною скоростію прибылъ отрядъ мой въ Дубровну, но посланный впередъ генералъ-маіоръ Бороздинъ, не помысливъ объ исправленіи моста, переправился за Днѣпръ. Узнавъ, что мостъ устроенъ былъ, подъ руководствомъ французскаго офицера, жителемъ города, я заставилъ его исправить мостъ по возможности. Ему выданы цѣпи и канаты отъ артиллеріи, отъ всѣхъ полковыхъ обозовъ выданы веревки. Сваи до поверхности воды были тверды. Въ продолженіе полутора сутокъ, на малое время отлучался я отъ работъ, и все пріуготовлено было.

Пѣхота переведена безъ остановки, также артиллерія, подвигаемая людьми, по толстымъ доскамъ, постланнымъ вдоль моста. Большое затрудненіе представляли ея лошади, несмотря на принятыя мѣры осторожности; ибо мостъ былъ потрясаемъ и грозилъ разрушеніемъ. Лошадей двухъ кирасирскихъ полковъ не иначе переправили, какъ спутывая ноги каждой изъ нихъ и, положивши на бокъ, протаскивали за хвостъ по доскамъ. Лошади казачьихъ полковъ перегнаны вплавь. Я поспѣшалъ соединиться съ атаманомъ Платовымъ, который находился на томъ берегу и требовалъ пѣхоты. Средствомъ сообщенія служили намъ двѣ малыя лодки. Онъ переслалъ мнѣ захваченныхъ значительныхъ двухъ чиновниковъ (non combattans), изъ которыхъ одного отправилъ я при письмѣ фельдмаршалу [1]). Усилившійся на Днѣпрѣ ледъ разрушилъ мостъ, и остались на мѣстѣ всѣ вообще обозы, часть патронныхъ ящиковъ и всѣ провіантскія фуры [2]).

Фельдмаршалъ приказалъ отрядамъ графа Ожаровскаго и Бороздина слѣдовать, для наблюденія, къ городу Могилеву, полагая, что тамъ войска польскія генерала Домбровскаго. Партизаны: Давыдовъ, переправясь за Днѣпръ вплавь, схватилъ депо кирасиръ; Сеславинъ оставленъ въ распоряженіи атамана Платова.

---

[1]) Прося удостоить его полчаса разговора, ибо онъ имѣлъ точныя свѣдѣнія о состояніи арміи Наполеона, бывши съ нею въ одно время въ Смоленскѣ. Впослѣдствіи видѣлъ я сочиненіе въ одномъ томѣ господина Puibusque кавалера ордена св. Анны второго класса, который получилъ, находясь при особѣ фельдмаршала.

[2]) Нѣкоторыя подробности о переправѣ допустилъ я потому единственно, что она совершена необыкновеннымъ способомъ, и въ доказательство, что возможно все съ несравненнымъ русскимъ солдатомъ.

Армія, въ видахъ удобнѣйшихъ средствъ продовольствія, изъ Краснаго пошла въ городъ Копысъ.

Отрядъ мой недалеко за Днѣпромъ имѣлъ ночлегъ при хуторѣ, принадлежащемъ одному изъ монастырей города Орши. Атаманъ сообщилъ мнѣ, что, удалясь отъ Смоленска, когда Наполеонъ и его армія тамъ еще находились, онъ съ того времени не имѣлъ никакихъ извѣстій и былъ чрезвычайно удивленъ, когда захваченный плѣнный со всею подробностію разсказалъ ему, что маршалъ Ней, съ малымъ числомъ сопровождавшихъ его, перейдя Днѣпръ съ большою опасностію и слышавъ отъ поселянъ, что въ окрестности появились казаки во множествѣ, скрывался въ лѣсахъ недалеко отъ Дубровны, но высланные къ нему изъ Орши полки, освободивъ его, дали возможность идти впередъ съ полною безопасностію. Я донесъ фельдмаршалу о переходѣ моемъ за Днѣпръ и получилъ съ нарочнымъ приказаніе остановиться въ мѣстечкѣ Толочинѣ, до прибытія авангарда Милорадовича. Это обнаруживало внушеніе окружающихъ его, дабы, вмѣстѣ съ приходомъ авангарда, могла быть допущена мысль, что и сама армія готова быть у рѣки Березины.

Здѣсь, на первомъ ночлегѣ моемъ, явился ко мнѣ еврей съ рапортомъ князю Кутузову графа Витгенштейна, что маршалъ Викторъ стоитъ съ корпусомъ въ прежней позиціи, у мѣстечка Череи, вѣроятно, закрывая собою войска маршала Удино, и что кавалерія его много препятствуетъ наблюденію за нимъ. Прочитавъ рапортъ, я вложилъ въ него записку съ замѣчаніемъ моимъ, что, поставя часть войскъ предъ графомъ Витгенштейномъ, для сокрытія движенія своего, могъ непріятель дать войскамъ направленіе по внѣшней сторонѣ озера Долгое, обращенной къ рѣкѣ Березинѣ, и ускорить соединеніе съ Наполеономъ, однимъ, по крайней мѣрѣ, очень большимъ переходомъ [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

[illegible] фонд [illegible] обл. библиотеки

[1]) Въ отсутствіе мое изъ Главной квартиры, для исполненія особенныхъ порученій фельдмаршала, мнѣ дано было приказаніе раскрывать посылаемыя на имя его донесенія, присоединяя къ нимъ нужныя свѣдѣнія, или подписывая просто: „Читалъ начальникъ Главнаго Штаба такой-то“.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Мордовцевъ, Д. Л. Новыя историческія повѣсти и разсказы. (2-е собраніе). Первое полное удешевл. собраніе сочиненій изъ 60 томовъ (1-я серія изъ 20 томовъ). Т. XVIII. Спб. 1911. Изд. Русскаго книгонзд. П. П. Перевозникова (Банковскій пер., 31—32, соб. домъ). Тип. Царскос. Центр. С. М. Боровкова (Царское Село. Малая ул., 61). 8° (15×21). 380+1 неп. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 29 л. 1.500 экз.

Назаревскій, Борисъ. Великорусскія народныя пѣсни. Чтенія для фабрично-заводскихъ рабочихъ. М. 1911. Изд. Комис. по устр. чтеній для рабоч. (Трубниковск. пер., д. Ржановой). Тип. Русская Печатня (Садовая-Тріумфальная, 170). 8° (17×25). 177 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 18 л. 6.000 экз.

Народный Вождь Прокопій Ляпуновъ. Спб. 1911. Изд. Всероссійскаго Національнаго Клуба (Литейный, 10). Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (14×21). 28 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Нелидовъ, З. Сочиненія и Планы. Часть IV. Новѣйшая литература и отвлеченныя темы для старшихъ классовъ средн. учебныхъ заведеній. Спб. 1911. Изд. 2-е, испр. и доп., Цуккермана (Спб., площ. Александр. театра, 5). Тип. Мильштейна (Нижегородск., 14). 8° (17×24). 186 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 18 л. 2.200 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ VII. Исторія русской интеллигенціи. Часть первая. Спб. 1911. Изд. т-ва „Обществ. Пользы“ и кн-ства „Прометей“. Тип. Т-ва „Общ. Пользы“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (17×24). XII+324 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 5.000 экз.

Полное собраніе сочиненій праведника Божія Іоанна Кронштадскаго. Томъ первый. Спб. 1911. Изд. Р. П. Лукшевичъ. Тип. Графическаго Института (5 Рождественская, 44). 8° (18×27). 526 стр. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 5.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Исторія Пугачевскаго бунта. Иллюстрированная Пушкинская библіотека, № 34. Спб. 1911. Изд. Павленкова. Тип. М. Меркушева. 16° (10×16), 160 стр. Съ рис. Складъ: кн. маг. Луковникова, Лештуковъ пер., 2. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Цыганы (поэма) для старшахъ. (Библіотека Новой Школы № 39. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 16° (13×17). 31 стр. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Риттихъ, А. Ф. Обиженный Край. Спб. 1911. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (17×25). 49 стр. и карта Зап.-Русскаго края. Вѣсъ 6. л. 100 экз.

Смирновскій, П. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Курсъ старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназій. Часть первая. Древній и средній періоды. М. 1911. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер. 11), 14-е. Тип. А. Левенсона (Трехпрудный пер., св. д.). 8° (15×22). 388 стр. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 1 ф. 15.000 экз.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Годъ русской славы. (Незабвенный 1912 годъ). Редакція Ѳ. А. Витберга. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (17×24). XIV+221 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 26 л. 10.500 экз.

Фаусекъ, В. Великій гражданинъ Александръ Ивановичъ Герценъ и его роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Историко-литературный очеркъ. Посвящается памяти 19 февраля. Харьковъ. 1911. Тип. Утро А. А. Жмудскаго. (Соляниковскій, 12). 8° (17×25). 24 стр. 3 портр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Царскосельская юбилейная выставка. Въ память 200-лѣтія Царскаго Села. Сельско-хозяйственное Товарищество при Сѣверномъ Сельско-хозяйственномъ Обществѣ. С.-Петербургъ. Загородный проспектъ, 33. Спб. 1911. Тип. Разсвѣтъ (Гороховая, 17). 8° (16×24). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Щегловъ, Борисъ. В. Г. Бѣлинскій, какъ націоналистъ. Рефератъ, прочитанный на собраніи студентовъ-націоналистовъ въ университетѣ Св. Владиміра, 26 марта 1911 г. Харьковъ. 1911. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15×23). 26 стр. съ портр. Вѣсъ 3 л. 400 экз.

Васильчъ, Г. Легенда о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ. Императоръ Александръ I и старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ. По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ. М. 1911. Изд. Т-ва Образованіе (Камергерск. п., 4), 4-е. Тип. Рус. Т-ва (Мыльниковъ п., соб. д.) 8° (18×26). 156 стр. съ рис.+5 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 4.000 экз.

Глѣбовъ, Ив. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній (отъ Бѣлинскаго до Чехова включительно). Новочеркасскъ. 1911. Изд. автора, 3-е. Тип. Ф. Тупикова. 8° (17×28). 343+V+17 стр. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 1.200 экз.

Гогинъ, И. Практическая учебная русская хрестоматія. Ч. IV. Для четвертаго класса среднихъ учебныхъ заведеній. Съ объясненіями, планами, выводами главной мысли, задачами для письменныхъ работъ и попутнымъ изложеніемъ курса теоріи русской словесности. М. 1912. Изд. к-ва К. П. Тиханова (Кузнецкій мостъ). Тип. Русск. тов. (Чистые Пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (17×24). 281 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 26 л. 4.000 экз.

Голицынъ, Сергій Михайловичъ, кн. Душевная Памятка добрымъ Нарвцамъ о славномъ и доблестномъ Шефѣ Полка Генералъ-Фельдмаршалъ Князѣ Михаилѣ Михайловичѣ Голицынѣ. М. 1911. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., соб. д.). 8° (17×25). 38 стр. Съ рис.+8 лист. рис. Вѣсъ 9 л. 1.400 экз.

Елизавета Грузинская. Грузинскій вопросъ (на основаніи Импер. Манифестовъ Павла I отъ 18-го января 1801 г. и Александра I отъ 12-го сентября 1801 г. Полнаго Собранія Законовъ т. XXII). Спб. 1911. Тип. Т-ва „Свѣтъ“ (Невскій, 136) 4° (25×33). 7 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ"

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Одесского Совета
Профессиональных Союзов